

№ 2

2015

НАСЛЕДИЕ

16+

ВЕКОВ

HERITAGE
OF CENTURIES

ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ЮЖНОГО ФИЛИАЛА ИНСТИТУТА НАСЛЕДИЯ

СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕМА НОМЕРА:
ГОД ЛИТЕРАТУРЫ В РОССИИ

№ 2

16+

2015

НАСЛЕДИЕ ВЕКОВ

HERITAGE
OF CENTURIES

ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ ЮЖНОГО ФИЛИАЛА
ИНСТИТУТА НАСЛЕДИЯ

УЧРЕДИТЕЛЬ

АНО Центр духовного развития и патриотического воспитания «Родные традиции»

ИЗДАТЕЛЬ:

Южный филиал
ФГБНИУ «Российский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева»

Выходит 4 раза в год

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации:
ЭЛ № ФС 77-62997
от 4 сентября 2015 г.

ISSN 2412-9798

Адрес редакции:

350063, г. Краснодар,
ул. Красная, д. 28, оф. 28
Тел. +7 (861) 268-22-98
E-mail:
heritage.krasnodar@gmail.com

Мнение авторов может
не совпадать с точкой зрения
редакции

Номер сверстан: 10.09.2015
Размещен в сети Интернет: 10.09.2015

Главный редактор:

ГОРЛОВА

Ирина Ивановна,
доктор философских наук,
профессор, директор
Южного филиала Института
Наследия

Заместитель главного редактора:

ЧУМАЧЕНКО

Виктор Кириллович,
кандидат филологических
наук, профессор,
старший научный сотрудник
Южного филиала
Института Наследия

Выпускающие редакторы:

КОВАЛЕНКО

Тимофей Викторович,
кандидат философских наук,
заместитель директора
Южного филиала
Института Наследия

КРЮКОВ

Анатолий Владимирович,
кандидат исторических
наук, ученый секретарь
Южного филиала Института
Наследия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

БОНДАРЕНКО

Галина Ивановна

доктор социологических наук, доцент, главный научный сотрудник Южного филиала Института Наследия

БОНДАРЬ

Виталий Вячеславович

кандидат исторических наук, начальник отдела экспертно-консультативной деятельности и проблем культурного и природного наследия Южного филиала Института Наследия

БЫЧКОВА

Ольга Ивановна

кандидат экономических наук, доцент, начальник отдела научно-образовательных проектов и программ Южного филиала Института Наследия

ГУЦАЛОВ

Александр Анатольевич

кандидат философских наук, старший научный сотрудник отдела экспертно-консультативной деятельности и проблем культурного и природного наследия Южного филиала Института Наследия

ЕРЕМЕЕВА

Анна Натановна

доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела комплексных проблем изучения культуры Южного филиала Института Наследия

КОСТИНА

Наталья Анатольевна

кандидат педагогических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела научно-образовательных проектов и программ Южного филиала ФГБНИУ Института Наследия

НАУМЕНКО

Владимир Емельянович

кандидат исторических наук, профессор, начальник отдела комплексных проблем изучения культуры Южного филиала Института Наследия, заслуженный деятель науки Республики Ингушетия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

АРАКЕЛОВА

Александра Олеговна

доктор искусствоведения, директор департамента науки и образования Министерства культуры Российской Федерации, г. Москва, Россия

БОНДАРЬ

Николай Иванович

кандидат исторических наук, заведующий Научно-исследовательским центром традиционной культуры Кубанского казачьего хора, г. Краснодар, Россия

ГАПУРОВ

Шахрудин Айдиевич

доктор исторических наук, профессор, Президент Академии наук Чеченской Республики, заведующий кафедрой новой и новейшей истории Чеченского государственного университета, заслуженный деятель науки Чеченской Республики, г. Грозный, Россия

КУДРЯВЦЕВ

Александр Абакарович

доктор исторических наук, профессор кафедры археологии и всеобщей истории, директор центра «Культурное и природное наследие Северного Кавказа» Северо-Кавказского федерального университета, заслуженный деятель науки Российской Федерации, г. Ставрополь, Россия

МАТВЕЕВ

Олег Владимирович

доктор исторических наук, профессор, кафедры дореволюционной отечественной истории Кубанского государственного университета, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра традиционной культуры Кубанского казачьего хора, г. Краснодар, Россия

МИРОНОВ

Арсений Станиславович

кандидат филологических наук, директор Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева, г. Москва, Россия

ОРЛОВА

Надежда Хаджимерзановна

доктор философских наук, профессор кафедры культурологии, философии культуры и эстетики Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия

ПЕТРОВ

Владимир Михайлович

доктор философских наук, профессор, Вице-Президент Международной ассоциации эмпирической эстетики, г. Москва, Россия

РАТУШНЯК

Валерий Николаевич

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой дореволюционной отечественной истории Кубанского государственного университета, заслуженный деятель науки Российской Федерации, г. Краснодар, Россия

РАХАЕВ

Анатолий Измаилович

доктор искусствоведения, профессор, ректор Северо-Кавказского государственного института искусств, заслуженный деятель искусств Российской Федерации, кавалер Ордена Дружбы, г. Нальчик, Россия

СООБЦОКОВА

Аминат Шабановна

заместитель министра культуры Республики Адыгея, заслуженный работник культуры Российской Федерации

ХАБУНОВА

Евдокия Эрендженевна

доктор филологических наук, профессор, директор Института калмыцкой филологии и востоковедения Калмыцкого государственного университета, заслуженный деятель науки Республики Калмыкия, г. Элиста, Россия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ЧЕЛЫШЕВ

Евгений Петрович

действительный член Российской академии наук, доктор филологических наук, профессор, председатель Научного совета РАН по изучению и охране культурного и природного наследия, заслуженный деятель науки Российской Федерации, кавалер ордена «За заслуги перед Отечеством» III и IV степени, г. Москва, Россия

ЧЕРНОУС

Виктор Владимирович

кандидат политических наук, профессор, заведующий кафедрой конфликтологии и национальной безопасности Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, Россия

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

АБДУЛЛАЕВА

Рена

доктор искусствоведения, профессор, заведующая отделом эстетики и информационной культуры Института архитектуры и искусства Национальной академии наук Азербайджана, г. Баку, Азербайджан

ДЖИВЕНСКА

Малгожата Цецилия

Ph.D в области географии, доцент Нижнесилезской высшей школы социальных служб «Ассесор», г. Вроцлав, Республика Польша

ДЖОПУА

Аркадий Иванович

кандидат исторических наук, директор Абхазского государственного музея, г. Сухум, Республика Абхазия

ЗАНТАРИА

Владимир Константинович

доктор филологических наук, член-корреспондент Академии наук Абхазии, советник Президента Республики Абхазия, г. Сухум, Республика Абхазия

КУМАР

Капил

профессор истории, декан исторического факультета Высшей школы социальных наук Индийского национального открытого университета имени Индиры Ганди, директор Центра по исследованию борьбы за свободу, Советник индийского конгресса туризма и гостеприимства, г. Нью-Дели, Республика Индия

МАКГАЛА

Кристиан Джон

Ph.D в области истории, профессор кафедры истории гуманитарного факультета исторического факультета Университета Ботсваны, г. Габороне, Республика Ботсвана

ПРАБХАКАРА

Джатьяло Рао

профессор лингвистики, директор Центра изучения иностранных языков Высшей школы гуманитарных наук Центрального университета Хайдерабада, г. Хайдарабад, Республика Индия

САЛАМЗАДЕ

Эртегин

доктор искусствоведения, профессор, директор Института архитектуры и искусства Национальной академии наук Азербайджана, член-корреспондент Национальной академии наук Азербайджана, г. Баку, Азербайджан

ЧОЛАРИЯ

Борис Шаликоевич

директор Национальной библиотеки Республики Абхазия имени А. Г. Папаскир г. Сухум, Республика Абхазия

VOL.2

2015

HERITAGE НАСЛЕДИЕ OF CENTURIES ВЕКОВ

THE ONLINE SCIENTIFIC JOURNAL OF THE SOUTHERN BRANCH
OF THE INSTITUTE OF HERITAGE

FOUNDER:

Autonomous Not-for-Profit
Organization Center for Intellectual
Development and Patriotic Education
„Native traditions“

PUBLISHER:

Southern Branch of the Russian
Research Institute for Cultural
and Natural Heritage

Published four times per year

Mass Media Registration Certificate:
ЭЛ ФС № 77-62997
on September 4, 2015

ISSN 2412-9798

Editorial Office:

Address:

office 28, 28 Krasnaya Street,
Krasnodar, Russia, 350063.

Telephone:

+7 (861) 268-22-98

E-mail:

heritage.krasnodar@gmail.com

The views expressed in the Journal
are those of the authors, and do not
necessarily coincide with those of
the Editors, Editorial Board or the
Publications Council.

Imposed on September 5, 2015
Published online September 5, 2015

The Editor-in-Chief:

Irina I. **GORLOVA**

Dr. Sci. (Theory and History
of Culture), Prof., Director,
Southern Branch of the Russian
Research Institute for Cultural
and Natural Heritage

**The Deputy Editor-
in-Chief**

Viktor K. **CHUMACHENKO**

Cand. Sci. (Theory of
Literature), Prof., Senior
Researcher, Southern Branch,
Russian Research Institute for
Cultural and Natural Heritage

Managing Editors:

Timofey V. **KOVALENKO**

Cand. Sci. (Theory and History
of Culture), Deputy Director,
Southern Branch, Russian
Research Institute for Cultural
and Natural Heritage

Anatoly V. **KRYUKOV**

Cand. Sci. (National History),
Academic Secretary, Southern
Branch, Russian Research
Institute for Cultural and
Natural Heritage

EDITORIAL BOARD

Galina I.
BONDARENKO

Dr. Sci. (Economic Sociology and Demography), Assoc. Prof.,
Chief Researcher, Southern Branch of the Russian Research
Institute for Cultural and Natural Heritage

Vitaliy V.
BONDAR'

Cand. Sci. (National History), Head, Department of Expert
and Advisory Activities and Problems of Cultural and
Natural Heritage, Southern Branch of the Russian Research
Institute for Cultural and Natural Heritage

Ol'ga I.
BYCHKOVA

Cand. Sci. (Economics and Economic Management), Assoc.
Prof., Head, Department of Scientific and Educational
Projects and Programs, Southern Branch of the Russian
Research Institute for Cultural and Natural Heritage

Aleksandr A.
GUTSALOV

Cand. Sci. (History of Philosophy), Senior Researcher,
Department of Expert and Advisory Activities and Problems
of Cultural and Natural Heritage, Southern Branch of the
Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage

Anna N.
EREMEEVA

Dr. Sci. (National History), Prof., Chief Researcher,
Department of Complex Problems of Cultural Research,
Southern Branch of the Russian Research Institute for
Cultural and Natural Heritage

Natal'ya A.
KOSTINA

Cand. Sci. (Library Science, Bibliography and Bibliology),
Assoc. Prof., Leading Researcher, Department of Scientific
and Educational Projects and Programs, Southern Branch
of the Russian Research Institute for Cultural and Natural
Heritage

Vladimir E.
NAUMENKO

Cand. Sci. (National History), Prof., Head, Department of
Complex Problems of Cultural Research, Southern Branch
of the Russian Research Institute for Cultural and Natural
Heritage, Honored Worker of Science of the Republic of
Ingushetia

PUBLICATIONS COUNCIL

Aleksandra O. ARAKELOVA	Dr. Sci. (Musical Art), Director, Department of Science and Education of the Ministry of Culture of the Russian Federation, Moscow, Russia
Nikolay I. BONDAR'	Cand. Sci. (Ethnography, Ethnology and Anthropology), Head, Scientific Research Center for Traditional Culture, The Kuban Cossak Choir, Krasnodar, Russia
Shakhrudin A. GAPUROV	Dr. Sci. (National History), Prof., President, Academy of Science of the Chechen Republic; Head, Department of Modern and Contemporary History, Chechen State University, Grozny, Russia
Aleksandr A. KUDRYAVTSEV	Dr. Sci. (National History), Prof., Department of Archeology and Universal History; Director, Center „Cultural and Natural Heritage of the North Caucasus“, North Caucasus Federal University, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Stavropol', Russia
Oleg V. MATVEEV	Dr. Sci. (National History), Prof., Department of Prerevolutionary National History, Kuban State University; Senior Researcher, Scientific Research Center for Traditional Culture, The Kuban Cossak Choir, Krasnodar, Russia
Arseniy S. MIRONOV	Cand. Sci. (Journalism), Director, Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, Moscow, Russia
Nadezhda Kh. ORLOVA	Dr. Sci. (Philosophy and History of Religion, Philosophical Anthropology, Philosophy of Culture), Prof., Department of Cultural Studies, Philosophy of Culture and Aesthetics, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia
Vladimir M. PETROV	Dr. Sci. (Theory and History of Culture), Prof., Vice-President, International Association of Empirical Aesthetics, Moscow, Russia
Valeriy N. RATUSHNYAK	Dr. Sci. (National History), Prof., Head, Department of Prerevolutionary National History, Kuban State University, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Krasnodar, Russia
Anatoliy I. RAKHAEV	Dr. Sci. (Musical Art), Prof., Rector, North Caucasus State Institute of Arts, Honored Worker of Arts of the Russian Federation, Cavalier of the Order of Friendship, Nal'chik, Russia
Aminat Sh. SOOBTSOKOVA	Deputy Minister of Culture of the Republic of Adygea, Honored Worker of Culture of the Russian Federation
Evdokiya E. KHABUNOVA	Dr. Sci. (Folklore Studies), Prof., Director, Institute of Kalmyk Philology and Oriental Studies, Kalmyk State University, Honored Worker of Science of the Republic of Kalmykia, Elista, Russia
Evgeniy P. CHELYSHEV	Academician, Russian Academy of Sciences, Dr. Sci. (Philology), Prof., Chairman, Scientific Council for the Study and Protection of Cultural and Natural Heritage, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Cavalier of the Order «For Merit to the Fatherland» 3rd and 4th Classes, Moscow, Russia
Viktor V. CHERNOUS	Cand. Sci. (Political Institutions and Processes), Prof., Head, Department of Conflictology and National Security, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

PUBLICATIONS COUNCIL

INTERNATIONAL MEMBERS

Rena ABDULLAYEVA	Dr. Sci. (Theory and History of Arts), Prof., Head, Department of Aesthetics and Information Culture, Institute of Architecture and Art, Azerbaijan National Academy of Sciences, Baku, Azerbaijan
Cecylia Malgorzata DZIEWIECKA	PhD in Geography, Assoc. Prof., Lower Silesian Higher School of Public Services 'ASESOR', Wroclaw, Poland
Arkadiy I. DZHOPUA	Cand. Sci. (Archeology), Director, Abkhazian State Museum, Sukhumi, Republic of Abkhazia
Vladimir K. ZANTARIA	Dr. Sci. (Philology), Corresponding Member, Academy of Sciences of Abkhazia, Advisor, President of the Republic of Abkhazia Sukhumi, Republic of Abkhazia
Kapil KUMAR	Professor of History, Dean, Faculty of History, School of Social Sciences, Indira Gandhi National Open University (IGNOU); Director, Indira Gandhi Centre for Freedom Struggle Studies; Advisor, Indian Tourism and Hospitality Congress, New-Dehli, India
Christian John MAKGALA	MPhil & PhD in History, Associate Professor in History, Faculty of Humanities, The History Department, University of Botswana, Gaborone, Botswana
Dr. J. PRABHAKARA RAO	Dr., Professor of Linguistics, Coordinator, Centre for Study of Foreign Languages, School of Humanities, University of Hyderabad, Hyderabad, India
Ertegin SALAMZADE	Dr. Sci. (Theory and History of Arts), Prof., Director, Institute of Architecture and Arts, Azerbaijan National Academy of Sciences; Corresponding Member, Azerbaijan National Academy of Sciences, Baku, Azerbaijan
Boris Sh. CHOLARIYA	Director, National Library of the Republic of Abkhazia, Sukhumi, Republic of Abkhazia

СОДЕРЖАНИЕ

**СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕМА НОМЕРА:
ГОД ЛИТЕРАТУРЫ
В РОССИИ
(РЕДАКТОР В.К. ЧУМАЧЕНКО)**

Колонка главного редактора	15
ГОД ЛИТЕРАТУРЫ В РОССИИ	17
<i>Ш. А. Гапуров, В. Х. Магомаев</i> Кавказская война в творчестве Л. Н. Толстого	17
<i>Л. Б. Мартыненко, С. С. Авдеев</i> Мифологизированный образ Мороза в русском фольклоре и литературе XIX – начала XX века	24
<i>Е. В. Сомова, Н. В. Свитенко</i> Кавказ как топос русской литературы: типология литературных путешествий (по страницам отечественной поэзии и беллетристики XX-XXI веков)	31
<i>Л. П. Голикова, М. В. Шаройко</i> Смыслообразующие коды музыки в поэзии В. Ф. Ходасевича	38
<i>Т. С. Чумаченко</i> Синкретизм как одно из явлений искусства первой трети XX века	44
<i>Ю.В. Лучинский</i> Эго-документалистика Джулиана Готорна: специфика нарратива.....	49
<i>О. И. Бычкова</i> Сетевая литература: вопросы формы и стиля	55

CAUCASICA. ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ ЮГА РОССИИ	60
<i>П. Х. Акиева</i> «Пространственно-временной хронотоп в нартском эпосе ингушей	60
<i>Р. А. Шетова</i> О специфике жанра исторического романа в кабардинской литературе (Х. Теунов «Род Шогемоковых»)	68
<i>В. Е. Науменко</i> «На земле самое важное и самое человеческое это взаимная дружба...» (Страницы жизни и творчества И. М. Базоркина)	72
<i>С. В. Исаченко</i> Страницы истории неподцензурной литературы советской Кубани.....	79
<i>Л. Ф. Хараева</i> Гендерная деконструкция образа Бэлы в женской литературе Северного Кавказа	86
НА ПЕРЕКРЕСТКАХ КУЛЬТУР: МАРКО ВОВЧОК	91
<i>Е. Ю. Третьякова</i> Этнографический реализм: к проблеме творческого метода (на примере произведений Марко Вовчок)	91
<i>З. А. Ветошкина</i> Лирическая основа прозаического цикла «Рассказы из народного русского быта» Марко Вовчка	99
<i>В. Ю. Новикова</i> Литературная полемика вокруг сборника Марко Вовчок «Рассказы из русского народного быта»	101
ЛИТЕРАТУРА РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ	107
<i>Н. Ю. Прайс</i> Эпистолярное наследие Д. П. Святополк-Мирского: результаты изучения, новые разыскания	107
<i>И. И. Горлова, В. К. Чумаченко</i> Казачье литературное зарубежье	116
<i>З. Р. Жачемук</i> Художественное своеобразие литературы адыгской диаспоры (роман К. Натхо «Отчужденные»)	123
КНИЖНОЕ ДЕЛО ЮГА РОССИИ	127
<i>А. И. Слуцкий</i> Биография одной коллекции (материалы к истории кубанского экслибриса).....	127

КНИЖНОЕ РЕВЮ: РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ	144
<i>З. А. Кучукова, Б. И. Тетуев</i>	
Памяти выдающегося культуролога.....	144
<i>О. А. Балла</i>	
Энциклопедичность виноделия	151

CONTENTS

THE SPECIAL THEME OF THE ISSUE:
**THE YEAR OF LITERATURE
IN RUSSIA**
(EDITOR - VIKTOR K. CHUMACHENKO)

Editorial	13
THE YEAR OF LITERATURE IN RUSSIA	17
<i>Shakhrudin A. Gapurov & Vakha Kh. Magomaev</i> Caucasian War in Leo Tolstoy's Creativity	17
<i>Larisa B. Martynenko & Sergey S. Avdeev</i> Mythologized Image of Moroz (Frost) in Russian Folklore and Literature of the 19th – Early 20th Centuries	24
<i>Elena V. Somova & Natalia V. Svitenko</i> The Caucasus as the Topos of Russian Literature: Typology of Literary Journeys (Through the Pages of Russian Poetry and Fiction of the 19th – 20th Centuries)	31
<i>Larisa P. Golikova & Marina V. Sharoiko</i> Semantic Codes of Music in the Vladislav F. Khodasevich's Poetry	38
<i>Tat'yana S. Chumachenko</i> Syncretism as One of the Phenomena of the Art of the First Third of the 20th Century.....	44
<i>Yury V. Luchinsky</i> Julian Hawthorne's Ego-Documentary: the Specificity of the Narrative.....	49
<i>Olga I. Bychkova</i> Network Literature: Issues of Form and Style	55

CAUCASICA. LITERATURES OF PEOPLES OF THE SOUTH OF RUSSIA	60
<i>Petimat Kh. Akieva</i>	
Space-Time Chronotope of the Ingush Nart Sagas	60
<i>Rimma A. Shetova</i>	
On the Specifics of the Genre of the Historical Novel in the Kabardian Literature («The Shogemokovs» by Hachim Teunov)	68
<i>Vladimir E. Naumenko</i>	
“The Most Important Thing Is a Mutual Friendship ...“ (The Pages of Life and Work of Idris M. Bazorkin)	72
<i>Sergey I. Isachenko</i>	
Pages from the History of Uncensored Literature in the Soviet Kuban	79
<i>Lyana F. Kharaeva</i>	
Gender Deconstruction of the Image of Bela in the Women’s Literature of North Caucasus.....	86
AT THE CROSSROADS OF CULTURES: MARKO VOVCHOK	91
<i>Elena Yu. Tret'yakova</i>	
Ethnographic Realism: to the Problem of the Creative Method (On the Example of Works by Marko Vovchok)	91
<i>Zinaida A. Vetoshkina</i>	
The Lyrical Basis of the Poetic Cycle «Tales from the Russian Folk Life» by Marko Vovchok	99
<i>Valeriya Yu. Novikova</i>	
Literary Dispute Revolving About Marko Vovchok’s «Tales from the Russian Folk Life»	101
LITERATURE OF THE RUSSIAN ÉMIGRÉ	107
<i>Natalia Yu. Prays</i>	
The Epistolary Heritage of Prince D. P. Svyatopolk-Mirsky: the Results of Research and New Findings (Media Aspect)	107
<i>Irina I. Gorlova & Victor K. Chumachenko</i>	
Cossack Literary Abroad	116
<i>Zarima R. Zhacemuk</i>	
The Adyghean Diaspora Literature and Artistic Originality in the Novel “Estranged” by Kadyr Natho	123
BOOK PUBLISHING OF THE SOUTH OF RUSSIA	127
<i>Arkady I. Slutsky</i>	
The Biography of a Collection (the Materials for the History of the Kuban Bookplates)	127

BOOK REVIEWS: CRITIQUE AND SURVEYS	144
<i>Zukhra A. Kuchukova & Boris I. Tetuev</i> In Memory of Prominent Culturologist	144
<i>Olga A. Balla</i> Polymathy of Winemaking.....	151

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА EDITORIAL

Дорогие друзья!

Дорогие читатели!

Правительство подарило нам, почитателям и верным рыцарям книги, большой праздник, который продлится весь 2015 год! Не случайно он объявлен именно теперь, когда девальвация печатного слова в России, да и в мире, достигла небывалого размаха. Наверяд ли кто-нибудь сегодня осмелится назвать какого-либо автора, даже самого популярного, властителем наших дум. И это в стране, которую во всем мире называли еще недавно «чисто литературной цивилизацией», где книга почиталась наравне с хлебом. Даже в самые трудные годы руководители державы беспокоились о том, чтобы каждому её жителю была доступна буханка хлеба и нужная книга! Книга учила, воспитывала, давала жизненные образцы для подражания. Теперь всё не так, и роль писателя низведена в обществе практически на «нет».

Тогда зачем же праздник? В чем видится его предназначение? Наверное, для того, чтобы привлечь ко всему комплексу творческих, книгоиздательских и книгораспространительских проблем, накопленных за последние годы, привлечь внимание государства и общества, писателей и читателей, продавцов и библиотекарей, – всех от кого зависит сегодня благополучие книжного дела. Привлечь и пытаться скорректировать ситуацию так, чтобы она не вызывала тревогу за судьбу всё еще читающего сообщества.

А проблем великое множество. Если раньше книга была дешевой, но её репертуар был значительно сужен за счет ограничений и рекомендаций различных идеологических органов, то теперь дефицита нет, каждый «может» купить любое издание, какое пожелает, если, конечно, у него есть на это средства. Ох уж это «если»! Ведь книга чаще всего востребована учащимся, студентом, аспирантом, т. е. контингентом, который сам еще почти ничего не зарабатывает. А тем временем книги в цене беспрерывно растут, и уже седовласый профессор сто раз подумает, прежде чем приобрести заветный томик. Значит, нужна продуманная система налоговых скидок издателям и продавцам, но такое может себе позволить только государство, которое понимает задачи и цели постиндустриального развития, значение знаний в современном мире. Готовы ли мы к такому видению будущего? Очевидно, не совсем. Ведь именно в Год литературы многие государственные и частные субсидии для подписки сельских библиотек на толстые литературные журналы были отменены, а во множестве сельских школ и вовсе упразднена

должность библиотекаря. Конечно, сказываются экономические трудности последних лет. Но история нашего государства красноречиво свидетельствует, что даже в самые лихие военные годы никто не покушался ни на книгу, ни на библиотекаря. Не извлечь ли нам из этого факта соответствующий урок?

В недавнем интервью министр культуры России В. Р. Мединский высказал интересную идею: сделать территорию учреждений культуры и искусства зоной льготной, почти безналоговой книжной торговли. Польза двоякая: кто придет за дешевой книгой, заглянет и в репертуар театра, филармонии, захочет пройти в прохладе музейных залов или нырнуть в благоговейную тишину библиотек. Но будет ли эта, без сомнения, интересная инициатива услышана теми, от кого зависит решение этой проблемы?

Есть проблемы и на региональном уровне. Для Юга России, прежде всего, Северного Кавказа, очень остро стоит проблема профессионального становления литературных кадров, привлечения в дело создания «изысканной словесности» новых сил, дерзких, талантливых, упорных! Чьим-то недопониманием до основания разрушена школа местная художественного перевода. Старшее поколение по естественным причинам ушло из профессии, оставив за собою голую пустыню. И никто не опекается задачей восстановить утраченное. Уходят в предание такие полезные профессии, как литературный редактор, рецензент, корректор, книжный оформитель. На них современные горе-издатели просто привыкли экономить, в результате чего культура книги, которой мы когда-то по праву гордились, часто оборачивается своей противоположностью. Безвкусице и цветистости всё чаще берут верх над былой простотой и изяществом форм.

Работать есть над чем. Главное, чтобы литературный праздник России, обернувшись к «людям книги» своей позитивной стороной! Чтобы от него остались в итоге и подзабытая частью общества радость общения с печатным словом, и несомненная польза!

**С уважением,
Ирина Горлова**

ГОД ЛИТЕРАТУРЫ В РОССИИ

ГАПУРОВ Шахрудин Айдиевич

доктор исторических наук, профессор, президент Академии наук Чеченской Республики, заведующий кафедрой новой и новейшей истории Чеченского государственного университета
г. Грозный, Россия

Shakhrudin A. GAPUROV

Dr. Sci. (National History), Prof.,
President, Academy of Science of the Chechen Republic,
Head, Department of Modern and Contemporary History,
Chechen State University, Grozny, Russia
gapurov2011@gmail.ru

МАГОМАЕВ Ваха Хасаханович

доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом истории народов Кавказа Института гуманитарных исследований Академии наук Чеченской Республики, профессор кафедры истории России Чеченского государственного университета, г. Грозный, Россия

Vakha Kh. MAGOMAEV

Dr. Sci. (National History),
Head, Department of History of the Ethnic of the Caucasus,
Academy of Science of the Chechen Republic, Prof.,
Department of History of Russia, Chechen State University, Grozny, Russia
vakha_53@list.ru

Кавказская война в творчестве Л. Н. Толстого

Л. Н. Толстой – совесть и честь русского народа – был непосредственным участником русско-горской трагедии XIX в., вошедшей в историю как Кавказская война. Величайший художник слова, глубоко совестливый человек сострадал горю вовлеченных в неё народов, стремился философски осмыслить причины их бед.

Ключевые слова: Толстой, Кавказская война, горцы, казаки, Хаджи-Мурат, Шамиль.

Caucasian War in Leo Tolstoy's Creativity

Leo Tolstoy - the conscience and honor of the Russian people - was a direct participant in Russian-Highland tragedy of the 19th century which went down in history as the Caucasian War. The greatest artist of the word, a deep conscientious person that compassionated to the grief of the nations involved in this conflict, sought to philosophically understand the causes of their disasters.

Keywords: Tolstoy, Caucasian War, mountaineers, Cossacks, Hadgy-Murat, Shamil.

Представления о Кавказе в российском обществе первой половины-середины XIX в. были довольно смутными. Это была далекая окраина, «теплая Сибирь», где вечно лилась кровь и военные действия шли, не прекращаясь, более полувека. Вряд ли можно было говорить о каких-либо симпатиях к «немирным черкесам» в российском обществе в таких условиях. Просвещенная же часть общества больше знала о Кавказе по произведениям Пушкина, Бестужева-Марлинского, Лермонтова. И у молодого Л. Н. Толстого представления о Кавказе были «бестужево-марлинскими». Одни русские офицеры и «вольноопределяющиеся» ехали на Кавказ за романтикой, за экзотикой, за чинами, весьма мало интересуясь собственно этой страной и ее жителями, их проблемами. И очень быстро теряли свой романтизм в тяжелых кавказских буднях, с их неустроенным бытом, постоянными военными стычками. В «Рубке леса», в разговоре с капитаном Розенкранцом, Л. Н. Толстой так описывает это «перерождение» «романтиков» в озлобленных, растерянных людей:

« – Для чего же вы пошли служить на Кавказ, – сказал я, – коли Кавказ вам так не нравится?

– Знаете, для чего, – отвечал он с решительной откровенностью, – по преданию. В России ведь существует престранное предание про Кавказ: будто это какая-то обетованная земля для всякого рода несчастных людей.

– Да, это правда, – сказал я, – большая часть из нас...

– Но что лучше всего, – перебил он меня, – что все мы, по преданию едущие на Кавказ, ужасно ошибаемся в своих расчетах, и решительно я не вижу, почему вследствие несчастной любви или расстройств дел скорее ехать служить на Кавказ, чем в Казань или в Калугу. Ведь в России воображают Кавказ как-то величественно, с вечными девственными льдами, бурными потоками, с кинжалами, бурками, черкешенками, – все это страшное что-то, а в сущности, ничего в этом нету веселого...

– Да, – сказал я, смеясь, – мы в России совсем иначе смотрим на Кавказ, чем здесь. Это испытывали ли вы когда-нибудь? Как читать стихи на языке, который плохо знаешь: воображаешь себе гораздо лучше, чем есть?

– Кавказ обманул меня. Все то, от чего я, по преданию, поехал лечиться на Кавказ, все приехало со мною сюда, только с той разницей, что прежде все это было на большой лестнице, а теперь на маленькой, на грязненькой, на каждой ступеньке которой я нахожу миллионы маленьких тревог, гадостей, оскорблений; во-вторых, оттого, что я чувствую, как я с каждым днем морально падаю ниже и ниже...» [6, с. 144–145].

Но молодой «вольноопределяющийся» Л. Н. Толстой был из той плеяды русской интеллигенции, которая стремилась разобраться в сущности кавказских событий, относясь без изначального предубеждения к Кавказу и к самим кавказцам. Лев Николаевич прибыл на Кавказ, чтобы познать его, а не ради чинов и увеселений.

Кавказ сыграл огромную роль в русской культуре XIX–XX вв., особенно в развитии литературы. В творчестве гениальных художников слова отразились не только картины природы, пейзажи гор и степей, удивительные по своей красоте, но и образы людей, живших на древней кавказской земле, их обычаи и традиции, а также яркие исторические события, происходившие здесь. В. Г. Белинский отмечал по этому поводу: «Странное дело! Кавказу как будто суждено быть колыбелью наших поэтических талантов, вдохновителем их музыки, поэтической их родиной! Пушкин посвятил Кавказу одну из первых своих поэм – «Кавказского пленника», и одна из последних его поэм «Галуб» тоже посвящена Кавказу. Грибоедов создал на Кавказе свое «Горе от ума». И вот является новый талант (речь идет о М. Ю. Лермонтове. – Авт.) – и Кавказ делается его поэтической родиной, пламенно любимой им; на недоступных вершинах Кавказа, венчаных вечным снегом, находит он свой Парнас; в его свирепом Тереке, в его горных потоках, в его целебных источниках находит он свой Кастальский ключ, свою Иппокрену...». Сказанное напрямую относится и к Л. Н. Толстому. Именно на Кавказе, в станице Старогладовской, в 1852 г., он напишет свою первую повесть [3, с. 3].

Знакомство с Кавказом у Толстого начинается с гребенских казаков. История терско-гребенского казачества, этого уникально-

го явления в истории России, по-настоящему увлекла молодого офицера. Для Толстого казаки стали порождением взаимодействия и взаимовлияния двух культур – русской и кавказской. Он глубоко заинтересовался терскими казаками и стал их настоящим этнографом. Особо интересно то, что, по мнению писателя, беглые русские люди селились на чеченской земле, жили, по-соседски, с чеченцами, перенимали их традиции и обычаи. «На этой плодородной, лесистой и богатой растительностью полосе живет с незапамятных времен воинственное, красивое и богатое старовечерское русское население, называемое гребенскими казаками, – пишет Л. Н. Толстой. – Очень, очень давно предки их, староверы, бежали из России и поселились за Терекком, между чеченцами на Гребне, первом хребте лесистых гор Большой Чечни. Живя между чеченцами, казаки перероднились с ними и усвоили себе обычаи, образ жизни и нравы горцев; но удержали и там во всей прежней чистоте русский язык и старую веру. ...Еще до сих пор казацкие роды считаются родством с чеченскими, и любовь к свободе, праздности, грабежу и войне составляет главные черты их характера. Влияние России выражается только с невыгодной стороны: стеснением в выборах, снятием колоколов и войсками, которые стоят и проходят там». А то, что Л. Н. Толстой пишет дальше, требует особого внимания, отражает философию самого писателя и особенно актуально в виду сегодняшних северокавказских реалий: «Казак, по влечению, менее ненавидит джигита-горца, который убил его брата, чем солдата, который стоит у него, чтобы защищать его станицу, но который закурил табаком его хату. Он уважает врага-горца, но презирает чужого для него и угнетателя солдата. Собственно, русский мужик для казака есть какое-то чуждое, дикое и презренное существо, которого образчик он видал в заходящих торгашах и переселенцах малороссиянах, которых казаки презрительно называют шаповалами. Щегольство в одежде состоит в подражании черкесу. Лучшее оружие добывается от горца, лучшие лошади покупаются и крадутся у них же. Молодец казак щеголяет знанием татарского языка и, разгулявшись, даже со своим братом говорит по-татарски» [6, с. 394].

Очень хотелось бы, чтобы казаки (кубанские, терские) и все остальные жители сегодняшнего Северного Кавказа почаще читали бы Л. Н. Толстого, чтобы не забыть историю взаимоотношений своих предков с горцами.

Подавляющая масса российской интеллигенции, офицерского корпуса, чиновничества поддерживала планы правительства относительно присоединения Кавказа к России. Тут сомневающимся практически не было. Но прогрессивная часть российского общества была против насильственных методов осуществления этого процесса, полагая, что это нужно делать через просвещение горцев, приобщения их к русской культуре, путем широкого применения экономических методов. Представители этой части русского общества считали, что горцам нужно на деле показать преимущества пребывания в составе Российского государства. Вполне понятно, что они были против кровавых реалий Кавказской войны. Л. Н. Толстой же, как известно, столкнувшись с ужасами российско-горского противостояния в первой половине XIX в., стал вообще отрицать убийства, войну как способ решения каких-либо проблем. Глядя на казака Лукашку, который радуется тому, что он убил чеченца, плывшего через Терек, Толстой рассуждает в повести «Казаки»: «Что за вздор и путаница? Человек убил другого (как видим, для Л. Н. Толстого чеченец – такой же человек, как и казак, имеющий такое же право на жизнь, как и другие россияне. – Авт.), и счастлив, доволен, как будто сделал самое прекрасное дело. Неужели ничто не говорит ему, что тут нет причины для большой радости? Что счастье не в том, чтобы убивать, а в том, чтобы жертвовать собой?» [6, с. 463].

Как известно, именно на Кавказе, во время наблюдения ужасов войны, у Л. Н. Толстого зародилась идея ненасилия, превратившаяся позже в весьма стройную философскую теорию. И тут интересен тот факт, что отдельные элементы этой теории совпадали с религиозным учением шейха Мансура, руководителя народно-освободительного движения в Чечне и на Северном Кавказе в конце XVIII в. Текст повести «Хаджи-Мурат» четко показывает, что Л. Н. Толстой был знаком с этим учением. Писатель описывает разговор горцев, которые

сопровождали Хаджи-Мурата во время его пребывания у русских: «Святой был не Шамиль, а Мансур, – сказал Хан-Магома. – Это был настоящий святой. Когда он был имамом, весь народ был другой. Он ездил по аулам, и народ выходил к нему, целовал полы его черкески и каялся в грехах, и клялся не делать дурного. Старики говорили: тогда все люди жили, как святые, – не курили, не пили, не пропускали молитвы, обиды прощали друг другу, даже кровь прощали. Тогда деньги и вещи, как находили, привязывали на шести и ставили на дорогах. Тогда и бог давал успеха народу во всем, а не так, как теперь, – говорил Хан-Магома» [6, с. 594].

Некоторые исследователи отмечают, что Л. Н. Толстой не определил в своих произведениях, кто был виновником Кавказской войны и на чьей стороне – российской или горской – была правда в этой войне, кто вел справедливую борьбу. Да, действительно, у Льва Николаевича нет ни прямого осуждения царского правительства за войну против горцев, ни прямой поддержки горцев, ведших освободительную борьбу. В этих вопросах Толстой весьма осторожен в оценках. Но ведь писатель всегда считал, что права та сторона, которая страдает больше другой. Вряд ли у кого-либо могут быть сомнения о том, что в Кавказской войне наиболее страдающей стороной, понесшей большие потери, была горская. Потери мирного населения у горцев были огромными: от голода, болезней, от необходимости постоянно укрываться в лесах, особенно в зимнее время.

Правда, в «Хаджи-Мурате» у Толстого есть очень резкий отрывок о действиях российских солдат в уничтоженном горском селении. В этом отрывке Толстой совершенно четко и недвусмысленно расставляет акценты: его симпатии на стороне горцев. Он сочувствует им и осуждает царских солдат за жестокость. Такого резкого осуждения методов политики Российского правительства на Кавказе нет в ранних «кавказских» произведениях Толстого – «Рубка леса», «Казачи», «Набег». Повесть «Хаджи Мурат» написана уже «поздним» Толстым, в последнее десятилетие его жизни, уже в начале XX века, когда писатель уже весьма критически относился в целом к политике правительства. И это сказало на его суждениях о Кавказской войне.

Да, Л. Н. Толстой поддерживал политику присоединения Кавказа к России. Но не насильственными методами. В «Хаджи-Мурате» он показывает, что именно жестокость российских войск толкала горцев на вооруженное сопротивление российской власти. Толстой пишет, что после вышеописанного разгрома чеченского аула «перед жителями стоял выбор: оставаться на местах и восстановить со страшными усилиями все с такими трудами заведенное и так легко и бессмысленно уничтоженное, ожидая всякую минуту повторения того же, или ... покориться русским.

Старики помолились и единогласно решили послать к Шамилю послов, прося его о помощи (это означало присоединение жителей аула к вооруженной борьбе горцев под руководством имама Шамиля. – Авт.), и тотчас же принялись за восстановление нарушенного» [6, с. 623].

Л. Н. Толстой в «Хаджи-Мурате» выступает как исследователь Кавказской войны. Он показывает, что к началу 50-х годов XIX в. чеченское население безмерно устало от бесконечной войны и искало пути примирения с российской властью. Другой вопрос, что эта власть не особенно шла навстречу подобным стремлениям горцев, требуя безусловной покорности. «...Много аулов чеченских сожжены и разорены, и переменчивый, легкомысленный народ, чеченцы (Толстой передает размышления Шамиля. – Авт.) колеблются, и некоторые уже готовы перейти к русским...» [6, с. 629].

Действительно, к началу 1850-х годов определенная часть чеченского населения, поставленная в чрезвычайно тяжелое положение и уже мало верившая в победу Шамиля, начала склоняться к прекращению сопротивления и признанию российской власти. Их «главнейшие старшины» начали вступать в переговоры с командующим Левым флангом Кавказской линии генералом А. И. Барятинским об условиях принятия российского подданства. Шамиль не мог допустить развития этой тенденции: она была чрезвычайно опасна для имамата. В марте имам созвал совещание чеченских старшин. «Хитрый дипломат» сумел их убедить в необходимости и возможности продолжения борьбы с Россией (да и кто посмел бы открыто возражать имаму: это

было небезопасно для жизни). Было принято решение переселиться в горы. По приказу Шамиля по Джалке, Сунже и Гудермесу были расставлены сильные караулы, чтобы не допустить переселения чеченцев на подконтрольные российским властям земли (выходит, желающих переселиться было немало). Одновременно шамилевские отряды были отправлены в чеченские селения для переселения их жителей в горы. «...Сопrotивляющихся приказано было предавать смерти». «Цветущая многочисленным населением и богатая произведениями природы плоскость Большой Чечни обратилась в пустыню и все пространство от большой русской дороги до Аргуна и Сунжи, по объявлению самого Шамиля, добровольно предоставлено нашей власти» [2, с. 404]. Подобные действия усиливали недовольство чеченцев властью Шамиля. Они могли в какой-то мере оттянуть во времени гибель Имамата, но предотвратить ее уже не могли. В целом же они лишь увеличивали страдания и жертвы чеченского населения.

Казалось бы, Крымская война, отвлекшая военные силы и внимание Петербурга с Кавказского фронта, должна была способствовать восстановлению и даже усилению позиций Шамиля на Северо-Восточном Кавказе. Однако этого не произошло. Чечня и Дагестан, предельно истощенные и ослабленные многолетней войной, уже не были способны на новый всплеск военной активности. Н. И. Покровский подчеркивал по этому поводу: «Ни Крымская война, ни смелые шамилевские вторжения в Грузию, ни, наконец, предприятия имама в самой Чечне не могли спасти последнюю (имамат. – Авт.) от медленно, но верно приближавшегося падения ее обороноспособности. Для имамата это было печальным предзнаменованием» [4, с. 467]. Р. А. Фадеев в свое время также отмечал: «... Решимость обществ, над которыми больше всего разражались наши удары, уже колебалась, особенно в Чечне, менее фанатической, чем другие племена» [7, с. 75]. Внутри имамата уже действовали центробежные силы, разрушавшие его. Политика верхушечных слоев чеченского общества все сильнее порывала с демократией сороковых годов XIX в.; все ярче выступало на первый план своекорыстие, стремление усилить

эксплуатацию, восстановить феодальные отношения [6, с. 451]. Недовольство у чеченцев вызывали и частые сборы продовольствия для нужд имамата, постой войск Шамиля в аулах, перемещения населенных пунктов с равнины в горы по приказу имама. В это же время все сильнее становится стремление верхушки чеченского общества и окружения Шамиля к соглашению с российской властью. Виднейшие деятели Имамата в Чечне и в Дагестане (Бота Шамурзаев, Хаджи-Мурат и др.) переходили на сторону России. На их место имам назначал других, пользовавшихся его доверием, но не имевших авторитета в массах. Процесс разложения имамата нельзя было остановить ни арестами, ни снятием с наместничества, ни угрозами. Вновь назначаемые наибы больше думали о собственном обогащении, чем о победе в борьбе за независимость, в которую они уже и не верили. Подобное поведение наибова ослабляло имамат не меньше, чем походы царских войск. К тому же в горском обществе все сильнее сказывалась необходимость восстановления экономических связей с Россией [4, с. 452].

Для чеченцев была непривычной жестокая военная дисциплина, царившая в имамате, излишняя регламентация личной и общественной жизни. «Чеченцы бесспорно храбрый народ в восточных горах. Походы в их землю всегда стоили нам кровавых жертв, – писал историк XIX в. – Из всех восточных горцев чеченцы больше всех сохраняли личную и общественную самостоятельность и заставили Шамиля, властвовавшего в Дагестане деспотически, сделать им тысячу уступок в образе правления, в народных повинностях, в обрядовой строгости веры... Распадение горского союза, основанного мюридизмом, всего скорее могло начаться с Чечни» [7, с. 71].

Л. Н. Толстой показывает в «Хаджи-Мурате», что Шамиль прекрасно понимал, какую опасность для его государства – имамата – представляет наметившаяся тенденция перехода равнинных чеченцев на русскую сторону – «все это было тяжело, против этого надо было принять меры» [6, с. 629]. В качестве одной из мер было и обращение Шамиля к чеченцам, которое приводит Л. Н. Толстой: «Желаю вам вечный мир с богом всемогущим. Слышу я, что русские ласкают вас и призывают к по-

корности. Не верьте им и не покоряйтесь, а терпите. Если не будете вознаграждены за это в этой жизни, то получите награду в будущей. Помните, что было прежде, когда у вас отбирали оружие. Если бы не вразумил вас тогда, в 1840 году, бог, вы бы уже были солдатами и ходили вместо кинжалов со штыками, а жены ваши ходили бы без шаровар и были бы поруганы. Судите по прошедшему о будущем. Лучше умереть во вражде с русскими, чем жить с неверными. Потерпите, я с Кораном и шашкою приду к вам и поведу вас против русских. Теперь же строго повелеваю не иметь не только намерения, но и помышления покоряться русским» [6, с. 631]. Однако никакие обращения и даже наказания со стороны Шамиля не могли остановить наметившийся процесс отхода от него уставших от войны горцев. Проявлением этого процесса был и переход Хаджи-Мурата на российскую сторону.

Хаджи-Мурат, знаменитый наиб Шамиля, имел огромный авторитет в Дагестане и в Чечне. Наибы Шамиля Ташу-Хаджи и Юсуф-Хаджи, бесосновательно снятые имамом от своих должностей, не стали вступать в конфронтацию с Шамилем, чтобы не нанести вред народно-освободительной борьбе горцев, не расколоть их ряды. Они отстранились от активного участия в делах имамата, принесли в жертву общему делу собственные идеалы и военно-политическую карьеру. Хаджи-Мурат по характеру был другой человек и он вступил в открытую борьбу с Шамилем. Хотя, объективности ради, следует отметить, что имам сам загнал этого наиба в угол. Когда Хаджи-Мурат, снятый с должности наиба, лишенный своего имущества, в поисках собственной безопасности, попытался уйти в чеченское селение Гехи, где жили родственники его жены (которые, безусловно, не дали бы его тронуть никому), Шамиль не разрешил ему и этого. Имам опасался, что Хаджи-Мурат, используя свои родственные связи, сумеет укрепиться в Чечне (где уже было немало недовольных диктатом Шамиля) и начнет борьбу против него. Хаджи-Мурат не захотел смириться. И имам решает уничтожить его. 20 ноября 1851 г. в чеченском селении Автуры Шамиль проводит собрание ученых-богословов. «По всей вероятности, для проведения съезда не случайно было выбрано

чеченское село. Решать вопрос о судьбе известного дагестанца лучше и безопаснее было в окружении чеченцев. Любая попытка оправдать Хаджи-Мурада здесь была бы пресечена беспрекословно, в то время как в Дагестане Шамиль не мог бы рассчитывать на единодушные в решении данного вопроса» [1, с. 208].

Имам обвинил непокорного наиба в пособничестве русским и в попытке захвата власти в Имамате (говоря современным языком – в попытке государственного переворота). Делегаты собрания, с которыми, безусловно, была проведена соответствующая «предварительная работа», вынесли (по настоянию Шамиля) Хаджи-Мурату смертный приговор [5, л. 1]. То есть имам буквально вынудил Хаджи-Мурата искать спасения на российской стороне. 25 ноября 1851 года этот наиб, один из наиболее авторитетных в горской среде, переходит на сторону российского командования. Раскол в лагере Шамиля углубляется все больше и больше.

В повести же «Хаджи-Мурат» Л. Н. Толстой приводит заседание Совета Шамиля по обсуждению вопроса о действиях против Хаджи-Мурата после его перехода к русским: «Дело это было очень важное для Шамиля. Хотя он и не хотел признаваться в этом, он знал, что, будь с ним Хаджи-Мурат со своей ловкостью, смелостью и храбростью, не случилось бы того, что случилось теперь в Чечне (речь идет об очередном поражении Шамиля от российских войск. – Авт.). Помириться с Хаджи-Муратом и опять пользоваться его услугами было бы хорошо; если же этого нельзя было, все-таки нельзя было допустить того, чтобы он помогал русским. И потому, во всяком случае, надо было вызвать его и, вызвав, убить его. Средство к этому было или то, чтобы подслать в Тифлис такого человека, который бы убил его там, или вызвать сюда и здесь покончить с ним. Средство для этого было одно – его семья, и главное – его сын, к которому, Шамиль знал, что Хаджи-Мурат имел страстную любовь. И потому надо было действовать через сына» [6, с. 631].

Как известно, Хаджи-Мурат не поддается на эту уловку Шамиля и попытается бежать из русского лагеря, надеясь спасти свою семью. Во время попытки бегства он будет убит. Его

отрубленную голову привезут в русский лагерь. Л. Н. Толстой устами своей героини Марьи Дмитриевны назвал убийц Хаджи-Мурата «живорезами».

«– Все вы живорезы. Терпеть не могу. Живорезы, право, – сказала она, вставая.

– То же со всеми может быть, – сказал Бутлер, не зная, что говорить. – На то война.

– Война! – вскрикнула Марья Дмитриевна. – Какая война? Живорезы, вот и все. Мертвое тело земле предать надо, а они зубоскалят. Живорезы, право, – повторила она...» [6, с. 653].

В повести Л. Н. Толстого Хаджи-Мурат – это человек с удивительной жизнестойкостью, наделенный всеми свойствами национального борца с насилием. При этом писатель говорит и об отрицательных качествах Хаджи-Мурата. Ведя борьбу с русскими, он показал себя как человек, обладающий непомерным честолюбием, жадной кровной мести, даже и унижительной корыстью. Но, по мне-

нию Толстого, не это было в нем главное. Толстого, этого художника-жизнелюба, интересует совсем другое в Хаджи-Мурате – отвага и непреклонность, инициатива и находчивость, негибкая воля и гордое чувство собственного достоинства. Его характеризуют и такие привлекательные черты, как непосредственность, переходящая в детскую наивность, как любовь к семье, привязанность к людям, доброжелательность и доверчивость.

Главная нота, звучащая на протяжении всей повести, от первой ее строки до последней, – это жизнелюбие, воспевание красоты и мощи жизни, любование непокорным, гордым и свободолюбивым человеком [6, с. 680].

Таким образом, Л. Н. Толстой, современник и участник Кавказской войны, в своих «кавказских» произведениях затронул ряд важных аспектов этой трагедии, выступив не только в качестве писателя, но и как этнограф и историк.

Использованная литература:

1. Вачагаев М. М. Чечня в Кавказской войне XIX ст.: события и судьбы. Киев, 2003.
2. Егоров М. Действия наших войск в Чечне с конца 1852-го по 1854 год // Кавказский сборник. Тифлис: Тип. Окружного Штаба Кавказского военного округа, 1895. Т. 16. С. 302–404.
3. Литература народов Северного Кавказа: учеб. пособ. / Г. М. Гогиберидзе и др. Ставрополь, 2004.
4. Покровский Н. И. Кавказские войны и имамат Шамиля. М.: РОССПЭН, 2000.
5. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 14719. Оп. 3. Д. 410.
6. Толстой Л. Н. Повести и рассказы. Л.: Лениздат, 1969.
7. Фадеев Р. А. Кавказская война. М.: Эксмо; Алгоритм, 2003.

References:

1. Vachagaev, M. M., *Chechnya v Kavkazskoy voyne XIX stoletiya: sobytiya i sud'by* (Chechnya in the Caucasian War of the 19th Century: Events and Destiny), Kiev, 2003.
2. Egorov, M., *Deystviya nashikh voysk v Chechne s kontsa 1852-go po 1854 god* (The Actions of Our Troops in Chechnya since the End of 1852 until 1854), in *Kavkazskiy sbornik*, vol. 16, Tiflis: Tipografiya Okruzhnogo Shtaba Kavkazskogo voennogo okruga, 1895, pp. 302–404.
3. Gogiberidze, G.M., Artemova, L.V., Eydel'nant, V.I. *Literatura narodov Severnogo Kavkaza: uchebnoye posobiye* (Literature of the People of the North Caucasus: the Tutorial), Stavropol', 2004.
4. Pokrovskiy, N. I., *Kavkazskie voyny i imamat Shamiliya* (Caucasian Wars and the Imamate of Shamil), Moscow: ROSSPEN, 2000.
5. *Russian State Military Historical Archives (RGVIA)*, Fund 14719, Inventory 3, File 410.
6. Tolstoy, L. N., *Povesti i rasskazy* (Novels and Short Stories), Leningrad: Lenizdat, 1969.
7. Fadeev, R. A., *Kavkazskaya voyna* (The Caucasian War), Moscow: Eksmo; Algoritm, 2003.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Гапуров, Ш. А. Кавказская война в творчестве Л. Н. Толстого [Электронный ресурс] / Ш. А. Гапуров, В. Х. Магомаев // *Наследие веков*. – 2015. – № 2. – С. 17-23. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/10/2015_2_Gapurov_Magomaev.pdf (дата обращения дд.мм.гг).

Full bibliographic reference to the article:

Gapurov, Sh. A., and Magomaev, V. Kh., *Kavkazskaya voyna v tvorchestve L. N. Tolstogo* (Caucasian War in Leo Tolstoy's Creativity), *Naslediye Vekov*, 2015, no. 2, pp. 17-23. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/10/2015_2_Gapurov_Magomaev.pdf. Accessed Month DD, YYYY.

МАРТЫНЕНКО Лариса Борисовна
кандидат филологических наук, доцент кафедры
истории русской литературы, теории литературы и критики
Кубанского государственного университета,
г. Краснодар, Россия

Larisa B. MARTYNENKO
Cand. Sci. (Folklore Studies), Assoc. Prof.,
Department of the History of Russian Literature,
Literary Theory and Criticism, Kuban State University,
Krasnodar, Russia
pavel_lider@mail.ru

АВДЕЕВ Сергей Сергеевич
студент филологического факультета
Кубанского государственного университета,
г. Краснодар, Россия

Sergey S. AVDEEV
Student, Philological Faculty,
Kuban State University,
Krasnodar, Russia
pavel_lider@mail.ru

Мифологизированный образ Мороза в русском фольклоре и литературе XIX – начала XX века

В статье рассматривается мифологизированный образ Мороза в различных жанрах русского фольклора, а также в произведениях В. Ф. Одоевского, Н. А. Некрасова, А. П. Чехова и С. А. Есенина. Делается вывод, что русские писатели и поэты, опираясь на народные мифологические представления о Морозе, по-своему интерпретировали характер этого персонажа и его взаимодействие с человеком.

Ключевые слова: мороз, обряд, ритуальные приговоры, загадки, поговорки, пословицы, сказки, вариативность, контаминация, архаичная стихия, мифологические представления.

Mythologized Image of Moroz (Frost) in Russian Folklore and Literature of the 19th – Early 20th Centuries

In this article the mythologized image of Moroz in various genres of the Russian folklore and also in V. F. Odoevsky's, N. A. Nekrasov's, A. P. Chekhov's and S. A. Yesenin's works is considered. The conclusion is drawn that the Russian writers and poets relying on national mythological ideas about Moroz interpreted this character and its interaction with the human person in their own way.

Keywords: frost, ceremony, ritual sentences, riddles, sayings, proverbs, fairy tales, variability, contamination, archaic elements, mythological ideas.

В славянской культуре стихия Мороза имела сакральное значение, ведь от этого природного явления зависело как количество, так и качество урожая, а, следовательно, и сама жизнь простого крестьянина. На протяжении многих лет в сознании народа формировался образ старика Мороза, или, как

его еще называли, Трескуна и Студенца, что, конечно, отразилось в народных преданиях и поверьях.

Известный фольклорист XIX в. А. Н. Афанасьев в своем фундаментальном труде «Поэтические воззрения славян на природу» пишет: «Морозко, говорят крестьяне, – ни-

зенький старичок с длинной седой бородой; зимой бегаёт он по полям и улицам и стучит: от его стука начинаются трескучие морозы и оковываются реки льдами; если ударит он в угол избы, то непременно бревно треснет [2, с. 313]. Ученый подчеркивает, что могучие силы природы представляются народному воображению живыми существами. Афанасьев описывает обряд кликанья Мороза накануне Рождества и на Велик день <Пасху>, когда старший представитель крестьянской семьи зазывает Мороз на трапезу и угощение ритуальной пищей. У русских чаще всего в качестве ритуальной пищи выступал овсяной кисель, но бывало зазывали кутьей, блинами, похлебкой или щами – мотивированно это было местностью и наличием нужных продуктов. Ритуал обязательно сопровождался закличкой, которую, как правило, исполнял самый статусный человек в доме. Особое значение имели места исполнения этого обряда. Зазывали в открытые окна, выходили на порог, на крыльцо, в огород или звали Мороз в печную трубу – все это пространственные ориентиры, означающие переходную границу между мирами. Ученые отмечают, что обряд кликанья Мороза сохранялся в традиционной культуре русских вплоть до начала XX в. Так, кубанский этнограф Н. И. Бондарь пишет, что на Кубани приглашение/гуканье Мороза во многих станицах осуществлялось именно на Рождественскую вечерю, а словесный текст заклички, «несмотря на вариативность “формы”, достаточно однотипен по сути. Например: «Мороз, Мороз! Иды до нас кутю йисты! Та ны морозь наших ны тыляток, ны курчаток, ны поросыток, ны нас. А ны идэш кутю йисты, так и ны морозь» [3, с. 20]. Итак, Мороз – древняя могущественная стихия, на которую человек пытается повлиять во благо своей семьи.

В разнообразных жанрах русского фольклора нашли отражение архаичные представления славян о многофункциональности образа Мороза. А. Н. Афанасьев отмечает, что «народная загадка изображает Мороз в виде могучего богатыря, равного силами Самсону: «сам Самсон, сам мост мостил – без топора, без клинья, без подклинья» [2, с. 561]. В загадках подчеркивается древность и мощь Мороза: «Старик у ворот, тепло уволок». Сам не бежит

и стоять не велит» [8, с. 227, № 2075], его необычное мастерство – «Без рук, без ног, а рисовать умеет» [8, с. 227, № 2079]. В сборнике Д. Н. Садовникова «Загадки русского народа» приводится очень интересная загадка о беспощадной жестокости Мороза: «Стоит дуб без корня, без ветвей, сидит на нем птица вран; пришел к нему старик без ног, снял его без рук, заколол без ножа, сварил без огня, съел без зубов» [8, с. 227, № 2077]. Составитель сборника в примечании к данному тексту указывает: «Сходна с загадкой о человеке и смерти в «Беседе трех святителей» [8, с. 326].

О невероятной силе Мороза говорит поговорка «Мороз и железо рвет, и на лету птицу бьет». А пословица «Мороз не велик, да стоять не велит» свидетельствует о том, что даже небольшой мороз способен вызвать у всех дискомфорт. А немогущество, за которой скрывается недюжинная сила, представлена в пословице «Мороз не дюж, а всякого гнет» [5, с. 348].

Ярко раскрывается образ Мороза в русской народной волшебной сказке «Морозко», имеющей десятки сюжетных разновидностей. Вариативность сюжета зависела от региона, национальности, традиций и других факторов, но как бы то ни было, фабула оставалась неизменной и лишь приукрашалась некоторыми деталями. Так в сказке статичны образы несчастной падчерицы, злой мачехи, ее дочери (или дочерей), старика, неспособного противостоят сварливой жене, и, конечно же, самого Мороза. По сюжету мачеха приказывает старику избавиться от падчерицы, отвезя ее в лес на трескучий мороз. Эта прихоть исполняется, и вскоре к замерзающей девочке приходит, «перескакивая с ветки на ветку» (аллюзия на Мировое Древо), Морозко, который

трижды спрашивает: «Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная?» [14, с. 196]. За то, что вежливо и безропотно отвечала ему, она получает вознаграждение – соболью шубу, «злато-серебро» и короб с подарками. Узнавшая об этом мачеха немедленно отправляет свою родную дочь туда же, но нахальная и алчная девушка общается с Морозко неуважительно и высокомерно, за что тот замораживает ее. Конец сказки всегда одинаков – домой старик привозит лишь холодное тело Ленивицы. Примечательно, что предвосхищает события маленькая собачка. Она настойчиво повторяет человеческим голосом то, что падчерица будет одарена богатыми дарами, а от мачехиной дочери привезут в мешке одни косточки. Фольклорист В. П. Аникин отмечает: «В сказочной истории о стойкости и терпении сироты, о суровом Морозке, то благожелательном, то беспощадном, раскрывается мысль: притесняемые, те, кто стоек, будут счастливы» [1, с. 35].

Свое видение народной сказки представил Владимир Федорович Одоевский в замечательной авторской сказке «Мороз Иванович» (1847). Писатель переосмыслил народный сюжет, более подробно раскрыл характеры героев через развернутые диалоги и поступки, добавил новых персонажей – волшебную печь и яблоню с золотыми плодами. Злая мачеха трансформировалась в нянюшку Прасковью, а собака – в петуха. Изменилась и локация –

вместо заснеженного леса появляется колодец, в который Рукодельница по нечаянности роняет ведро. Она вынуждена спуститься за ним, но, достигнув дна, оказывается не в воде, а в чудной стране. Именно в ней, по народным поверьям, и обитает Мороз во время летней жары, ибо «вода в колодце всегда студеная». Рукодельница встретила с седым-седым стариком Морозом Ивановичем, который сидел «на ледяной лавочке да снежные комочки ел; тряхнет головой – от волос иней сыплется» [11, с. 271]. Живет старик в прекрасном ледяном доме, спит на перине из пушистого снега, под которой до поры до времени спрятана зеленая травка. Доброй девочке Мороз Иванович подробно рассказывает о том, зачем он зимой по улицам ходит да в окошки стучится: он заботится о людях, чтобы они «не забывали печей топить, да трубы вовремя закрывать»; и чтобы те, кто находится в тепле, помнили о бедных и «им помогать не забывали» [11, с. 273]. Рукодельница ведет себя уважительно по отношению к древней стихии, за что после трехдневной честной службы получает вознаграждение: «горсть серебряных пяточков» и «брильянтик – косынку закалывать». Конечно, такое положение дел не устраивает Ленивицу, которая тоже хочет познать щедрость Мороза Ивановича, притом ничего не делая. Три дня она выполняла указания старика «спустя рукава» и, в конце концов, потребовала награду. Но Мороз не так прост – он все время делал вид, что не замечает небрежного ведения дел, и одаривает ее, казалось бы, еще большими ценностями, многозначительно добавляя: «какова твоя работа, такова будет тебе и награда» [11, с. 277]. И только вернув-

шись на поверхность, хвастаясь перед всеми полученными подарками, Ленивица осознала – у нее в руках не что иное как ртуть, которая начала таять в тепле. Завершает повествование петух, прокричавший, что у Ленивицы в руках ледяная сосулька.

Итак, Одоевский смягчил финал народной сказки и привел сюжет в более четкие логические границы. Характеры героев прописаны более подробно, оттого исчезает некоторая «кукольность», присущая народной сказке. В обработке писателя она стала более нравоучительной и гуманной. По верному замечанию Е. В. Душечкиной: «В педагогической сказке Одоевского обрядовый Мороз и сказочный Морозко превращены в доброго, но справедливого воспитателя и наставника» [6, с 1]. Авторская позиция в тексте четко обозначена, имеет место быть познавательная и назидательная направленность. Однако, писатель не отходит от фольклорной традиции. Его «Мороз Иванович» имеет много общего с немецкой сказкой из сборника братьев Grimm «Госпожа Метелица» (нем. Frau Holle). Сюжеты тесно переплетаются, но персонификация зимы проявляется в них в разных образах – мужском и женском соответственно. Следует отметить, что госпожа Метелица, как и Мороз Иванович Одоевского, не уничтожила, а лишь проучила Ленивицу: опрокинула на нее пол-

ный котел смолы, которая «на ней так на всю жизнь и осталась» [4, с. 86]. Можно сделать вывод, что сказка Одоевского основана на ориги-

нальной контаминации русской и немецкой народных сказок о стихии Холода.

В поэме Н. А. Некрасова «Мороз, Красный нос» (1863) образ Мороза еще более многозначен и многофункционален. По сюжету крестьянин Прокл умирает, покинув жену Дарью, детей и пожилых родителей. Вся тяжелая работа легла на плечи вдовы. Ей необходимо отправиться в лес по дрова, но даже за работой скорбные мысли не выходят из головы. Она трудится, а слезы все льются из очей. Важно подчеркнуть, что Некрасов прекрасно знал народные верования и приметы. Дарья едет в лес по дрова, чтобы из царства смерти привезти живое тепло в свою избушку, которая «настудилась» из-за присутствия в ней мертвеца. Парализованная горем, она мысленно общается с мужем, вспоминает свое прошлое и с тоской думает о будущем. Совершенно измощенная, крестьянка прислоняется спиной к высокой сосне и замирает под ней «без думы, без стога, без слез» [9, с. 102]. В. А. Сапогов в своей монографии «Анализ художественного произведения» считает, что эпизод с застыванием героини связан с образом «мировой вертикали», что восходит к мифологическим представлениям славян [13, с. 28–29]. Земной путь – это всегда движение по горизонтали, переход же в «иной мир» есть вертикаль. Именно такая организация пространства показана в последней сцене. Прокл – в могиле (внизу), душа Дарьи отлетает вверх, в небо, на что указывают слова «...И видишь ты синий / Свод неба да солнце.» И по этому Мировому Древу спускается Мороз: «И вдруг очутился над нею, над самой ее головой, забравшись на сосну большую». И это уже далеко не сказочный персонаж. Он властитель леса, «Мороз-воевода», в обязанности которого входит полный контроль над стихией. Увидев в своем мертвом царстве (а холод в произведении Некрасова всегда связан со смертью) гостью, он начинает петь хвастливую песню о себе. В ней он предстает мастеровитым зодчим, способным строить ледяные дворцы и мосты над быстрыми реками, озорником («А пьяных, и конных, и пеших дурачить еще веселей»), богачом («Я царство мое убираю в алмазы, жемчуг, серебро») [9, с. 104]. Но кроме этого он еще любит «в глубоких могилах покойников в иней

рядить, и кровь вымораживать в жилах, и мозг в голове леденить» [9, с. 104]. Сей факт мало роднит его со сказочным Морозко. Единственное, что связывает его с народной сказкой, так это наличие троекратного вопроса «Тепло ли тебе, молодница?» в диалоге с Дарьей. Она отвечает по всем сказочным правилам, что ей совершенно не холодно, дабы не разгневать могущественную стихию. Но от Некрасовского Мороза пощады ждать не приходится. Он превращается в Прокла и, соблазняя Дарью сладкими речами, уводит в прекрасный летний сон, где все члены ее семьи живы и счастливы. Мороз создает пленительную иллюзию, в которую Дарья полностью погружается и уже не в силах вернуться в реальность. Она погибает с улыбкой на устах, преисполненная душевного покоя. Итак, Мороз в поэме – жестокая стихия со своими принципами и представлениями о справедливости. Героиня была вежлива с ним, но он губит ее, лишь одаривая последним счастливым жарким летним сном.

К сказочному сюжету о Морозко обратился и С. А. Есенин в стихотворении «Сиротка» (1914). Девочка Маша, живущая со злой мачехой и коварной сестрицей, несчастна и бедна. Она хотела бы умереть или уйти из дома, но все дороги для нее закрыты. Она выходит на крыльцо и плачет горькими слезами, которые, падая на землю, превращаются в драгоценный жемчуг. Увидев это, Маша немедля собирает чудесный подарок. И вдруг к ней подбегает седой старик и говорит: «где-то здесь вот на крыльчке позабыл я жемчуга» [7, с. 183]. Конечно же, это сам Мороз. Девочка сразу признается, что она его собрала, и хочет вернуть. Дедушка останавливает ее, объясняя, что это он пожалел ее и одарил драгоценным бисером на бусы, а за честность и искренность она может оставить его себе. К тому же он «озлобленным дыханием» застудил мачеху и ее ленивую и коварную дочь. Маша предает их земле, а сама выходит замуж за короля. Это произведение не похоже ни на народную сказку, ни на адаптацию Одоевского, ни на видение образа Мороза Некрасовым. Старик не заставляет девочку работать за вознаграждение и не пытается ее холодом, трижды интересуясь, тепло ли ей. Он не скачет по деревьям, не поет про себя хвалебных песен, не запугивает – он

нежно разговаривает с героиней и сочувствует ей. Мороз произносит: «За тебя, моя родная, стало больно мне невмочь». Какова стихия Холода у Есенина? Мы видим, что персонаж справедлив, но в то же время он жесток и категоричен, ему ничего не стоит по своей воле убить людей. Сам герой дает себе такую характеристику: «Я ведь, Маша, очень добрый, / Я ведь дедушка-мороз» [7, с. 184]. Да, он очень добр с притесняемыми, но крайне зол с притесняющими. В его образе мало волшебного и сказочного, внешне он похож на обычного человека, а о волшебных деяниях мы узнаем только из его слов. Тем не менее, чувствуется, что есенинский Мороз могуществен и уважаем, это влиятельная стихия, способная на все.

Снова обратимся к Н. А. Некрасову, к его произведению «Крещенские морозы», входящему во вторую часть цикла «О погоде» (1865). Здесь вообще нет сказочных мотивов, отсутствует персонификация: Мороз – это уже не сказочный старик с седой бородой, живущий в лесной чаще, а грозное погодное явление. В стихотворении показана жестокая реальность – Мороз не щадит никого и ничего. Он не смотрит на праведность и греховность, здоровье и болезни, на возраст – беспощаден ко всем. Отморозить щеки и уши уже не так страшно, гораздо страшнее другое: «Целиком христианские души часто гибнут теперь...» [10, с. 187]. Каждый день в столичных газетах появляются имена новых жертв «хладнокровного убийцы». Ими могут оказаться и часовой, и мальчишка, ненароком уснувший в санях, и бедняк у подъезда. Все боятся Мороза и проклинаяют его. Бедняки пытаются «песней» изгнать «лютото убийцу» из сырых подвалов, от «голодных, больных, озабоченных, вечно трудящихся, / Уходи, уходи, уходи!» [10, с. 188]. Некрасовская «песня» очень напоминает народные приговоры, в которых звучит просьба, обращенная к Морозу, не приходите в неурочное время, не морозить скотину и людей: «А в некоторых приговорах даже звучит мотив угрозы Морозу: «Цепом голову проломлю, метлой очи высеку!» [12, с. 198]. Автор пытается найти положительные стороны этой стихии, но говорит о них иронично, потому что назвать их плюсами сложно. Например, он пишет, что «зимой умирать хорошо», потому что

покойник на холоде «дольше важный свой вид сбережет», а кладбище будет покрыто белым снегом, не будет грязи, и похоронная музыка на морозе будет звучать чище и звонче. Природа в белом саване выглядит пышно и величественно, дышать зимой вольно, люди ведут себя проворнее, а лошади, даже самые слабые, скачут быстрее, подгоняемые стужей. Но по сравнению с бедствиями, которые приносит стихия, эти доводы ничтожны. Становится понятен первобытный страх наших предков перед ней. Некрасовский Мороз не жалеет никого – да, он велик и могуществен, но своенравен и беспощаден.

Впрочем, таков же Мороз в одноименном рассказе А. П. Чехова (1887). Из-за крещенского мороза «градусов в 28 с ветром» чуть не отменяют народное гулянье, которое с таким трудом было спланировано. От него «побелели деревья, лошади, бороды», даже воздух трещал, «не вынося холода». Городской голова Егор Иваныч называет такую погоду «сущей казнью» и считает, что это наказание Божье за летние грехи. Губернатор же говорит, что «мороз укрепляет человека, бодрит» и вообще он имеет всевозможные «прелести». Так, многими хорошими качествами русский народ обязан именно этому природному явлению, потому что отчаянная борьба за существование закалила его характер. Егор Иваныч этого факта не отрицает, но все равно считает, что «лучше бы его не было». Ведь при таком морозе хорошо только сытому и одетому, а для нищих, рабочих людей это настоящее горе. К тому же в это время увеличивается бедность и преступность – «и вор хитрее, и злодей лютее» [15, с. 20].

В чеховском рассказе мороз – это грозная и могучая природная стихия, испытание которой прошли все главные действующие лица произведения. Городской голова, ныне знатный купец и миллионер, оставшись в раннем детстве сиротой, вынужден был за пятак в день в любую погоду водить по городу

слепую старушку. И самым страшным воспоминанием для него были морозы «жестокие, злющие», а от них: «Болит сердце, нет мочи терпеть, а во всем теле тоска, словно ты ведешь за руку не старуху, а саму смерть. Весь онемеешь, одеревенеешь, как статуя» [15, с. 20]. Много вытерпел он от мороза и в юности, будучи сидельцем в рыбной лавке, и уже хозяином маленькой лавчонки. Он с сожалением вспоминает, что порой от холода становился «жесточее мороза» и обижал ближних. Старик губернатор рассказал, что и он пострадал от мороза: «во время последней русско-турецкой войны, в одну морозную ночь отряд, в котором он находился, стоял неподвижно тринадцать часов в снегу под пронзительным ветром» [15, с. 22], и, чтобы не выдать себя, никто не мог развести огонь или закурить. Старый архиерей поведал, как он, служа в Сибири, ездил на собаках, и «как он однажды сонный, во время сильного мороза, вывалился из возка и едва не замерз» [15, с. 22]. Главное, что все три рассказчика, умудренные жизненным опытом, достигшие высокого положения в обществе, не застудили своих сердец, сохранили сострадание к ближним: они сочувствуют «водовозам, школьникам, арестантикам в халатишках»; им хочется согреть и озябшего околоточного, и музыкантов, играющих на сильнейшем морозе с ветром.

Итак, очевидно, что Мороз как могучая и, в то же время, талантливая и всепроникающая стихия становится героем многих фольклорных и литературных произведений. Русские писатели и поэты старались следовать народным мифологическим представлениям о Морозе, однако, каждый привносил в этот образ новые детали. Они по-своему изображали характер этого природного явления и его взаимодействие с человеком. Главная идея русской литературы – глубоко гуманистическая: внимание и сострадание к ближним, оказавшимся в тяжелой жизненной ситуации.

Использованная литература:

1. Аникин В. П. Русская народная сказка. М.: Провещение, 1977.
2. Афанасьев А. Н. Мифы, поверья и суеверия славян. Поэтические воззрения славян на природу. М.: Эксмо; СПб.: Terra Fantastica, 2002. Т. 1.

References:

1. Anikin, V. P., *Russkaya narodnaya skazka* (Russian Folk Tale), Moscow: Prosveshchenie, 1977.
2. Afanas'ev, A. N., *Mify, pover'ya i sueveriya slavyan. Poeticheskie vozzreniya slavyan na prirodu* (Myths, Beliefs and Superstitions of the Slavs. Poetic Views of Slavs on the

3. Бондарь Н. И. Календарные праздники и обряды кубанского казачества. Краснодар: Кубанькино, 2003.
4. Братья Гримм. Сказки. М.: Художественная литература, 1991.
5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М.: Русский язык, 1989. Т. 2.: И-О.
6. Душечкина Е. В. Дед Мороз: этапы большого пути (К 160-летию литературного образа) // Независимый филологический журнал. 2001. № 47. С. 1-10.
7. Есенин С. А. Сиротка // Собрание сочинений: в 3-х т. М.: Правда, 1977. Т. 2. С. 181-184.
8. Загадки русского народа: Сборник загадок, вопросов, притч и задач / сост. Д. Садовников; вступ. ст. и примеч. В. Аникина. М.: ТЕРРА, 1996.
9. Некрасов Н. А. Мороз, Красный нос // Полное собрание сочинений и писем: в 15-ти т. Л.: Наука, 1982. Т. 4. С. 77-109.
10. Некрасов Н. А. О погоде. Часть вторая. Крещенские морозы // Полное собрание сочинений и писем: в 15-ти т. Л.: Наука, 1981. Т. 2. С. 187-190.
11. Одоевский В. Ф. Мороз Иванович // Сказки народов мира: в 10-ти. М.: Детская литература, 1989. Т. VII: Сказки русских писателей. С. 269-277.
12. Русская мифология: энциклопедия / сост. Е. Мадлевская. М.: Эксмо; СПб; Мидгард, 2006.
13. Сапогов В. А. Анализ художественного произведения: поэма Н. А. Некрасова «Мороз, Красный нос». Ярославль: Ярославский гос. педагогический университет, 1980.
14. Сказки народов мира: в 10-ти т. / сост. В. П. Аникин. – М.: Детская литература, 1987. Т. I.: Русские народные сказки.
15. Чехов А. П. Мороз // Собрание сочинений: в 12-ти т. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1955. Т. 5. С. 17-23.
- Nature), Moscow: Eksmo; Saint-Petersburg: Terra Fantastica, 2002, vol. 1.
3. Bondar', N. I., *Kalendarnye prazdniki i obryady kubanskogo kazachestva* (Calendar Holidays and Customs of the Kuban Cossacks), Krasnodar: Kuban'kino, 2003.
4. Grimm Brothers, *Skazki* (Fairy Tales), Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1991.
5. Dal', V. I., *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* (Explanatory Dictionary of the Russian Language), in 4 vols., Moscow: Russkiy yazyk, 1989, vol. 2.: I-O (from I till O).
6. Dushechkina, E. V., *Ded Moroz: etapy bol'shogo puti* (K 160-letiyu literaturnogo obraza) (Father Frost: the Milestones (160 Years Literary Image)), *Nezavisimyy filologicheskiy zhurnal*, 2001, no. 47, pp. 1-10.
7. Esenin, S. A., Sirotkka (Orphan), *Sobranie sochineniy*, in 3 vols., Moscow: Pravda, 1977, vol. 2, pp. 181-184.
8. *Zagadki russkogo naroda: Sbornik zagadok, voprosov, pritch i zadach* (Puzzles of the Russian People: Collection of Puzzles, Questions, Parables and Objectives), Sadovnikov, D., Comp., Anikin, V., Foreword, Notes, Moscow: TERRA, 1996.
9. Nekrasov, N. A., *Moroz, Krasnyy nos* (Red-Nosed Frost), in *Polnoe sobranie sochineniy i pisem*, in 15 vols., Leningrad: Nauka, 1982, vol. 4, pp. 77-109.
10. Nekrasov, N. A., *O pogode. Chast' vtoraya. Kreshchenskie morozy* (About the Weather. Part Two. Bitter Cold), in *Polnoe sobranie sochineniy i pisem*, in 15 vols., Leningrad: Nauka, 1981. T. 2. pp. 187-190.
11. Odoevskiy, V. F., *Moroz Ivanovich* (Moroz Ivanovich), in *Skazki narodov mira*, in 10 vols., Moscow: Detskaya literatura, 1989, vol. 7: Skazki russkikh pisateley, pp. 269-277.
12. *Russkaya mifologiya: entsiklopediya* (Russian Mythology. Encyclopedia), Madlevskaya E., Comp., Moscow: Eksmo; SPb; Midgard, 2006.
13. Sapogov, V. A., *Analiz khudozhestvennogo proizvedeniya: poema N. A. Nekrasova «Moroz, Krasnyy nos»* (Analysis of the Literary Work: Nekrasov's Poem «Red-Nosed Frost»), Yaroslavl': Yaroslavskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet, 1980.
14. *Skazki narodov mira* (Tales of the Peoples of the World), in 10 vols., Anikin, V. P., Comp., Moscow: Detskaya literatura, 1987, vol. 1: Russkie narodnye skazki (Russian Folk Tales).
15. Chekhov, A. P., *Moroz* (The Frost), in *Sobranie sochineniy*, in 12 vols., Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury, 1955, vol. 5, pp. 17-23.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Мартыненко Л. Б. Мифологизированный образ Мороза в русском фольклоре и литературе XIX – начала XX века [Электронный ресурс] / Л. Б. Мартыненко, С. С. Авдеев // Наследие веков. – 2015. – № 2. – С. 24-30. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/10/2015_2_Martynenko_Avdeev.pdf (дата обращения дд.мм.гг.).

Full bibliographic reference to the article:

Martynenko, L. B. and Avdeev, S. S., *Mifologizirovannyi obraz Moroza v russkom fol'klore i literature XIX – nachala XX veka* (Mythologized Image of Moroz (Frost) in Russian Folklore and Literature of the 19th – Early 20th Centuries), *Naslediye Vekov*, 2015, no. 2, pp. 24-30. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/10/2015_2_Martynenko_Avdeev.pdf. Accessed Month DD, YYYY.

СОМОВА Елена Викторовна

кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы, теории литературы и критики Кубанского государственного университета, г. Краснодар, Россия

Elena V. SOMOVA

Cand. Sci. (National Literature), Assoc. Prof., Department of the History of Russian Literature, Literary Theory and Criticism, Kuban State University, Krasnodar, Russia
ist_rus_lit@mail.ru

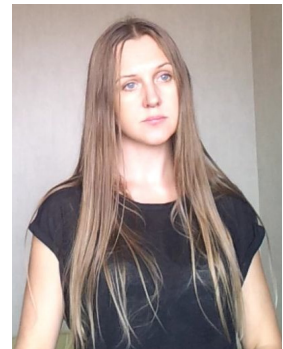

СВИТЕНКО Наталья Вячеславовна

кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы, теории литературы и критики Кубанского государственного университета, г. Краснодар, Россия

Natalia V. SVITENKO

Cand. Sci. (National Literature), Assoc. Prof., Department of the History of Russian Literature, Literary Theory and Criticism, Kuban State University, Krasnodar, Russia
svitenko@list.ru

Кавказ как топос русской литературы: типология литературных путешествий (по страницам отечественной поэзии и беллетристики XX – XXI веков)

Обзор поэзии и беллетристики XX–XXI вв. позволил выделить основные типологические модели литературных путешествий на Кавказ и определить специфику каждой из них: «экскурсия», «паломничество», «бегство». Кавказ – главный романтический топос русской литературы, место метафизической «прописки» поэтов. Этим определяется потребность возврата туда, замещение собою автора или героя классического кавказского сюжета, ностальгическое читательское путешествие «в страну воспоминаний».

Ключевые слова: Кавказ, романтический топос русской литературы, литературицентричное сознание, типологические модели литературных путешествий, самореализация в роли автора и героя, метафизическое пространство.

The Caucasus as the Topos of Russian Literature: Typology of Literary Journeys (Through the Pages of Russian Poetry and Fiction of the 19th – 20th Centuries)

The review of poetry and fiction of the 19-th – 20-th centuries made it possible to point out main typological models of literary journeys to the Caucasus and define specification to each of them: “excursion”, “pilgrimage”, “escape”. The Caucasus is the main romantic topos of Russian literature, a place of metaphysical registration of poets. It determines the necessity of returning there, self-substitution of the author or a character of a classical Caucasian plot, a nostalgic reader’s journey to “the country of memories”.

Keywords: the Caucasus, Romantic topos of Russian literature, literature-centered consciousness, typological models of literary journeys, author’s and character’s self-realisation in a role, metaphysical continuum.

Став в первой половине XIX в. главным литературным топосом русского романтизма, будучи востребован в этом качестве и в XX столетии¹ Кавказ до наших дней остаётся Меккой русских поэтов, писателей и читателей – обладателей литературоцентричного сознания и менталитета.

Наша задача – определить главные интенции литературного восприятия Кавказа, обозначив основные типологические модели литературных путешествий на Кавказ русских поэтов и писателей XX–XXI вв.

Задуманные и предпринятые литературные путешествия могут быть подразделены на четыре основных типа: экскурсия, паломничество, бегство, возврат.

Модель «экскурсии» на Кавказ заложил В. В. Маяковский («Тамара и Демон», 1924), блистательно выступив в роли праздного любопытствующего столичного поэта-пролетария уровня Ивана Бездомного: От этого Терека в поэтах истерика. / Я Терек не видел. / Большая потерийка. / Из омнибуса / вразвалку / сошёл, / поплеывал / в Терек с берега, / совал ему / в пену / палку. / Чего же хорошего? / Полный развал! / Шумит, / как Есенин в участке. / Как будто бы / Терек / организовал, / проездом в Боржом, / Луначарский» [16, т. 3, с. 68].

Тенденция оказалась плодотворной. Молодая «поэтесса» Катя Карпович («На минеральных живительных водах», 2013) примеряет на себя роль современной княжны Мери: «Под Пятигорском, где мамочкам отдых, / дочкам стаканчик, старинный романчик, / долго ищущая я, балда, поэтесса, тень человека с кривыми ногами / и, получив в грудь отрывку железа, / воду железную пью стаканами» [10].

Измельчание налицо. Базаровская самоирония Маяковского скрывала его романтическую сущность, неожиданно и неизбежно пробуждающуюся здесь, среди теснин и хребтов: «Хочу отвернуть заносчивый нос / и чувствую: стану на грани я. / Овладевает мною гипноз / воды и пены игранье...» [16, т. 3, с. 68].

Катя Карпович праздное любопытство не изображает. Именно оно и заставляет ее обозревать местные достопримечательности, главная из которых – поручик с печальными глазами (для нее – с кривыми ногами) – ну-ка, где он тут? Тень не материализуется – недостаёт для этого ни голоса, ни страсти, ни масштаба личности «экскурсантки». Да и потребности, собственно, нет. К перевоплотившемуся в «нового Демона» Маяковскому «Лермонтов сходит, презрев времена»; героине К. Карпович, которой «всё уж понятно в юные лета» [10], поэт не является.

Возможно, это и к лучшему. «Экскурсанты» идут потоком, и массово растиражированная сюжетная коллизия Маяковского о нисхождении в современный мир Лермонтова теряет оригинальность и убедительность. «Прилежно говорят экскурсоводы / о зависти, о ссоре роковой, / О творческом пути певца свободы, / Оборванном злодейскою рукой...» «Но глядя на венок из бронзы тяжелой, / На лиру, победившую века, / Всё чудилась мне белая фуражка, / Забытая на склоне Машука» (А. Коваленков. «Лермонтов в Пятигорске», 1954) [11, с. 24]. «Рассказу гида живо все внимают. / А я всё жду – начнутся чудеса... / Спокойно Лермонтов сойдет к нам с пьедестала / и сам стихи начнет для нас читать» (И. Бжиская. «У памятника Лермонтову», Пятигорск, 2002) [2].

Вослед и «в пику» Маяковскому пишет в 1924 г. стихотворение «На Кавказе» С. Есенин. Мотивация собственного появления здесь изначально иная, хотя не вполне ясна самому лирическому герою: «А ныне я в твою безглазость / пришел, не ведая причины: / Родной ли прах здесь обрывать / Иль подсмотреть свой час кончины» [7, с. 142]. Смутная потребность приводит его сюда, где «Пушкин в чувственном огне / Слагал душой своей опальной: / «Не пой, красавица, при мне / Ты песен Грузии печальной»; где лечил свою тоску и «был пулей друга успокоен» Лермонтов; где «спит под плач зурны и тари» Грибоедов. Его приезд сюда – смесь паломничества и бегства от «зол и бед» столичной жизни. Желание очиститься и обрести новое поэтическое дыхание и голос движет им. Он просит Кавказ: «Ты научи мой русских стих / Кизилковым струиться соком. / Чтоб, воротясь опять в Москву, я мог прекрас-

¹ «Издревле русский наш Парнас / Тянуло к незнакомым странам, / И больше всех лишь ты, Кавказ, / Звенел загадочным туманом». (С. Есенин, 1924) [7, с. 142]. «До свиданья, Кавказ, мы тебя любили / Больше, чем Кострому или Вятку...» (А. Кушнер, 1982) [13, с. 129].

нейшей поэмой / Забыть ненужную тоску / И не дружить вовек с богемой» [7, с. 144].

Подобно Есенину, за год с небольшим до добровольного ухода пишет стихотворение о Кавказе Борис Рыжий. «Господи, только не сразу / финку мне всаживай в грудь. / Дай дотянуть до Кавказу. / Дай сочинить что-нибудь» [21, с. 375–376]. Вспоминает он, в отличие от Есенина, предшественника «маргинального», чьё имя, в отличие от Лермонтова, Пушкина, Грибоедова, Марлинского, не стало литературной эмблемой Кавказа: «Яков Петрович Полонский / пишет стихи про Кавказ» («Тонкой дымя папирасой», 1999). А в подтексте ещё два имени, краса и гордость грузинской поэзии – Николоз Бараташвили и Галактион Табидзе («Цвет небесный, синий цвет полюбил я с малых лет» (Н. Бараташвили) [5, с. 186]; «Мчатся кони, кони, кони на Вселенском ипподроме, / Мчатся синие фантомы по разомкнутым кругам» (Г. Табидзе) [23, с. 192]); «Тонкие черные кони / в синие прут облака» (Б. Рыжий) [21, с. 375–376].

Кавказ не спас, не обезболит. Но и просили поэты не о жизни – о творчестве. Эта просьба была исполнена. С. Есенин, как и стремился, создал в 1925 г. поэму «с большой эпической темой» «Анна Снегина». Б. Рыжий в 1994 г. получил «Антибукера», а в 2000-м выпустил свой единственный прижизненный сборник «И всё такое...».

Ведомая «Тоской по Лермонтову» (стихотворение 1964 г.), совершает литературное паломничество в Грузию Б. Ахмадулина. Она пытается духовным зрением увидеть, «где он стоял? Вот здесь, где монастырь / Еще живет всей свежестью размаха, / Где малый камень с легкостью вместил / великую тоску того монаха...» [1, с. 408]. В отличие от Есенина, ее мольба очищена от собственных творческих притязаний, обращена только к Лермонтову: «Стой на горе! Не уходи туда, / Где только-то! – Через четыре года / Сомкнется над тобою навсегда / Пустая, совершенная свобода! / Стой на горе! Я по своим следам / Найду тебя под солнцем, возле Мцхета. / Возьму тебя всем зреньем, не отдам, / И ты спасён уже, и вечно это» [1, 409].

Перекликаются с ахмадулинским «поиском глаза» строки «паломнического» сти-

хотворения Вл. Смирнова «Светлая тень Лермонтова», 2010-е гг.: «Здесь он стоял в сиянье голубом, / Душа собой вершину продолжала...»; «Я исходил подножье Машука...» [22].

Здесь даже дышится по-особому: «этот горский, этот лермонтовский воздух / Наподобие господнего подарка» (О. Ермолаева, 1997) [6]. «Тут надышаться всласть никак нельзя – / Так поэтичен воздух Пятигорска» (В. Смирнов) [22].

Но не всегда попытка проехать по «святым местам», повторяя маршрут Лермонтова, приводит к желаемому духовному просветлению. В стихотворении С. Бодруновой «Я ехал на перекладных из Тифлиса» (2005), она превращается в дорогу разочарований. В себе, в исторической и современной действительности, чью пошлость и неприглядность так резко оттеняет создававшаяся здесь большая литература. «Пусть пишет Печорин – / Бумаги в дороге размокли, размякли, / И жалкие люди ютятся по саклям, Живут и не ведают слова «не так ли», / Зигзагов позерства, фатальных пентаклей...», «Один над стремниной, ни конный, ни пеший, / Ублюдок режима, осколок имперский, / Рассказчик, узнавший из авторских версий, / Что кто-то умрет, возвращаясь из Персий... / Куда? – Неизвестно куда». [3]. Лермонтовский трагизм усугубляется пушкинским – о нём напоминает не только реминисценция из стихотворения «Кавказ», но и аллюзия на финал «Осени»: «Плывет... Куда ж нам плыть?» [20, т. 3, с. 248]².

Потребность бегства на Кавказ как иллюзорную надежду на освобождение сформулировал для себя и «диссидентов» последующих имперских эпох сам Лермонтов: «Быть может, за стеной Кавказа сокроюсь от твоих пашей...» [14, с. 213]. Этот импульс лег в основу сюжета лучшего историко-фантазийного романа Б. Ш. Окуджавы «Путешествие дилетантов» (1978), показавшего, между прочим, типологическое

² «Любопытно сопоставить с отечественными поэтами мотивацию появления на Кавказе иностранного «туриста» (Матей Шопкин. «Обращение к М. Ю. Лермонтову», пер. с болгарского Вс. Кузнецова, 2002). Оставляя за скобками художественность исполнения, следует отдать должное причинам и цели его появления здесь: «Поручик Лермонтов, простите, / Что Вас тревожу в этот час. / Сюда явился навестить я / Любимый Вами так Кавказ. / Чтoб исповедаться делами, – / Как перед маршалом солдат... / И превратить призыв в присягу...» [25].

сходство николаевского и советского тоталитаризма в их отношении к интеллигенту-одиночке – герою и изгою времени.

Главный герой романа, князь Сергей Мятлев, потрясенный гибелью двух друзей-поэтов – ссыльного вольнодумца в стычке с горцами (А. А. Бестужев-Марлинский) и «злого и насмешливого гения» на дуэли (М. Ю. Лермонтов), «выпадает» из светского круга – общества – государства, лишаящего его права и надежды на автономное существование. Невыносимость несвободы, ее несовместимость с жизнью вынуждают Мятлева и его возлюбленную Лавинию бежать по маршруту, указанному друзьями: поручиком Амираном Амилахвари (авторским двойником) и тем, другим – погибшим «насмешливым гением». Они надеются «укрыться» в краю лермонтовском, окупжавовском, благословенном, где «друзей созову, на любовь своё сердце настрою, а иначе зачем на земле этой вечной живу» (Б. Окуджава. «Грузинская песня», 1967) [17]. Именно эту надежду Д. Быков называет верной приметой дилетантизма. «Дилетант – это тот, кто надеется сбежать от государственного гнета в Кавказский рай, в личное счастье, в имение; вообще дилетант – тот, кто надеется!» [4]. Иллюзия в очередной раз разбивается: за стеной Кавказа физически укрыться нельзя. Единственная возможность для «усталого раба» – иной побег: «в обитель дальнюю трудов и чистых нег» [20, т. 3, с. 258].

Часто такой обителью становится... Кавказ. Не реальный – литературный. Где «Берег – письменный стол. Море – чернильница» (В. Каменский. «Прибой в Сухуме», 1922) [9, с. 125].

Наличие двух Кавказов – для «нас» и для «них» – осознают в стихах Б. Ахмадулина и С. Бодрунова. Первая – с мудрой и жертвенной снисходительностью поэта. «Неужто всё – для этих, загорелых / и ни одной не прочитавших книги?..», «Я упасу их от моей печали, / от грамоты моей высокопарной... / О Море-Небо! Ниспошли им легкость. / Дай мне беды, а им – добра и чуда» (Б. Ахмадулина. «Гагра. Кафе «Рица», 1979) [1, с. 435–436], вторая – с жесткой неприязнью и к «низким истинам» жизни и «возвышающему обману» литературы («Какая картина!.. дневная картинка: / Грузинка в

начале, в конце осетинка, / кокетка, красотка, крестьянка, кретинка, / и контрабандистка, и полублядинка...» (С. Бодрунова. «Я ехал на перекладных из Тифлиса», 2005) [3].

Литературный Кавказ становится частью культурной памяти русского писателя и читателя, его «страной воспоминаний». И обостряется с возрастом потребность возврата туда.

«Читательский» вариант возвращения на Кавказ – это ностальгическое путешествие в собственные детство и юность, когда первые вздох были прочитаны «Мои любимые писатели – Г. А. Печорин, И. П. Белкин» (Вера Павлова, «Молчанья золотоискатели», 2009) [18], и воскресить эти ощущения – дорогого стоит. «На улицах туман. / Послушать бы «Тамань» / По радио! / Чтоб лермонтовский дар, / Как в детстве, как тогда, – / Порадовал...»; «Что может быть сильнее страны воспоминаний?!» (Н. Матвеева. «Тамань», 1995) [15].

Для классического русского читателя классическая русская литература, даже в самых печальных её эпизодах, – радость и утешение, согласно бессмертному пушкинскому рецепту: Как мысли черные к тебе придут, откупори шампанского бутылку иль перечти «Женитьбу Фигаро» [20, т. 5, с. 313–314]. А. Кушнер: «И когда мне бывает тоскливо, с полки / Не бутылку шампанского (нет бутылки), / Не «Женитьбу» беру «Фигаро», а долгий / Этот путь вспоминаю и полдень пылкий»: «Поднималась арба в туче белой пыли, / и живому поэту погибший фору / В восемь лет баснословных давал, – в рогожу, / Очевидно, завернут или в холстину?» («До свиданья, Кавказ, мы тебя любили») [13, с. 129]. «Откуда вы?» – спросил я их. «Из Тегерана». – «Что вы везете?» – «Грибоеда». – Это было тело убитого Грибоедова, которое препровождали в Тифлис» [20, т. 6, с. 451]. И всё это: «Пост казачий, / раскинутые палатки, / Горы, словно их плавили и гранили, / Горький дым, запах смерти и воздух сладкий, / И столичный журнал, где его бранили» [13, с. 129], – становится драгоценным личным воспоминанием.

«Писательский» вариант возвращения на Кавказ предполагает самореализацию в двух ролях: автора и героя. Первую модель воплощает Борис Акунин, написавший под псев-

донимом-анаграммой А. О. Брусникин роман «Герой иного времени» (2010). Мотивацию создания подобного рода произведений в своё время озвучил М. Зощенко в предисловии к своей «Шестой повести Белкина»: «В классической литературе было несколько излюбленных сюжетов, на которые мне чрезвычайно хотелось бы написать. И я не переставал жалеть, что не я придумал их». Он же разъясняет принцип работы со знаменитыми сюжетами: «У живописцев в отношении копии дело обстоит проще. Там достаточно «списать» картину, чтобы многое понять. Но копия в литературе значительно сложнее. Простая переписка ровным счетом ничего не покажет. Необходимо взять сколько-нибудь равноценный сюжет и, воспользовавшись формой мастера, изложить тему в его манере... сделать сносную копию с отличного произведения не есть ученическое дело, а есть мастерство, и весьма нелегкое» [8, т. 6, с. 15].

Однако, по нашему убеждению, роман «Герой иного времени» написан не для демонстрации мастерства и даже не для подтверждения того, что сюжеты и характеры классической литературы жизнеспособны и неисчерпаемы, но ради удовольствия от самого процесса письма – погружения в любимый мир Лермонтова, Марлинского, Толстого, оживления их героев – кавказских пленных, ссыльных, ратных, горцев... В духе классической мистификации повествование представляет собой фрагменты «Записок старого кавказца» отставного офицера Г. Ф. Мангарова, якобы изданных в Санкт-Петербурге в 1905 г. Он стремится походить на любимого литературного героя Печорина, но понимает, что всего лишь Грушницкий по сравнению с героем подлинным – персонажем предыдущей эпохи, декабристом Олегом Никитиным.

Возвращение в роли героя предполагает подстановку СЕБЯ на место литературного персонажа какого-либо классического кавказского сюжета. Подобное замещение виртуозно проделывает Маяковский в «Тамаре и Демоне»: «Любви я ждался, / мне 30 лет. / Полюбим друг друга. / Попросту. / Да так, / чтоб скала / распостелилась в пух. / От черта скраду и от бога я! / Ну

что тебе Демон? / Фантазия! Дух! / К тому ж староват – мифология» [16, т. 3, с. 68]. Да и где ему, добавим, тягаться с настойчивым по-мужски и по-пролетарски Маяковским.

Раздражающая ёрническая интонация подобной поэтической «подстановки» характерна и для Д. Пригова: «В полдневный зной в долине Дагестана/ С свинцом в груди лежал недвижим я / Я! Я лежал – Пригов Дмитрий Александрович / Кровавая еще дымилась рана / По капле кровь сочилась – не его! не его! – моя! (Д. Пригов. «Долина Дагестана», 1989) [19]. Интересна полемика об этом стихотворении в апрельском номере журнала «Литература» за 2014 год. Профессор Т. Г. Кучина видит в нём готовность «поэта-графомана» «собственной кровью заплатить за место на литературном Олимпе, потеснив классика» [12, с. 56]. Резко возражает редактор С. Волков, нашедший в приговских стихах «свойство настоящей лирики: она присваивается читателем и становится повествованием о нём...», испытывающий от них «настоящий, а не постмодернистский озноб» [12, с. 57].

Настоящий озноб – и от стихотворного посвящения Б. Рыжего уральскому поэту-земляку О. Дозморову. Как сон – «Свердловск, набитый ласковым ворьем / и туповатыми ментами. / Гнилая Пермь. Исетский водоем...». А наяву: «Мы здорово отстали от полка. / Сокрыл туман последнюю звезду. / Из мрака бездна вырастает. / Храпят гнедые, чуя пустоту. / И ветер ментики срывает. / И сердце набирает высоту» («Памяти Полонского», 1998) [21, с. 214–215].

Возвращение поэта на высоты Кавказа есть окончательный возврат в своё метафизическое пространство: «Небо поэтов» – «первое от земли небо, вторая земля» (М. Цветаева) [24, т. 5, с. 362]. Место сужденной ему земной смерти и вечной жизни. «Руки крестом, / крестом / на вершине... / Луна. / Подмною / Лыдый Машук» (В. Маяковский. «Про это», 1923) [15, т. 2, с. 248]. «Артериальной теплой кровью я захлебнусь под Машуком» (Б. Рыжий. «У современного героя», 1999) [21, с. 248].

Эта пульсирующая кровь питает литературную почву Кавказа, делая её плодоносной.

Использованная литература:

1. Ахмадулина Б. Поэзия народов Кавказа в переводах Беллы Ахмадулиной: Сборник. М.: Дедалус, 2007.
2. Бжиская И. К памятнику М. Ю. Лермонтову [Электронный ресурс] // Стихи.ру. URL: <http://www.stihi.ru/2005/10/15-145> (дата обращения 27.04.15).
3. Бодрунова С. С. Я ехал на перекладных из Тифлиса [Электронный ресурс] // Журнальный зал. URL: <http://magazines.russ.ru/interpoezia/2005/3/bod13-pr.html> (дата обращения 27.04.15).
4. Быков Д. Л. Булат Окуджава [Электронный ресурс] // Imwerden.info: Электронная библиотека Александра Белоусенко. URL: http://www.imwerden.info/belousenko/books/bykov/bykov_okudzhava.htm (дата обращения 27.04.15).
5. Грузинские романтики. М.: Художественная литература, 1989.
6. Ермолаева О. Ю. Этот горский, этот лермонтовский воздух. Три стихотворения // Новый мир. 1997. № 11. С. 138-141.
7. Есенин С. А. Рябиновый костер. Стихотворения. М.: Советская Россия, 1975.
8. Зощенко М. М. Собрание сочинений: в 7-ти т. М.: Время, 2008.
9. Каменский В. В. Стихотворения и поэмы. М.; Л.: Советский писатель, 1966.
10. Карпович К. На минеральных живительных водах... [Электронный ресурс] // Журнальный зал. URL: <http://magazines.russ.ru/arion/2013/2/15k.html> (дата обращения 27.04.15).
11. Коваленков А. Лермонтов в Пятигорске [Электронный ресурс] // Журнальный зал. URL: <http://magazines.russ.ru/interpoezia/2005/3/bod13-pr.html> (дата обращения 27.04.15).
12. Кучина Т. Г. «И звезда с звездой говорит»: диалоги современных поэтов с Лермонтовым // Литература. 2014. № 4. С. 55-58.
13. Кушнер А. С. В новом веке: Стихотворения. М.: Прогресс-Плейда, 2006.
14. Лермонтов М. Ю. Сочинения: в 2-х т. М.: Правда, 1988.
15. Матвеева М. Тамань [Электронный ресурс] // Журнальный зал. URL: <http://magazines.russ.ru/arion/1995/4/golosa2.html> (дата обращения 27.04.15).
16. Маяковский В. В. Собрание сочинений: в 12-ти т. М.: Правда, 1978.
17. Окуджава Б. Ш. Грузинская песня [Электронный ресурс] // Word Art. URL: <http://www.world-art.ru/lyric/lyric.php?id=7067> (дата обращения 27.04.15).
18. Павлова В. А. Молчанья золотоискатели [Электронный ресурс] // Журнальный зал. URL: <http://magazines.russ.ru/interpoezia/2009/2/pa4.html> (дата обращения 27.04.15).
19. Пригов Д. А. Долина Дагестана [Электронный ресурс] // Lib.ru: «Классика». URL: <http://lib.ru/ANEKDOTY/prigow.txt> (дата обращения 27.04.15).
20. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10-ти т. Л.: Наука, 1977.
21. Рыжий Б. Б. Оправдание жизни. Екатеринбург: У-Фактория, 2004.
22. Смирнов В. Светлая тень Лермонтова [Электронный ресурс] // Ростовский словарь. URL: <http://rslovar.com/content/мой-лермонтов-стихи-ростов>

References:

1. Akhmadulina, B., *Poeziya narodov Kavkaza v perevodakh Belly Akhmadulinoy: Sbornik* (The Poetry of the Peoples of the Caucasus in Translations by Bella Akhmadulina: Digest), Moscow: Dedalus, 2007.
2. Bzhiskaya, I., K pamyatniku M. Yu. Lermontovu (To Mikhail Lermontov Monument), in **Stikhi.ru**. <http://www.stihi.ru/2005/10/15-145>. Accessed 27 April, 2015.
3. Bodrunova, S. S., Ya ekhal na perekladnykh iz Tiflisa (I Was Driving on the Chaise from Tiflis), in *Zhurnal'nyy zal*. <http://magazines.russ.ru/interpoezia/2005/3/bod13-pr.html>. Accessed 27 April, 2015.
4. Bykov, D. L., Bulat Okudzhava (Bulat Okudzhava), in *Imwerden.info: Elektronnaya biblioteka Aleksandra Belousenko*. http://www.imwerden.info/belousenko/books/bykov/bykov_okudzhava.htm. Accessed 27 April, 2015.
5. *Gruzinskie romantiki* (Georgian Romantists), Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1989.
6. Ermolaeva, O., Yu., Etot gorskiy, etot lermontovskiy vozdukh. Tri stikhotvoreniya (This Highland, this Lermontov Air: Three Poems), *Novyy mir*, 1997, no. 11. pp. 138-141.
7. Esenin, S. A., Ryabinovyy koster. Stikhotvoreniya (Rowan Fire. Poems.), Moscow: Sovetskaya Rossiya, 1975.
8. Zoshchenko, M. M., *Sobranie sochineniy* (Collected Works), 7 vols., Moscow: Vremya, 2008.
9. Kamenskiy, V. V., *Stikhotvoreniya i poemy* (Poetry and Poems), Moscow; Leningrad: Sovetskiy pisatel', 1966.
10. Karpovich, K., Na mineral'nykh zhivitel'nykh vodakh... (On the Life-Giving, on the Mineral Waters), in *Zhurnal'nyy zal*. <http://magazines.russ.ru/arion/2013/2/15k.html>. Accessed 27 April, 2015.
11. Kovalenkov, A., Lermontov v Pyatigorske (Lermontov in Pyatigorsk), in *Zhurnal'nyy zal*. <http://magazines.russ.ru/interpoezia/2005/3/bod13-pr.html>. Accessed 27 April, 2015.
12. Kuchina, T. G., «I zvezda s zvezdoyu govorit»: dialogi sovremennykh poetov s Lermontovym («And Star Is Speaking to Star»: the Dialogues of Contemporary Poets with Lermontov), *Literatura*, 2014, no. 4, pp. 55-58.
13. Kushner, A. S., *V novom veke: Stikhotvoreniya* (In the New Century: Poems), Moscow: Progress-Pleyada, 2006.
14. Lermontov, M. Yu., *Sochineniya* (Works), 2 vols., Moscow: Pravda, 1988.
15. Matveeva, M., *Taman'* (Taman), in *Zhurnal'nyy zal*. <http://magazines.russ.ru/arion/1995/4/golosa2.html>. Accessed 27 April, 2015.
16. Mayakovskiy, V. V., *Sobranie sochineniy* (Collected Works), 12 vols., Moscow: Pravda, 1978.
17. Okudzhava, B. Sh., Gruzinskaya pesnya (Georgian Song), in *Word Art*. <http://www.world-art.ru/lyric/lyric.php?id=7067>. Accessed 27 April, 2015.
18. Pavlova, V. A., Molchan'ya zolotoiskateli (The Miners of the Silence), in *Zhurnal'nyy zal*. <http://magazines.russ.ru/interpoezia/2009/2/pa4.html>. Accessed 27 April, 2015.
19. Prigov, D. A., Dolina Dagestana (Valley of Dagestan), in *Lib.ru: «Klassika»*. <http://lib.ru/ANEKDOTY/prigow.txt>. Accessed 27 April, 2015.
20. Pushkin, A. S., *Polnoe sobranie sochineniy* (Complete Works), 10 vols., Leningrad: Nauka, 1977.
21. Ryzhiy, B. B., *Opravdanie zhizni* (Justification of Life), Ekaterinburg: U-Faktoriya, 2004.

ских-поэтов (дата обращения 27.04.15).

23. Табидзе Г. В. Стихотворения. Библиотека поэта. Большая серия. М.: Советский писатель, 1983.

24. Цветаева М. И. Собрание сочинений: в 7-ти т. М.: Эллис Лак, 1994.

25. Шопкин М. Обращение к М. Ю. Лермонтову [Электронный ресурс] // Музей-заповедник «Тарханы». URL: http://www.tarhany.ru/lermontov/podarki-poety/matej_shopkin (дата обращения 27.04.15).

22. Smirnov, V., Svetlaya ten' Lermontova (Light Shadow of Lermontov), in *Rostovskiy slovar'*. <http://rslovar.com/content/moy-lermontov-stikhi-rostovskikh-poetov>. Accessed 27 April, 2015.

23. Tabidze, G. V., Stikhotvoreniya. *Biblioteka poeta. Bol'shaya seriya* (Poems. Library of the Poet. A Large Series.), Moscow: Sovetskiy pisatel', 1983.

24. Tsvetaeva, M. I., *Sobranie sochineniy* (Collected Works), 7 vols., Moscow: Ellis Lak, 1994.

25. Shopkin, M., Obrashchenie k M. Yu. Lermontovu (An Address to Lermontov), in *Muzey-zapovednik «Tarkhany»*. http://www.tarhany.ru/lermontov/podarki-poety/matej_shopkin. Accessed 27 April, 2015.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Сомова, Е. В. Кавказ как тоpos русской литературы: типология литературных путешествий (по страницам отечественной поэзии и беллетристики XX – XXI веков) [Электронный ресурс] / Е. В. Сомова, Н. В. Свитенко // Наследие веков. – 2015. – № 2. – С. 31-37. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/10/2015_2_Somova_Svitenko.pdf. (дата обращения дд.мм.гг.).

Full bibliographic reference to the article:

Somova, E. V., and Svitenko, N. V., Kavkaz kak topos russkoy literatury: tipologiya literaturnykh puteshestviy (po stranitsam otechestvennoy poezii i belletristiki XX – XXI vekov) (The Caucasus as the Topos of Russian Literature: Typology of Literary Journeys (Through the Pages of Russian Poetry and Fiction of the 19th – 20th Centuries), *Naslediye Vekov*, 2015, no. 2. pp. 31-37. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/10/2015_2_Somova_Svitenko.pdf. Accessed Month DD, YYYY.

ГОЛИКОВА Лариса Порфирьевна

кандидат филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы, теории литературы и критики Кубанского государственного университета, г. Краснодар, Россия

Larisa P. GOLIKOVA

Cand. Sci. (National Literature), Prof.,
Department of the History of Russian Literature,
Literary Theory and Criticism, Kuban State University,
Krasnodar, Russia
ma-ra@bk.ru

ШАРОЙКО Марина Владимировна

кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы, теории литературы и критики Кубанского государственного университета, г. Краснодар, Россия

Marina V. SHAROIKO

Cand. Sci. (National Literature), Assoc. Prof.,
Department of the History of Russian Literature,
Literary Theory and Criticism, Kuban State University,
Krasnodar, Russia
ma-ra@bk.ru

Смыслообразующие коды музыки в поэзии В. Ф. Ходасевича

В статье анализируется, что и как из звуков окружающего мира улавливается чутким поэтическим слухом В. Ходасевича, какие связанные с этими звуками образы создают лирический текст.

Ключевые слова: В. Ходасевич, звук в поэтике, интерпретация музыкального материала в поэтических текстах.

Semantic Codes of Music in the Vladislav F. Khodasevich's Poetry

The article examines the how and what of the sounds of the world is captured by Khodasevich's sensitive poetic hearing, and what sounds are associated with these images create a lyrical text.

Keywords: Vladislav Khodasevich, the sound in the poetics, the interpretation of the musical material in poetic texts.

Тематические реминисценции, возникающие в литературном произведении в связи с восприятием и переживанием другого вида искусства, в художественном мире В. Ходасевича чрезвычайно значимы. В частности, культурные знаки, символы и образы из сферы музыки поэт использовал на протяжении всего творчества. При этом стихотворений, полностью посвященных описанию музыки, у него нет.

Отдельные музыкально-поэтические единицы текста несут различную смысловую нагрузку и отражают авторские интенции на

разных этапах творческого становления поэта. Некоторые из них можно интерпретировать как отражение звуковых впечатлений, которые улавливает слух лирического героя: «И повинуюсь только звуку...» [8, с. 52], «Мне каждый звук терзает слух...» [8, с. 26], «И не понять мне бедным слухом...» [8, с. 44], «...но все земные звуки как бы во сне или сквозь сон» [7, с. 11], «небо, снег и холод звук поглощают» [7, с. 1], «И вдруг – с каким-то певучим зовом» [2, с. 40], «но звуки правдивые смысла» [7, с. 152], «Зыблется золото в медленных звуках органа» [7, с. 54] и др.

Можно понять, что и как из звуков окружающего мира улавливается чутким слухом поэта, какой связанный с этим звуком образ создает поэтический текст. То есть через «систему мира в образах звука» [5, с. 79] Ходасевич формирует жизненное пространство, его неповторимые приметы. Фоновые факторы в смысловом контексте обнажают суть стихотворения. Порой звуки, напластовываясь один на другой, превращаются в поэтическом сознании в образ метафизический, приобретая трансцендентальное звучание: «Незаглушимо и сумбурно / Пересеклись в моей тиши / Ночные голоса Мельбура / С ночными знаниями души» [7, с. 23].

Звук в поэтике В. Ходасевича соотносится с «призвуком», срastaется с запредельным, возвращающим к жизни: «Мнится, я к милой земле приникаю, / Слушаю жизни родное биенье...» [7, с. 11]. Вслед за экстатическим взлетом может происходить спад: снижается громкость, звук постепенно стихает. Поэт соотносит «движение» звука, его изменение во времени с собственной судьбой. Драма потери жизненной опоры звучит в концовке стихотворения: «...Когда пронесутся / Мимо души все былые обиды, / Мертвого слуха не так ли коснутся / Взмахи кадила, слова панихиды?» [7, с. 11]. Здесь и интонация, и голос поэта, ощущающего одиночество, сердечную тревогу, отсутствие отклика и сужение горизонтов (стихотворение написано в год революции, не принятой поэтом).

Ранний В. Ходасевич реализовывал музыкальные образы преимущественно в функции средства художественной выразительности. Они приобретали у него значение «эстетизирующего» компонента: через механизм «ассоциативно-метафизического» уподобления свойствам «музыки», «звука», «отзвука», «зова» как «основного объекта художественного воплощения» [4, с. 76].

Милому другу

Так пой, скрипи, шурши, дружок сердечный,
Пока огонь последний не погас [7, с. 83].

В отдельных стихах музыкальное начало организует формальную фактуру культурного дискурса В. Ходасевича:

Ребенок спал, покуда граммофон
Все надрывался «Травиатой» [7, с. 187].

В контекстном поле стихов В. Ходасевича можно выделить смыслообразующие единицы, знаки и понятия, близкие и исконно принадлежащие музыкальной терминологии: «звон», «мерный стук», «беззвучие», «рокот», «протяжный голос», «мотив», «напев», «мелодия», «песнь», «песня», «вариация», «карнавал», «серенада», «симфония», «гимн», «романс» и др. А также музыкальные инструменты: «гремите в литавры и трубы», «гитара», «скрипка», «виолончель», «арфа», «орган», «граммофон», «оркестр» и др.

Становясь объектами поэтизации, эти понятия могут обретать дополнительные планы содержания и свидетельствовать о выходе за их пределы, «определенные свойственным ему значением» [1]. В таком случае речь может идти об образах-символах, на что указывает присутствие некоего смысла, нераздельно слитого с образом, но ему не тождественного.

При всем многообразии интерпретаций музыкального материала в поэтических текстах, представления «художественной модели музыки» неравнозначны. Как уже отмечалось, у раннего В. Ходасевича музыкальные образы концентрировали в себе дополнительную смысловую нагрузку и давали возможность для воспроизведения многопланового предметного изображения. В более позднем творчестве поэт достиг художественной выразительности, обрел «абсолютный слух».

В стихотворении «Музыка» описано морозное московское утро, увиденное в «рисунках и красках гениального художника»: «Сребророзов / Морозный пар. Столпы его восходят / Из-за домов под самый купол неба, / Как будто крылья ангелов гигантских» [8, с. 3]. Удары топоров, и вдруг в разговор двух людей врывается музыка: «Постой-ка минутку! Как будто музыка?» [8, с. 4], которую слышит один и абсолютно не воспринимает другой. Лирический герой ясно слышит: «Виолончель... и арфы, может быть...», но его собеседнику: «Только что-то / Мне не слышать...». Музыка в стихотворении возникла достаточно неожиданно, но в обстановке благоприятствующей, настраивающей лирического героя на ее появление. Это реальный мир, в котором есть место для «восприятия» и «невосприятия» гармонии звуков музыки. Именно дар поэта

способен уловить мир в его особом пространстве, в котором реально озвучены все детали московского морозного утра: и «купол неба», и «ангелы пернатые», и музыка, идущая «как будто сверху» [2, с. 122].

В иной реальности тема музыкального мира возникает в стихотворении «Баллада» в минуты отчаяния и одиночества лирического героя: «О, косная, нищая скудность / Безвыходной жизни моей!» [8, с. 152]. В отличие от «Музыки», в «Балладе» и небо «штукатурное», и солнце всего в «шестнадцать свечей» – все «тускло, скудно и стыло»: «Морозные белые пальмы / На стеклах беззвучно цветут...» [8, с. 55]. Но и в этом «застывшем времени» возможно неожиданное звуковое явление: «И музыка, музыка, музыка / Вплетается в пенье мое...». И преображаются, наполняются иным смыслом обыденные звуковые реалии. Они обретают новый «статус» – символа «вещей примет быта». И преображается лирический герой: «Я сам над собой вырастаю, / Над мертвым встаю бытием...», видит мир «большими глазами – / Глазами, быть может, змеи». Способность слышать неслышимое также является особенностью поэта-творца: «Простой душе невыносим / Дар тайнослышанья тяжелый» [8, с. 8]. Подобно пушкинскому поэту-пророку, лирический герой призван исполнить своё предназначение: «И кто-то тяжелую лиру / Мне в руки сквозь ветер дает...» [8, с. 56]. Образ «тяжелой лиры» впервые прозвучавший в «Балладе», станет названием последнего изданного в России поэтического сборника «Тяжелая лира» (1922 г.) с отчетливым музыкальным названием, в котором В. Ходасевич выразил эпоху, отношение к новой России, которую покидал, но оставлял для себя пространство с открытыми в будущее перспективами для поэта-пророка:

И нет штукатурного неба,
И солнца в шестнадцать свечей:
На гладкие черные скалы
Стопы опирает Орфей [8, с. 57].

Поэтические мысли В. Ходасевича о роли и сущности искусства позже, в эмиграции, будут выражены в одной из статей: «Произведение искусства есть преображение мира, попытка пересоздать его, выявив скрытую

сущность его явлений такую, какова она открывается художнику. В этой работе художник пользуется образами, заимствованными из обычной нашей реальности, но подчиняет их новым, своим законам, сохраняя лишь нужное и отбрасывая ненужное, располагая явления в новом порядке и показывая их под новым углом зрения» [2, с. 122].

В этом смысле литературная позиция В. Ходасевича определяется достаточно конкретно: он выражает понимание роли поэта-пророка, его «Орфеева пути»: «О, пожалейте бедного Орфея, / Как больно петь на вашем берегу...» [7, с. 77]. И, наконец, «Возвращение Орфея», призванного сжимать, даже слабея, «лирную дугу», – все это было бы близко и понятно русскому символизму. Использование музыкальной символики, введение новых смысловых пластов в интерпретацию классической для русской литературы темы расширяют и трансформируют её в универсальную по отношению к творцу любого вида искусства. Музыкальный фон способен создать как особую выразительность художественного контекста, так и напряженность эмоционального настроения лирического героя:

Светлое утро. Я в церкви. Так рано.
Зыблется золото в медленных звуках органа,
Сердце вздыхает покорней, размерней,
Изъявленное иглами терний,
Иглами терний осенних...
Терний – осенних [7, с. 54].

В художественном мире В. Ходасевича можно выделить стихи «напевно-интонационного» типа. Музыкальный ритм такого рода стихотворений обладает особой силой воздействия и подчиняет себе логическую интонацию: темп музыкальной фразы определяет структуру строки и строфы [9, с. 87]. Например, в стихотворении «Песня»:

Над рекою
Голубою
Я стою...
На холме я,
Сладко млея,
Запою [7, с. 211].

Но поэту было свойственно и нарушение интонационно-логической симметрии стихот-

ворных строк. Ритмическое несоответствие в итоге становилось обоснованием, подчинялось определенной «стратегии смыслопорождения». Ритмическая «разбивка» как частица музыкального произведения, включенная в поэтический текст, «меняла темп» [3, с. 165]:

Черные тучи проносятся мимо
Сел, нив, роц.
Вот потемнело и пыль закрутилась, –
Гром, блеск, дождь [7, с. 247].

Сбой ритма в данном случае подчеркивается сочетанием паузы и переноса, что напоминает размер и темп вальса.

Техника воплощения образа-символа музыки – лишь составная часть своеобразия музыкальной концепции поэта в целом. Зрелый В. Ходасевич наделяет музыку как первооснову и источник творчества разными свойствами: и просветляющей существование, и приводящей к духовному отчаянию, и пытающейся властвовать над душой поэта: «И повинуюсь только звуку / Души, запевшей как смычок» [8, с. 52].

Попытка В. Ходасевича осмыслить эмигрантское существование через призму балета «Жизель» в одноименном стихотворении оказывается акцентировано направленной на драматизм происходящего: «Рви сердце, как письмо, на части / Сойди с ума, потом умри...» [8, с. 17]. Кладбищенский «антураж» финального акта произведения избирается поэтом-эмигрантом в качестве декорации окружающей действительности. У В. Ходасевича, как и в первоисточнике, Жизель появляется после своей смерти из могилы, что традиционно осознается как символ вечной любви, побеждающей небытие:

И что же? Могильный камень двигать
Опять придется над собой,
Опять любить и ножкой дрыгать
На сцене лунно-голубой [8, с. 17].

Музыкальные образы-символы во многом определяют подтекст поэтических произведений В. Ходасевича, раскрывая дополнительную ценность эстетических интенций текста.

Музыкальное начало может присутствовать у В. Ходасевича и в авторских жанровых

обозначениях стихов, которые выходят за границы собственно поэзии: романсы «Накинув плащ, с гитарой под полою...» [7, с. 64], «День серый, ласковый, мне сердца не томи...» [7, с. 23], «В голубом эфире поле...» [7, с. 249]; последний гимн «...Пою предсмертные моленья, / В душе растет победный звон...» [7, с. 196]; песня «Опрозраченный месяц повис на ветвях» [7, с. 229]; Песня турка [7, с. 151], баллады «Мне невозможно быть собой...» [7, с. 177], «Сижу, освещаемый сверху...» [8, с. 55] и др. «Музыкальные» жанры лирики В. Ходасевича становятся «камертоном» эмоции. Поэтическое произведение уподобляется по степени выразительности музыкальному, становится его эмоциональным эквивалентом.

Звук организует вербально выраженное пространство стиха, реализует на разных его уровнях стремление автора к «мелодизации», соответствующей заявленному жанру. Это проявляется в использовании ассонансов и аллитераций: «Зазвени, затруби, карусель, / Закружись по широкому кругу» [7, с. 270], в применении точных рифм: «пугает – дерзает» [2, с. 284], «хор – простор» [7, с. 284], в уподоблении в одной фразе однокоренных слов: «В забавах был так мудр и в мудрости забавен» [7, с. 255], во введении повторов: «Душа поет, поет, поет...» [7, с. 287], анафор: «Иного памятного дня, / Иного близкого напева» [7, с. 256], параллелизм: «Сумерки снежные. Дали туманные» [7, с. 195] и др.

Многообразии объектов изображения, эстетизируемых посредством музыкальных жанров и частотности их применения, является следствием «нацеленности» поэта на художественную реализацию музыкального образа преимущественно во вспомогательной функции как носителя дополнительной смысловой нагрузки.

В. Ходасевич избирает музыкальные произведения, жанровая природа которых предполагает органическое соединение мелодии и слова. Музыкальное обрамление поэтического текста в романсово-песенных жанрах делает их близкими художнику вследствие его стремления к синтезу искусств, медиальности, достижению эффекта мелодичности стиха. В статье о русской поэзии В. Ходасевич описал жанр романса, который наиболее часто

использовал в своем творчестве: «Красивость, слегка банальная, – один из необходимых элементов романа. Пафос его невелик. Но тот, кто поет романс, влагает в его нехитрое содержание всю слегка обыденную драму души страдающей, хоть и простой. В наши дни, напряженные, нарочито сложные, духовно живущие не по средствам, есть особенная радость в том, чтобы заглянуть в такую душу, полюбить ее чувства, простые и древние, как земля, которой вращение, очарование и власть вечно священны и – вечно банальны» [6, с. 41]:

Я прожил годы в боли неизменной,
Шутя пою наивные слова,
Но песнь моя есть фимиам священный!..
Благослови, ночная синева! [7, с. 64].

Через отношение к звуку маркируются исторические события: «Не стоит песен подлый мир!» [8, с. 9], отношения с окружающими: «Слышать я вас не могу...» [8, с. 25], а также эксплицируются противоречия сложно-

го внутреннего мира поэта: «...Ни песенного лада / Во истину не надо – / Я падаю в себя» [8, с. 23], «...Отчего на склоне лет / Хочется еще бродить, / Верить, коченеть и петь» [8, с. 24].

В творчестве В. Ходасевича четко прослеживаются оппозиционные структурирующие поэтическую систему образы: «безмолвие» – «вдохновение» [8, с. 8]; «поэтическая песня» – «шум земного бытия» [8, с. 20]; «Орфей» – поэт, «глубокой жизнью оглушенный» [8, с. 20].

Для поэта музыка оказалась «орфейчески чудодейственной», способной к преобразованию реальности. Обращение к музыкальной сфере позволяло поэту погрузиться в мир гармонии, вечных истин, противостоящих «дисгармонично-уродливому, несовершенному и преходящему» [1, с. 90]: «Играет в мареве искусств / Моей души непостоянство» [8, с. 34]. Музыка – всеохватывающая, именно она, по мысли поэта, способна образовать ту реальность, в которой оживет вечная суть человеческой души.

Использованная литература:

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986.
2. Богомолов Н. А. Жизнь и поэзия В. Ходасевича // Богомолов Н. А. Русская литература первой трети XX века. Портреты. Проблемы. Разыскания. Томск: Водолей, 1999.
3. Бухаркин П. Е. Риторика и смысл. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2001.
4. Данилович Т. В. Культурный компонент поэтического творчества Георгия Иванова: функции, семантика, способы воплощения. Минск: Институт современных знаний, 2000.
5. Петрушанская Е. М. Музыкальный мир И. Бродского. 2-е изд., СПб.: Звезда, 2007.
6. Ходасевич В. Ф. Статьи о русской поэзии. Пг.: Эпоха, 1922.
7. Ходасевич В. Ф. Стихотворения. Л.: Сов. писатель, 1989.
8. Ходасевич В. Ф. Тяжелая лира: Четвертая книга стихов. М.-Пг.: Гос. изд-во, 1922.
9. Холшевников В. Е. Типы интонации классического русского стиха // Слово и образ. М.: Наука, 1967.

References:

1. Bakhtin, M. M., *Estetika slovesnogo tvorchestva* (Aesthetics of a Verbal Creativity), Moscow: Iskusstvo, 1986.
2. Bogomolov, N. A., *Zhizn' i poeziya V. Khodasevicha* (Vladislav Khodasevich's Life and Poetry), in *Bogomolov, N. A., Russkaya literatura pervoy treti XX veka. Portrety. Problemy. Razyskaniya*, Tomsk: Vodoley, 1999.
3. Bukharkin, P. E., *Ritorika i smysl* (The Rhetoric and the Meaning), Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2001.
4. Danilovich, T. V., *Kul'turnyy komponent poeticheskogo tvorchestva Georgiya Ivanova: funktsii, semantika, sposoby voploshcheniya* (The Cultural Component of the Poetry by Georgi Ivanov: Functions, Semantics, Methods of Implementation), Minsk: Institut sovremennykh znaniy, 2000.
5. Petrushanskaya, E. M., *Muzykal'nyy mir I. Brodskogo* (The Musical World of Isaak Brodsky), Saint-Petersburg: Zvezda, 2007, 2nd ed.
6. Khodasevich, V. F., *Stat'i o russkoy poezii* (Articles about Russian Poetry), Petrograd: Epokha, 1922.
7. Khodasevich, V. F., *Stikhotvoreniya* (Poems), Leningrad: Sovetskiy pisatel', 1989.
8. Khodasevich, V. F., *Tyazhelaya lira: Chetvertaya kniga stikhov* (Heavy Lyre: The Fourth Book of Poems), Petrograd-Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'svo, 1922.
9. Kholshchevnikov, V. E., *Tipy intonatsii klassicheskogo russkogo stikha* (The Intonation Types of Classical Russian Poetry), in *Slovo i obraz*, Moscow: Nauka, 1967.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Голикова, Л. П. Смыслообразующие коды музыки в поэзии В. Ф. Ходасевича [Электронный ресурс] / Л. П. Голикова, М.В. Шаройко // Наследие веков. – 2015. – № 2. – С. 38-43. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/10/2015_2_Golikova_Sharoiko.pdf (дата обращения дд.мм.гг.)

Full bibliographic reference to the article:

Golikova, L. P., and Sharoiko, M. V., Smysloobrazuyushchie kody muzyki v poezii V. F. Khodasevicha (Semantic Codes of Music in the Vladislav F. Khodasevich's Poetry), *Naslediye Vekov*, 2015, no. 2, pp. 38-43 http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/10/2015_2_Golikova_Sharoiko.pdf. Accessed Month DD, YYYY.

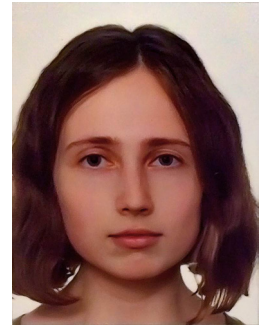
ЧУМАЧЕНКО Татьяна Сергеевна

аспирант кафедры теории и истории культуры
Национальной музыкальной академии Украины
имени П. И. Чайковского,
г. Киев, Украина

Tat'yana S. CHUMACHENKO

postgraduate student, Department of Theory and History of
Culture, Ukrainian National Tchaikovsky Academy of Music,
Kiev, Ukraine

TetyanaChymachenko@gmail.com

Синкретизм как одно из явлений искусства первой трети XX века

В статье рассмотрены особенности феномена синкретизма в искусстве первой трети XX в. на материале творчества художника и теоретика искусства Василия Кандинского и его современников.

Ключевые слова: синкретизм, композиция, симметрия, стиль, жанр.

Syncretism as One of the Phenomena of the Art of the First Third of the 20th Century

The article describes the features of the phenomenon of syncretism in the art of the first third of the 20th century on the material of the creative work of the artist and art theorist Wassily Kandinsky and his contemporaries.

Keywords: syncretism, composition, symmetry, style, genre.

В философии и культурологии издавна наблюдается повышенный интерес к синкретизму как фактору культурного развития. Сегодня зреет необходимость целостного изучения этого явления во всём многообразии его форм. Объяснение понятия (с греч. *Synkretismos* – объединение) впервые было сделано Плутархом в работе «*Moralii*» [3] и с тех пор не претерпело существенных изменений.

В условиях новой реальности конца XIX – начала XX столетия по сравнению с предыдущими эпохами характер синкретизма качественно меняется, он всё чаще выступает в качестве одного из предпочтительных способов анализа культурной реальности. Одной из причин возросшего интереса к данному явлению можно назвать ускорение темпа жизни. Меняется организация человеческого быта, все процессы протекают динамичнее. Всё статично-устойчивое постепенно рушит-

ся и заменяется скоростью и движением. Этому может способствовать одна из основных характеристик времени, «онтологический» пафос навыворот [2, с. 205], где происходит соединение разных плоскостей социокультурной реальности, делает явление синкретизма желательным и даже необходимым. Соответственно меняется и восприятие пространственно-временной структуры бытия: «субъект теряет определённую адекватность течения времени, ситуация, которая предполагает возможность одновременно находиться в разных временах» [2, с. 210].

Синкретизм выявляет себя в разных аспектах культуры. Глубина понятия позволяет использовать его достаточно широко, сохраняя при этом его центральное значение – неделимость сложного явления на простые компоненты. Идея синкретического искусства была широко распространена в начале XX в. Искусство этого времени не является целост-

ным явлением. Оно состоит из ряда течений, которые отличаются по своим целям и выразительным средствам и нередко оказываются прямо противоположными друг другу. Но при всей пестроте у этих течений и стилей есть одна общая черта – все они стремятся отразить мир в форме выражения чувств и настроений художника.

Конец XIX – начало XX вв. называют эпохой модерна, которой вообще присуще развитие синкретического искусства. Особенно ярко это проявляется в изобразительном искусстве: объединяются архитектура, живопись, скульптура, витраж. Одним из примеров синкретического соединения этих видов искусства является монументальная живопись. Как правило, особняки общественные и государственные здания украшались живописными панно, мозаикой, живописью на стекле. В 1899–1903 гг. австрийский художник, Густав Климт создал для Венского университета большие панно с аллегорическими изображениями медицины, философии и юриспруденции, которые спровоцировали скандал среди профессуры из-за необычных и непристойных фигур, изображённых на композиции. Несколькими годами раньше Климт украсил монументальной живописью интерьер Венской сецессии, а немного позже сделал мозаику на одной из стен зала дворца Стокле в Брюсселе. Одним из известных представителей настенной живописи является французский живописец и график Одилон Редон. Ему принадлежит роспись библиотеки аббатства Фонфруад (1911). Если говорить о синкретических тенденциях в искусстве эпохи модерна, следует также обратить внимание на художественное наследие известного каталонского архитектора Антонио Гауди. В своих проектах он редко использовал скульптуру в её «чистом» виде; в его произведениях заметно синкретическое соединение архитектуры и скульптуры (дом Бальо, парк Гуэля, ворота Миральяс). Синкретическое соединение архитектуры и скульптуры экстерьеров полностью изменило как внутреннюю атмосферу, так и внешность городов XX в.

Именно в начале XX в. возник и начал развиваться художественный авангард – комплексное художественное направление пер-

вой трети XX в., которое отличали стремления к радикальному обновлению принципов творчества, и, как следствие, отказ от канонов искусства предыдущих эпох.

Авангардистские тенденции развивались в искусстве Западной Европы, США, Украины, России, Латинской Америки, хотя в каждом регионе они имели собственные, специфические неповторимые особенности. Авангардизм выявился в целом ряду направлений и школ, среди которых следует отметить фовизм, кубизм, футуризм, абстракционизм, дадаизм, сюрреализм, экспрессионизм, конструктивизм, имажинизм. Он затронул разные виды искусства: живопись, скульптуру, архитектуру, литературу, музыку и кино. Художественный авангард, направленный на синтез двух моделей мышления – образно-ассоциативную и логичную, стал определённого рода художественной лабораторией [5, с. 76].

Ярким примером синкретического творчества является творчество Василия Кандинского. Известный русский живописец, график и теоретик изобразительного искусства, один из основателей абстракционизма Василий Кандинский, будучи художником универсального типа, интересовался взаимосвязью разных видов искусства и его влиянием на человека. Заинтересовавшись идеями синкретизма искусств, художник собрал в своей библиотеке большое количество книг по театру: в основном работы Эдварда Крейга и Николая Евреинова. Он также интересовался идеями Скрябина и его произведениями, особенно поэмой «Прометей». В течение 1909–1914 гг. Кандинский создал ряд сценических композиций и текстов, которые непосредственно относились к идее соединения искусств: «Фиолетовая завеса», «Зелёный звук», «Чёрный и белый», «Жёлтый звук». Последний был опубликован в 1912 г. в альманахе «Синий всадник». Либретто Кандинского бессюжетные, в чём и выявился абстракционизм, теоретиком и родоначальником которого он стал. В публикации в «Синем всаднике» есть также детальная световая партитура, описание характера музыки и жестов пантомимы и пластики. Жанр «сценической композиции» описывается Кандинским в его книге «О духовном в

искусстве» (1911). В ней чётко звучит идея синтеза искусств, а слово определяется в акте «внутреннего звука». Понятие «жёлтый» размещено в центре теоретической разработки этой книги. Оно составляет «первый великий контраст» в паре с синим: жёлтое – это тепло, обращение к зрителю, движение наружу (эксцентричное); синее – холод, обращение от зрителя, в середину (концентричное). Сценическая композиция складывается из трёх таких элементов:

- музыкальное движение;
- живописное движение;
- движение художественного танца.

Рассуждая о сущности синкретического искусства (В. Кандинский называл его «монументальным искусством»), реальные воплощения синкретичности он представлял в виде определённой «сценической композиции». От обычных театральных постановок «сценическая композиция» Кандинского отличается тем, что все синтезированные элементы являются «абстрактными». Новым компонентом синтеза выявился свет, который пришёл из «абстрактной живописи; он должен приобрести на сцене движение, которое в самой живописи отсутствует. Объясняя принципы взаимодействия этих трёх «абстрактных» элементов, Кандинский предупреждает, что, будучи подчинёнными единой внутренней цели, они не должны повторять друг друга. В статье «О сценической композиции» он пишет: «Например музыка может быть совсем задавлена или вытеснена на задний план, если действие, например, движение, достаточно выразительно, и эффект его только ослабляется активным участием музыки» [1, с. 34].

В этих положениях Кандинский демонстрирует одну из самых важных и наиболее глубоких идей своей теории – идеи контрапункта разных искусств. Он указывает, что необычная сила влияния синкретического искусства заложена именно в поле напряжения между «со-звучностью и противозвучностью», то есть между унисоном и контрапунктом используемых средств. Сценическая композиция «Жёлтый звук» по замыслу Кандинского, должна была соединить краску, пластику, слово и музыку (пластика,

цветные проекторы, оркестр, исполнители) [1, с. 45].

Музыку к этой композиции написал американский композитор Гартман. Премьера «Жёлтого звука» должна была состояться в Мюнхене, осенью 1914 г., но автору не суждено было увидеть её на сцене.

Интерес к сценическим композициям Василия Кандинского не ослабевает и в наше время. Было несколько попыток создания музыки к «Жёлтому звуку». Американский композитор Гюнтер Шуллер в 1980-е в Нью-Йорке сделал собственную редакцию музыки Гартмана. В Париже состоялась постановка «Жёлтого звука» на музыку австрийского композитора Антона Веберна. Но наиболее известной является постановка художественного руководителя Театра пластической драмы Гедрюса Мяцкявичуса на музыку Альфреда Шнитке, в 1974 г.

В СССР первое исполнение «Жёлтого звука» на музыку Шнитке состоялось в концертном зале имени П. И. Чайковского, 6 января 1984 г. В ноябре 2010 г. «Жёлтый звук» был поставлен в Нью-Йорке, а в апреле 2011 г. – в Лугано (Швейцария).

Одним из ярких примеров проявления синкретизма в культуре XX в. стал сюрреализм, который возник во Франции после первой мировой войны и оформился в новое самостоятельное направление. Сюрреалистическое направление в культуре зародилось как философия «потерянного поколения», чья молодость совпала с первой мировой войной. Его представляла в основном бунтарски настроенная молодёжь, которая осознавала, что никакая другая форма не способна выразить волновавшие их идеи. В своём первом манифесте сюрреалисты утверждали, что творчество должно строиться на «психологическом автоматизме», что в нём нужно доверять сновидениям [4, с. 142]. Исходя из этих положений, сюрреалисты сформировали своё основное «правило несоответствия», «соединения несоединимого». Руководствуясь этим правилом, сюрреалисты создавали свои произведения, в которых реальные существа и предметы выступали в самых необычных сочетаниях, создавая образы напоминающие фантастические видения или сны. Художественное сознание сюрреализма изначально

не предполагало какого-либо порядка или разумного смысла, в нём всё подчинилось разумности сновидения. Этот иррациональный мир, написанный с подчёркнутым реализмом и переданный с фотографической точностью, в сочетании с абстрактными формами должен был показать реальность подсознательного и мистического. В 30-е гг. сюрреализм выходит за европейские рамки, а во время Второй мировой войны центр сюрреализма перемещается в Америку. В 1940–1950 гг. во второй половине XX в. произведения в стиле сюрреализма встречаются в различных видах искусства. В литературе близким к данному стилю оказывается такой гений XX в., как Франц Кафка. Яркими образцами сюрреализма в кино можно считать фильмы Ф. Феллини «Восемь с половиной», «Репетиция оркестра» и Андрея Тарковского «Солярис», «Зеркало», «Сталкер».

Модернизм сделал существенный вклад в мировую культуру на пути изучения синкретизма. Он позволил художникам начать интенсивные поиски в освоении искусством всех пяти человеческих чувств, активно включить их в процесс восприятия художественного произведения. В начале XX в. появляется множество новых художественных практик, технических приёмов и концептуальных методов. Искусство эпохи модерна и художественного авангарда оставило много образцов новаторских художественных решений, которые составляют основу и базис для дальнейших поисков и создания новых направлений в искусстве.

Сближение разных видов искусства и их взаимная интеграция со временем приводит к их превращению одного в другое. Это пе-

ревоплощение, взаимозамена архитектуры, скульптуры, прикладных предметов, пластических искусств, музыки и живописи становится приметной синкретической чертой эпохи модерна и периода художественного авангарда.

Одной из особенностей модерна является то, что он специально ориентировал любое своё произведение на лёгкое соединение с другими. Синкретическими были не только избранные произведения, но и весь комплекс созданного. Можно удивляться лёгкости, с которой произведения представителей модерна разных стран, которые работали в разный период времени, соединялись одно с другим, образуя единый ансамбль. Акцент на создании новых форм отражения реальности, основывающихся на субъективности модернистского миропонимания, зачастую создавал ситуации, когда внутри какого-либо искусства представители различных направлений придерживались разных взглядов и оценок по поводу одного и того же явления. Дробление на множество школ и развитие творческого плюрализма происходило в модернизме и на более высоких уровнях. В частности сложился плюрализм художественных картин мира, претендующих на истинность.

Синкретические тенденции, с одной стороны, можно отнести к характерным чертам переходных этапов, переломов эпох. С другой стороны синкретизм, как практика синтеза искусств, в принципе, присуща художнику-исследователю который не ограничивается достигнутыми и уже существующими формами творческой и культурной репрезентации, а ищет новое.

Использованная литература:

1. Кандинский В. В. О духовном в искусстве. М.: Архимед, 1992.
2. Осина О. Н. Синкретический тип культуры как фактор социального становления // Разум и культура: сб. науч. тр. Саратов: Изд-во Поволжского межрегионального учебного центра, 2001. С. 205–210.
3. Плутарх. Моралии. Харьков: Фолио, 1999.
4. Садохин А. П. Мировая культура и искусство. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012.
5. Турчин В. С. По лабиринтам авангарда. М.: Изд-во Московского ун-та, 1993.

References:

1. Kandinskiy, V. V., *O dukhovnom v iskusstve (On the Spiritual in Art)*, Moscow: Arkhimed, 1992.
2. Osina, O. N., *Sinkreticheskiy tip kul'tury kak faktor sotsial'nogo stanovleniya (Syncretic Type of Culture as a Factor of Social Formation)*, in *Razum i kul'tura*, Saratov: Izdatel'stvo Povolzhskogo mezhregional'nogo uchebnogo tsentra, 2001, pp. 205–210.
3. Plutarch, *Moralii (Moralia)*, Khar'kov: Folio, 1999.
4. Sadokhin, A. P., *Mirovaya kul'tura i iskusstvo (World Culture and Art)*, Moscow: YuNITI-DANA, 2012.

5. Turchin, V. S., *Po labirintam avangarda* (Through the Labyrinths of the Avant-garde), Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1993.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Чумаченко, Т. С. Синкретизм как одно из явлений искусства первой трети XX века [Электронный ресурс] / Т. С. Чумаченко // Наследие веков. – 2015. – № 2. – С. 44-48. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/10/2015_2_Chumachenko.pdf. (дата обращения дд.мм.гг).

Full bibliographic reference to the article:

Chumachenko, T. S., *Sinkretizm kak odno iz yavleniy iskusstva pervoy treti XX veka* (Syncretism as One of the Phenomena of the Art of the First Third of the 20th Century), *Naslediye Vekov*, 2015, no. 2, pp. 44-48. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/10/2015_2_Chumachenko.pdf. Accessed Month DD, YYYY.

ЛУЧИНСКИЙ Юрий Викторович
доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой истории и правового регулирования массовых
коммуникаций Кубанского государственного университета,

г. Краснодар, Россия

Yury V. LUCHINSKY

Dr. Sci. (Journalism), Prof., Head, Department of History
and Legal Regulation of Mass Communications,
Kuban State University, Krasnodar, Russia
lyv22@mail.ru

Эго-документалистика Джулиана Готорна: специфика нарратива

В статье рассматриваются некоторые аспекты творческого наследия Джулиана Готорна, сына классика американской литературы Натаэля Готорна. Анализируется эго-документалистика Джулиана Готорна в контексте историко-культурных реалий эпохи.

Ключевые слова: Джулиан Готорн, эго-документалистика, «Исповедь и критика», «Harper's Magazine», романы «Брессант» и «Гарт», нарратив.

Julian Hawthorne's Ego-Documentary: the Specificity of the Narrative

The article deals with some aspects of the creative heritage of Julian Hawthorne, the son of the classic American novelist Nathaniel Hawthorne. Julian Hawthorne's ego-documentary is analyzed in the context of historical and cultural realities of that period.

Keywords: Julian Hawthorne, ego-documentary, «Confessions and criticism», «Harper's Magazine», novels «Bressant» and «Garth», narrative.

Проблема историко-культурной значимости эго-документалистики в последние годы приобретает все большую актуальность в академической среде. Достаточно привести несколько примеров ее обсуждения на дискуссионно-теоретическом уровне, чтобы отметить востребованность осмысления феномена эго-документалистики в России и за рубежом.

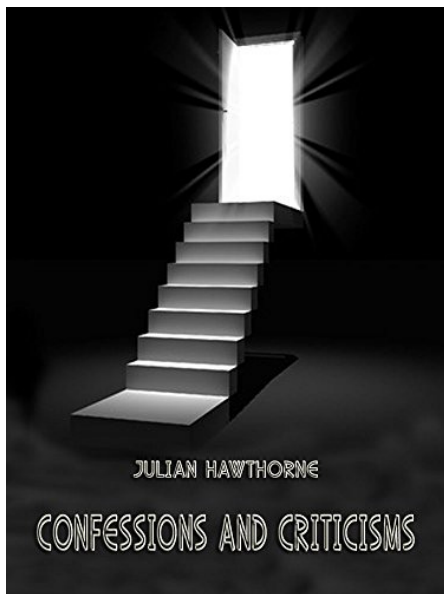
27 мая 2008 г. и 23 апреля 2010 г. в Институте мировой литературы РАН прошли два круглых стола на тему «Литература и документ: теоретическое осмысление темы», а 3–4 июня 2011 г. в Варшаве состоялась международная конференция из цикла «Эго-документ и литература».

По мнению Е. Г. Местергази, организатора обоих круглых столов в ИМЛИ, сложность проблемы заключается в следующем: «О существовании документального начала в литературе было известно с незапамятных времён,

но со второй половины XIX в. в его развитии не наблюдалось сколько-нибудь видимых перемен <...> Родилась новая литература, устойчивого, всеми признанного имени для которой в науке нет до сих пор: едва ли не каждый называет её по-своему и в частном порядке пытается определить её место в традиционном ряду.

Отошли в прошлое такие распространённые в литературной критике и журналистике рубежа XIX–XX в. определения как «литература сплетен и скандалов», «литература сточных труб», «правдивая летопись», «хроника событий», «фотография с натуры», «разговор с собой» и т. п. Однако за целое столетие отечественное литературоведение не слишком далеко продвинулось в выработке категориального аппарата. Сегодня в отечественной науке в качестве синонимичных успешно функционируют понятия, не всегда таковыми являющиеся: «документальная ли-

тература», «документально-художественная литература», «газетно-журнальная докумен-

Обложка книги Джулиана Готорна
«Исповедь и критика»

талистика», «литература факта», «человеческий документ», «литература нон-фикшн», «автодокументальный текст», «эго-документ» и т. д. Большинство из них рождено в литературно-критической практике и «официально» наукой не признано, не имеет прочного статуса» [1].

В этом контексте требуется комплексный подход, включающий в себя как разработку терминологического инструментария, так и выделения «жанровых образований и различных модификаций внутри одного жанра; разработку системных представлений о данном виде литературы; изучение роли автора в такого рода литературе; разграничение документального и псевдодокументального и т. д.» [1].

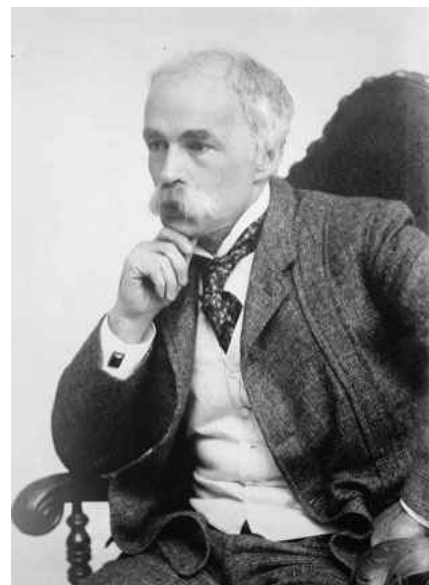
С точки зрения профессора Варшавского университета Л. Луцевич, сложность ситуации лежит в плоскости полидисциплинарности самого явления: «Вне этой полидисциплинарности уже трудно представить себе содержательный разговор и по такой значимой проблеме, как документальность, документальная литература в целом и писательский эго-документ в частности <...>

Интересно для литературоведения и существующее в современной психологии по-

нятие эго-концепция (динамичная система представлений индивида о самом себе, на основе которой он строит своё взаимодействие с другими людьми). Эго-концепция включает различные компоненты: когнитивный (самосознание), эмоциональный, оценочный, волевой, креативный <...>

Что представляют собой собственно эго-жанры: аутентичные дневник, письмо (эпистолярный), записная книжка, автобиография, мемуар?.. Каковы особенности функционирования так называемых аутентичных жанров в литературном процессе? Существует ли особый тип образности (художественности) аутентичного текста и, следовательно, его специфика? В каких соотношениях находится «эго-документ в литературе» с близкими, но не адекватными понятиями – «мемуарная литература», «автобиографическая литература»? Какое место занимает эго-документ в документальной литературе и в литературе художественной? Какова роль эго-документа в литературном произведении, литературном процессе...» [1].

Академическая интерпретация истории вопроса включения концепта «эго-документалистики» (восходящего к работам гол-

Джулиан Готорн

ландского теоретика Якоба Прессера [4]) в перспективу современных исторических и филологических исследований достаточно аргументировано представлена в обобщающей

статье английских ученых Мэри Фулброк и Улинки Раблэк [2].

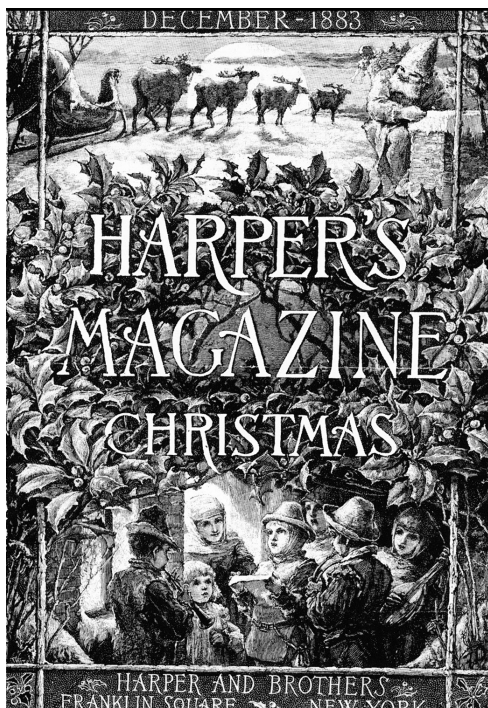
Стоит согласиться с высказанными подходами для определения когнитивной сущности эго-документалистики, добавив к ней такие характеристики как:

- целеполагание документа (ориентированность/неориентированность на публикацию);
- закрытость/открытость документа (личностный фактор);
- эмоциональная окрашенность.

В качестве примера для анализа информационно значимого эго-документа можно привести малоизученный в современном литературоведении текст, принадлежащий перу Джулиана Готорна (Julian Hawthorne) (1846–1934), сына классика американской литературы Натаниэля Готорна.

Текст «Исповедь и критика» («Confessions and Criticisms») представляет интерес по целому ряду аспектов:

- а) «временная срединность» его создания;
- б) композиционное своеобразие;
- в) пунктирность (недосказанность) повествования.

Обложка журнала
«Harper's Magazine»

«Временная срединность» связана с годом написания самого произведения. 1886 г. – это лишь первая половина творческого пути Джулиана Готорна, тогда как жанр исповеди, как правило, предполагает завершение литературной карьеры.

«Композиционное своеобразие» заключается в том, что только одна глава (первая) из одиннадцати может быть отнесена собственно к исповеди.

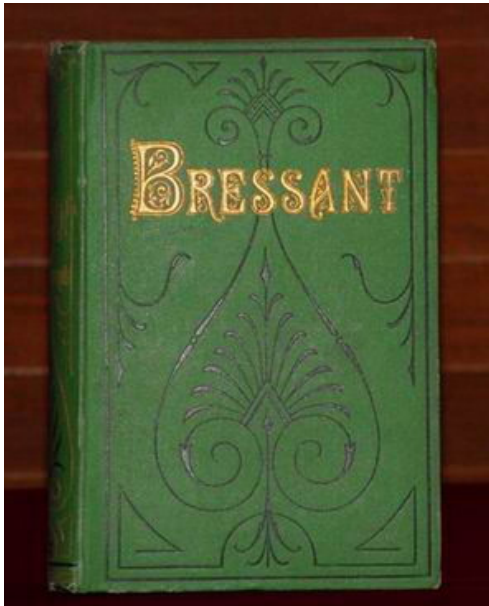
«Недосказанность повествования» может объясняться личностным началом, предполагающим определенное «умолчание» в контексте семейной или личной истории.

Однако, прежде чем обратиться к «Исповеди и критике», необходимо вкратце представить фигуру Джулиана Готорна, так как и в отечественном литературоведении, и в истории журналистики это имя пока еще остается неизученным.

Родился Джулиан Готорн 22 июня 1846 г. в Бостоне в семье известных американских литераторов – новеллиста Натаниэля Готорна и поэтессы Софьи Пибоди. Детство Готорна-младшего проходило на фоне личного знакомства с такими светилами американской культуры, как Ралф Уолдо Эмерсон, Генри Торо и Герман Мелвилл. Немецкому языку его учил сам Джеймс Рассел Лоуэлл, то есть лучшей культурной среды для становления будущего литератора трудно было себе и представить.

Готорн-младший одно время считался весьма перспективным романистом, но по прошествии лет о нем заговорили как о писателе, растратившем свой талант на откровенную халтуру.

«Литературный поденщик, Джулиан легко чувствовал себя во многих жанрах: он был автором большого количества детективного, криминального и мистического чтива, детских рассказов и любовных историй, готических и фантастических романов, вестернов и научной фантастики, учебников, трагедий, характерных эссе и эссе о природе. Он также пробовал свои силы в качестве колумниста, военного и зарубежного корреспондента, спортивного и политического репортера, литературного и театрального критика, поэта и драматурга, редактора и историка, биографа и автобиографа» [5, р. XII].

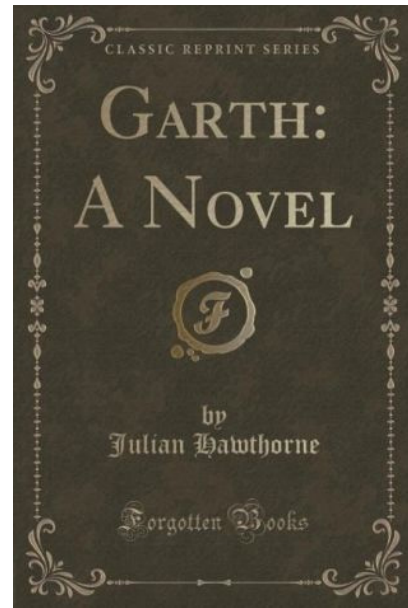

Обложка романа
Джулиана Готорна «Брессант»

Зарабатывая на жизнь литературным трудом, Готорн не чурался и чисто журналистского ремесла, освещая для периодических изданий Херста такие сенсации, как события испано-американской войны или убийство президента Уильяма Маккинли в сентябре 1901 г., хотя, если верить эго-документу, к писательству он пришел случайно:

«В 1869 г. в возрасте около двадцати трех лет я послал пару сонетов в «Putnam's Magazine». Тогда у меня и в мыслях не было намерения стать профессиональным писателем: я изучал гражданское строительство в Политехническом институте в Дрездене, в Саксонии. А несколькими годами ранее я получил родительское предостережение – помнится брошенное случайно – по поводу зарабатывания на жизнь писательским трудом. Пару лет я работал инженером-гидрографом в Нью-Йоркском Департаменте корабельных доков, развлекая себя написанием короткого рассказа под названием «Любовь и нелюбовь», который был опубликован в «Harper's Weekly», и за который мне заплатили пятьдесят долларов.

«Если так легко можно заработать пятьдесят долларов, то почему бы время от времени не увеличивать свое жалование таким путем?» В этой мысли меня поддержал и укрепил будущий редактор «Appletons' Journal» Ро-

Обложка романа
Джулиана Готорна «Гарт»

берт Картер, а в результате этот журнал вместе с «Harper's Magazine» несли расходы, а я получал выгоду. Когда же в 1872 г. я внезапно был отстранен от своих обязанностей в Департаменте корабельных доков, передо мной маячила перспектива или поехать в Центральную Америку и обеспечивать свою семью в роли инспектора, наблюдающего за рытьем канала, либо попытаться зарабатывать на жизнь пером» [3].

Говоря о таком развитии событий, Готорн упомянул, не подчеркивая значимости, имя Роберта Картера (Robert Carter) (1819–1879) – литератора, историка и редактора, издававшего вместе с Лоуэллом в 1841 г. в Бостоне знаменитый ежемесячник «The Pioneer, a Literary and Critical Magazine», среди авторов которого были Эдгар По и Натаниэль Готорн.

Редактором нью-йоркского «Appletons' Journal» Картер был с 1870 по 1873 гг., и не удивительно, что он взял под опеку Джулиана – сына Натаниэля и ученика Лоуэлла.

В двух других (типологически сходных) литературных нью-йоркских журналах – «Harper's Magazine» и в возобновленном в 1869 г. «Putnam's Magazine» – в свое время публиковался друг Готорна-старшего Герман Мелвилл, что также может свидетельствовать в пользу версии о благосклонности редакторов этих периодических изданий к наследни-

ку Готорна.

Если посмотреть на хронику публикационной активности Джулиана Готорна с 1871 по 1872 гг., то складывается следующая картина:

В ноябре 1871 г. в журнале «The Harpers Monthly» вышел еще один его короткий рассказ, в следующем 1872 г. в «The Century Magazine» – журнале, который, по мнению современников, «сделал Нью-Йорк вместо Лондона центром иллюстрированных периодических изданий, выходящих на английском языке» – появились еще два рассказа «The Oak Tree's Christmas Gift» (январь) и «The Mullenville Mystery» (апрель).

В июне 1872 г. Готорн возвращается в «Harper's Magazine» – рассказы «The Mysterious Case of My Friend Browne» и «Star and Candle» (июнь), а также «A Picturesque Transformation» (декабрь).

В 1873 г. пробует себя в романной форме (роман «Брессант» («Bressant»):

«Я купил двенадцать пачек большеформатной писчей бумаги и приступил к своей первой работе – «Брессанту». Я закончил его за три недели, но благонравные советчики сказали мне, что роман слишком непристойен для публикации, и его можно опубликовать разве что во Франции: в итоге я переделал его и в измененной форме послал почтой издателю в Бостону. По дороге он потерялся, да так и не нашелся. Однако в этой катастрофе я даже обрадовался, ибо в то время я испытывал странное удовольствие, переписывая свои произведения: это было проще, чем их напечатать. В общем я переписал и расширил «Брессант» в Дрездене (куда я вернулся с семьей в 1872 г.), хотя я думаю, что первый вариант был лучшим из трех. По пути в Германию я заехал в Лондон, где свел знакомство с издателем Генри С. Кингом, очаровательным, но легкомысленным человеком, потому что сразу же заплатил мне сто фунтов за английское издание романа. Книга была принята прессой благосклонно, но и в нашей стране и в Англии было высказано некое недоумение и раздражение по поводу того, что сын знаменитого отца решил стать романистом» [3].

В октябре 1873 г. в «The Harpers

Monthly» появился небольшой рассказ Готорна «Лотерея» («Lottery»), а в 1874 г. он опубликовал повесть «Мечта и утрата» («A Dream and a Forgetting») и роман «Идолопоклонство» («Idolatory»), по поводу которого утверждал, что не помнит историю его названия, но что работа именно над этим произведением приучила его к писательской дисциплине.

С июня 1875 по июнь 1877 гг. в том же «The Harpers Monthly» в течение двадцати четырех номеров Готорн публикует роман «Гарт» («h»), вскоре вышедший отдельным изданием.

В рецензии Чарльза Уорнера, опубликованной определенное время спустя в «Library of the World's Best Literature», говорилось следующее:

«Герой романа Гарт Урмсон – родом из нью-гемпширской семьи, над которой тяготеет родовое проклятие. В семнадцатом веке ее основатель осквернил священное индейское захоронение. С той поры тень этого преступления легла на его потомков.

Гарт, последний из рода, похоже, несет весь груз этих забот и печалей. Но в то же время в нем чувствуется благородство. Он – мечтатель, но высокого полета. Однако, ему не удается избежать несчастий.

Его любовные связи с двумя женщинами – Мэдж Дэнверс и Элинор Лентерден – неудачны, потому что над ними тяготеет наследственное проклятие. Роман отличается явной туманностью атмосферы.

Возможно – это подражание роману «Дом о семи фронтонах» Готорна-старшего» [6, р. 291].

Можно предположить, что постоянное сравнение с прозой отца, о чем Джулиан с раздражением упоминает в «Исповеди», заставляло его искать литературное счастье в самых разнообразных формах и жанрах.

Тем более, что на момент написания «Исповеди» в его творческом багаже значились сборники рассказов для взрослых и для детей («Смеющаяся мельница и другие истории» («The Laughing Mill and the Other Stories», 1879); «Желтая шляпа и другие сказки для детей» («Yellow Cap, and Other Fairy-Stories for Children, 1880), романы («Се-

бастьян Стром» («Sebastian Strome», 1880); «Прах» («Dust», 1883), исторические сочинения («Соединенные Штаты от открытия северо-американского континента до наших дней» («United States from the Discovery of the North American Continent Up to the Present», 1880), критические этюды («Ралф Уолдо Эмерсон» («Ralph Waldo Emerson», 1882); «Сцены из готорновских романов», («Scenes of Hawthorne's Romances», 1884), биографии («Натаниэль Готорн и его жена» («Nathaniel Hawthorne and His Wife», 1884).

Стоит отметить, что вскоре опубликования в 1886 г. «Исповеди», Джулиан Готорн

стал одним из создателей американского полицейского романа, представив своим читателям серию из трех произведений под общим названием «Из дневника инспектора Бирнса» («From the Diary of Inspector Bynes»), где в качестве героя выступал реальный нью-йоркский полицейский.

А через пять лет Джулиан Готорн написал короткий рассказ «Мое приключение с Эдгаром Алланом По» («My Adventure With Edgar Allan Poe»), замечательный тем, что в нем Эдгар По впервые предстал литературным персонажем, породив в дальнейшем множество подражаний.

Использованная литература:

1. Литература и документ: теоретическое осмысление темы [Электронный ресурс] // Институт мировой литературы имени А. М. Горького. URL: http://www.old.imli.ru/structure/theory/krugl_stol.php (дата обращения 15.09.15).
2. Fulbrook M., Rublack U. In Relation: The «Social Self» and Ego-Documents // *German History*. 2010. Vol. 28. № 3. Pp. 263–272.
3. Hawthorne J. Confessions and Criticism, 1886 [Электронный ресурс] // Project Gutenberg. URL: www.gutenberg.org/files/7431/7431.txt (дата обращения 15.09.15).
4. Presser J. *Ashes in the Wind: The Destruction of Dutch Jewry*. Detroit: Wayne State University Press, 1988.
5. Scharnhorst G. *Julian Hawthorne: The Life of a Prodigal Son*. Baltimore: University of Illinois Press, 2014.
6. Warner Ch. D. Garth, by Julian Hawthorne. Review // *Library of the World's Best Literature*, 1896. Vol. XLIV. Pp. 191-194.

References:

1. Literatura i dokument: teoreticheskoe osmyslenie temy (Literature and the Document: Theoretical Understanding of the Theme), in *Institut mirovoy literatury imeni A. M. Gor'kogo*. http://www.old.imli.ru/structure/theory/krugl_stol.php. Accessed September 15, 2015.
2. Fulbrook, M., Rublack, U., In Relation: The «Social Self» and Ego-Documents, *German History*, 2010, vol. 28. no. 3, pp. 263–272.
3. Hawthorne, J., Confessions and Criticism. 1886, in *Project Gutenberg*. www.gutenberg.org/files/7431/7431.txt. Accessed September 15, 2015.
4. Presser, J., *Ashes in the Wind: The Destruction of Dutch Jewry*, Detroit: Wayne State University Press, 1988.
5. Scharnhorst, G., *Julian Hawthorne: The Life of a Prodigal Son*, Baltimore: University of Illinois Press, 2014.
6. Warner, Ch. D., Garth, by Julian Hawthorne. Review, *Library of the World's Best Literature*, 1896, vol. XLIV, pp. 191-194.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Лучинский, Ю. В. Эго-документалистика Джулиана Готорна: специфика нарратива [Электронный ресурс] / Ю. В. Лучинский // *Наследие веков*. – 2015. – № 2. – С. 49-54. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/10/2015_2_Luchinsky.pdf. (дата обращения дд.мм.гг).

Full bibliographic reference to the article:

Luchinsky, Yu. V., Ego-dokumentalistika Dzhulina Gotorna: spetsifika narrativa (Julian Hawthorne's ego-documentary: the specificity of the narrative), *Naslediye Vekov*, 2015, no. 2, pp. 49-54. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/10/2015_2_Luchinsky.pdf. Accessed Month DD, YYYY.

БЫЧКОВА Ольга Ивановна

кандидат экономических наук, доцент, начальник отдела научно-образовательных проектов и программ Южного филиала Российского НИИ культурного и природного наследия, г. Краснодар, Россия

Ol'ga I. BYCHKOVA

Cand. Sci., (Economy and the Management of a National Economy), Assoc. Prof., Head, Department of the Scientific and Educational Projects and Programs, Southern Branch, Russian Research Institute of the Cultural and Natural Heritage, Krasnodar, Russia
bychkovaoi@mail.ru

Сетевая литература: вопросы формы и стиля

В статье проведен анализ особенностей форм и стилей сетевой литературы, представлен обзор современных литературных проектов во всем их многообразии. Интернет меняет представление о литературном процессе, авторе и читателе.

Ключевые слова: сетевая литература, формы, Интернет, литературный проект, гестбук, конкурс сетевой литературы.

Network Literature: Issues of Form and Style

The article analyzes the characteristics of forms and styles of the network literature, provides an overview of contemporary literary projects in all their diversity. Internet changes the perception of the literary process, authors and readers.

Keywords: network literature, forms, Internet, literary project, gestbuk, network literature contest.

Традиционно литература существует в двух формах: в виде произведений для чтения, и в качестве компоненты синтетических искусств. Участвуя в процессах художественного синтеза, литература предстает в виде драматических произведений и сценариев, которые предназначены для театра и кино, в виде песен, романсов, если литературные тексты находятся в тесной связи с музыкой. Книги также нередко выступают как синтез текста и иллюстраций.

Согласно распространенному определению сетевая литература – совокупность литературных произведений, основной средой существования которых является Интернет. Интернет-литература или «сетевая литература», участвуя в виртуальных художественных синтезах, формирует основу для иных видов искусств, прежде всего театра и кино.

В статье «Сетевая литература и завершение постмодерна» писатель Сергей Корнев

определяет следующие факторы влияния глобальной сети на литературу: «конец монополии печатного станка» и исчезновение значимости времени и пространства, выделяя Интернет для литературы как новую «среду обитания» [5].

Исследуя сетевое литературное пространство Екатерина Рогачевская в статье «Рулинет: литература в сетях» [8], проводит систематизацию русскоязычного сегмента Интернета следующим образом:

- 1) виртуальные библиотеки;
- 2) издательство и книготорговля;
- 3) электронные издания и электронные версии бумажных изданий;
- 4) «литературная тусовка» (литературные общества, конкурсы, персональные страницы, корпоративные сайты литераторов и т. д.).

Данная классификация нередко подвергается критике. Например, Александр Долго-

полов в статье «Художественная литература в Рунете. Формы хранения и способы функционирования» сомневается в том, можно ли считать сайты, занимающиеся продажей книг и публикацией тех или иных материалов за плату, относящимися к литературному процессу, так как их контент состоит в основном из кратких аннотаций и сведений о той или иной книге [2]. Не видит он и принципиального различия между третьей и четвертой группами.

С появлением литературы в сети Интернет существенно меняется роль текста в социуме. Тот факт, что для публикации и широкого распространения текста не нужны посредничество «печатного станка» и финансы, не только перестраивает экономические отношения, определяющее появление литературных произведений, но и влияет на форму и содержание текстов.

Первоначальные формы литературной жизни в Сети отличались от традиционных форм организации письменной литературы. Такая форма как литературные сетевые журналы появилась около 15 лет назад и их названия знали в Сети наперечет: «Лягушатник», «TextOnly», «Русский переплет», «Сетевая словесность». Портфель журналов формировался участниками редакционного совета из числа собственных находок и по собственному усмотрению. В основном, сетевая литература была сосредоточена на литературных сайтах, где тексты классифицировались по жанрам или авторам по типу библиотечных каталогов.

Формы Интернет-литературы повторяют печатные, но имеют свои особенности и классифицируются следующим образом:

- литературные сетевые журналы;
- сетевые библиотеки;
- сетевые литературные игры;
- литературные сайты, форумы гестбуки, чаты;
- литературные виртуальные объединения;
- литературные компьютерные программы.

Сетевая литература постепенно выводит из литературного оборота печатную, которая в свое время вытеснила рукописную форму литературы. Пространство Интернет привлекательно для литературных авторов

тем, что позволяет публиковать собственные произведения без рецензирования, без оценки известных критиков. Литература сети, с одной стороны, развивается как литература не очень высокого качества, с другой стороны у автора появляется возможность быстрого продвижения на литературном рынке с неограниченным числом пользователей.

Работа с сетевым литературным производением осуществляется в цифровом формате, который позволяет поддерживать следующие его характеристики: динамизм формы и содержания, обработку значительного объема концептов, образов, идей, быструю реализацию любых фантазий и утопий.

Определяющей особенностью читателя Интернет-произведений является его активность в обсуждении, а порой, и в совместном создании с автором литературных форм.

Самым известным примером совместного творчества в сетевой литературе является литературный проект Романа Лейбова «РОМАН». Сам Лейбов определяет «РОМАН» как «эксперимент по совместному писанию нелинейной прозы» [10]. Начинаясь роман с банальной истории, размещенной в Сети в октябре 1995 г.: «Молодой человек влюбляется в девушку, решается, наконец, написать ей и, не доверяя почте, ночью самолично бросает письмо в ее почтовый ящик. Но тут, к ужасу своему, он замечает, как выше, на лестничной клетке, его Беатриче напропалую с кем-то целуется. Роман (так зовут молодого человека) безуспешно пытается выудить обратно свое письмо из ящика и, услышав, что парочка собирается, наконец, расставаться, тихонько уходит...» [10].

Проект основывался на коллективном совместном написании отдельных «глав» романа разными авторами, причем главы могли продолжать повествование, либо являться отдельным произведением. Единственным условием было не «убивать» героев романа. Согласно выражению одного из участников проекта Д. Манина «РОМАН» был создан «не для того, чтобы его читать, а для того, чтобы его писать» (цит. по: [7]).

Другой популярный проект «Буриме» Дмитрия Манина является Интернет-версией поэтической игры, в которой на заданные рифмы пишется четверостишие. В игре уча-

ствуют не только поэт, но и компьютер, который из базы данных случайным образом выбирает рифмы для стихотворения, причем сама база пополняется участниками игры. Стихи обсуждаются в гостевой книге. Из них отбираются хорошие, которые и служат материалом для рейтингов. Литературная игра ведется ради творческого процесса и общения.

Опыт «Буриме» привел к появлению литературных игр, связанных с другими поэтическими формами, например, «Сонетник», «Пекарня лимериков», «Сад расходящихся хокку», «Ренгуру».

Одной из широко распространенных форм сетевой литературы являются гестбуки (гостевые книги). В гестбуке сетевое произведение приобретает новые черты: гипертекст, путем использования гиперссылок, позволяет включать в произведение другие фрагменты текста, авторство произведения может быть коллективным, на развитие сюжета может влиять множественность точек зрения. Одновременно общение в гестбуках носит характер игры, которая обладает следующими особенностями:

- при чтении текста непонятно, говорится о предмете в шутку или всерьез;
- невозможность определения имени автора под «аватаром» или псевдонимом;
- смешение жанров (проза, стихотворение, анимация) [1].

Наиболее известны следующие гестбуки: Вечерний Интернет, Арт-ЛИТО, Полит.ру, Гостевая книга Бурадино.

Сегодня значительный сектор литературного Интернета составляет форма, которую можно назвать «литературный салон». Наибольший удельный вес в нем занимает фантастика (научная фантастика, фэнтези, киберпанк). Здесь печатная и сетевая литература практически не отличаются: одни и те же критерии оценки, известные авторы, которые освоили сетевую среду.

Художественные произведения, как правило, публикуются в сетевых библиотеках и здесь главным является правильное размещение по жанрам для того, чтобы их смогли найти потенциальные читатели.

Примерами могут служить сайты «Библиотека Максима Мошкова» и «Вавилон», в

которых сформированы несколько десятков персональных страниц поэтов, прозаиков и критиков самых разных литературных направлений. «Вавилон» объединяет писателей профессионального уровня и ориентирован в современной литературной ситуации. «Вавилон» открыл сопряженный сайт «Лица русской литературы» Создатели сайта поясняют: «Лица русской литературы – галерея фотографий и иных (живопись, графика, гравюра...) изображений участников русского литературного процесса последних десятилетий: писателей, критиков, переводчиков, издателей.

В настоящее время сайт содержит 3076 изображений 843 литераторов, которых можно посмотреть в алфавитном порядке, а также по географии (города России, города и страны ближнего и дальнего зарубежья), виду деятельности и поколениям. Каждому представленному на сайте литератору полагается краткая биографическая справка, а также, при наличии, ссылки на другие ресурсы, где представлено его творчество (сайт Вавилон, тексты в Журнальном зале «Русского журнала», персональные сайты).

Одновременно процветает «дилетантская» сфера сетевой литературной жизни. Ярким примером является сайт «Графомания.ру».

Что касается более полной и объективной картины современной русской Интернет-литературы, то она представлена не только на сайтах электронных библиотек, но и сайтах литературных объединений. Виртуальные литобъединения больше настроены на критические оценки литературных произведений, для них важна не сама публикации, а процесс ее обсуждения.

Мощным средством структурирования литературной среды в Интернете стали конкурсы сетевой литературы. Особо стоит отметить ежегодные русские конкурсы «Тенёта» и «Арт-ЛИТО». Первый конкурс стремится к максимальному охвату существующих жанров и направлений литературного процесса. Работы соревнуются в более чем двадцати отдельных категориях – наряду с классическими номинациями «рассказ», «стихотворение», предусмотрены такие категории, как «фэнтези», «сентиментальный роман» и др. «Арт-ЛИТО»

проще по структуре и художественной направленности. Судят конкурсы два жюри, «профессиональное» и «сетевое». В профессиональном представлены известные литераторы, в сетевом – победители предыдущих конкурсов. По каждой категории разработаны дипломы по профессиональной и сетевой версиям жюри.

Конкурсная практика «Тенёт» вызывает много критики, как любой конкурс. Но, тем не менее, по числу произведений-участников «Тенёта» являются самым крупным конкурсом в русской литературной жизни.

В сетевом сообществе также представлены большие сайты, которые правильнее бы было назвать литературными порталами, отражающими синтез разных направлений. Например, сайт Михаила Верховского «Творчество для всех». В описании говорится о том, что «...сайт не является исключительно литературным. В настоящее время наибольшее развитие получило поэтическое направление, но это не значит, что так будет продолжаться и в дальнейшем. На сайте можно публиковать любые произведения: стихи, рассказы, шахматные партии, математические статьи, анекдоты и т. д. с единственным условием: Вы должны быть автором того, что публикуете» (цит. по: [4]).

Синтез направлений осуществляется сейчас также на сайте «Литсовет», созданном известным сетевым писателем Александром Кайдановым. Подобно «Стих.Ру», соединив возможности свободной публикации с веб-журналом и дополнив его рейтингом популярности, на сайте организуют регулярные литературные конкурсы. Кроме того, на сайте можно заказать рецензию на любое свое произведение, а так же представлен раздел публикации произведений изобразительного искусства.

Значительными сайтами публикаций он-лайн можно назвать: «Avtor.net.ru», «Артефакт», «GoneLiterature», «Источник», «Среaportal», «Наш автор», «Проба пера», «Раскрытая книга», «Решето», «Романтическая коллекция», «Самиздат», «Статья.Ру», «Taspol», «Путь Хайку», «Хрустальный кинжал», Портал молодых писателей «youngblood.ru» и др.

Сайты креативных экстремальных направлений представлены «НЕОновой литературой», специализирующийся на эпатажном творчестве, но всё-таки не настолько экстре-

мальном, как на портале Падонки.Орг.

Отдельным литературной формой Сети являются программы для генерации стихов на русском языке. Ярким примером является проект Сергея Тетерина «Кибер-Пушкин 1.0 БЕТА». Все стихи написаны компьютером по имени «Кибер-Пушкин». В июне 2015 г. его показали на выставке в московском Электромузее. Автор отмечает, что в базе данных представлены лучшие образцы поэзии Есенина, Мандельштама, Вертинского.

В качестве примера «машинной поэзии» в «авторском» варианте:

Гаснут кромкой фонари
 Раскудахталась поэмка
 Жёхлый вальс листок любви
 Распласталась грёз катомка.
 Вечеринка в саду
 А я уже ни бу-бу.
 И ты обо мне ни гу-гу!!!
 Ни кому, ни кому!!!

Автор проекта Сергей Тетерин, заглядывая в будущее направления пишет: «Перемены неизбежны: искусство поэзии станут преподавать в рамках «гуманитарного программирования», а стихи для любимых будут не писать, а выбирать, как цветы в магазине. И тогда нынешним поэтам придется превзойти себя и пойти на революционные творческие инновации, чтобы подтвердить «высоту духа» и сохранить за собой «ауру духовного превосходства» [11].

Ценность, масштабы и качество литературной сетевой жизни очень сложно оценить с позиций сегодняшнего дня. «Начнем с того, что всякая современная поэзия (музыка, живопись) действительно гораздо жиже и разбавленной соответствующей классической. Нетрудно понять, в чем дело – там уже произведен культурно-исторический отбор, а тут еще нет. Поэзия Серебряного века в этот самый серебряный век была по большей части мишура и перепевы. Отсюда, в очищенном виде, Серебряный век выглядит куда величественнее», – отмечает критик Леонид Костюков [6].

Словом, нынешняя сетевая литература с ее многообразием форм и стилей может рассматриваться не как явление переходного периода, а как новое и значимое явление в будущем литературы.

Использованная литература:

1. Горный Е. А. О гестбуках [Электронный ресурс] // Zhurnal.ru. Вестник сетевой культуры. URL: <http://www.zhurnal.ru/staff/gorny/texts/gb.html> (дата обращения 27.07.15).
2. Долгополов А. Художественная литература в Рунете. Формы хранения и способы функционирования [Электронный ресурс] // Дневник Beard_Andy: LiveInternet. http://www.liveinternet.ru/users/beard_andy/page67.html (дата обращения 27.07.15).
3. Избранные стихи из машины [Электронный ресурс] // Сергей Тетерин – медиа арт и искусство авангарда, извлечение квинтэссенции. URL: <http://www.teterin.ru/pushkin/#st> (дата обращения 27.07.15).
4. Караковский А. В. История и практика сетевой литературы [Электронный ресурс] // Сетевая словесность. URL: <http://www.netslova.ru/karakovski/rulinet.html> (дата обращения 27.07.15)
5. Корнев С. «Сетевая литература» и завершение постмодерна // Новое литературное обозрение. 1998. № 32. С. 29–47.
6. Костюков Л. В. Провинциализм как внутрочерепное явление. [Электронный ресурс] // Журнальный зал. URL: <http://magazines.russ.ru/arion/2009/4/ko18.html> (дата обращения 27.07.15).
7. Курицын В. Н. Сон о Сети [Электронный ресурс] // Сетевая словесность. URL: <http://www.litera.ru/slova/gb/kranik/index.html> (дата обращения 27.07.15).
8. Рогачевская Е. Б. Рулинет: литература в сетях [Электронный ресурс] // Сетевая словесность. URL: <http://www.netslova.ru/rogachevskaya/rulinet.html> (дата обращения 27.07.15).
9. Творчество Для Всех [Электронный ресурс]. URL: www.my-works.org (дата обращения 27.07.15).
10. Isxodnyi tekst [Электронный ресурс] // РОМАН. URL: http://kodu.ut.ee/~roman_1/hyperfiction/roman.html (дата обращения 27.07.15).
11. POSTSCRIPTUM [Электронный ресурс] // Сергей Тетерин – медиа арт и искусство авангарда, извлечение квинтэссенции. URL: <http://www.teterin.ru/pushkin/> (дата обращения 27.07.15).

References:

1. Gorny, E. A., O gestbukakh (About Guestbooks), in *Zhurnal.ru. Vestnik setevoy kul'tury*. <http://www.zhurnal.ru/staff/gorny/texts/gb.html>. Accessed July 27, 2015.
2. Dolgoplov, A., Khudozhestvennaya literatura v Runete. Formy khraneniya i sposoby funktsionirovaniya (Fiction in RuNet. The Forms of Storage and the Methods of Functioning), in *Dnevnik Beard_Andy: LiveInternet*. http://www.liveinternet.ru/users/beard_andy/page67.html. Accessed July 27, 2015.
3. Izbrannye stikhi iz mashiny (Selected Poems from the Machine), in *Sergey Teterin – media art i iskusstvo avangarda, izvlechenie kvintessentsii*. <http://www.teterin.ru/pushkin/#st>. Accessed July 27, 2015.
4. Karakovskiy, A. V., Istoriya i praktika setevoy literatury (History and Practice of the Network Literature), in *Setevaya slovesnost'*. <http://www.netslova.ru/karakovski/rulinet.html>. Accessed July 27, 2015.
5. Kornev S. «Setevaya literatura» i zavershenie postmoderna («Network Literature» and the Completion of Postmodern), in *Novoe literaturnoe obozrenie*. 1998. № 32. S. 29–47.
6. Kostyukov L. V. Provintsializm kak vnutricherepnoe yavlenie (Provincialism as an Intracranial Phenomenon), in *Zhurnal'nyy zal*. <http://magazines.russ.ru/arion/2009/4/ko18.html>. Accessed July 27, 2015.
7. Kuritsyn, V. N., Son o Seti (Dream of a Web), in *Setevaya slovesnost'*. <http://www.litera.ru/slova/gb/kranik/index.html>. Accessed July 27, 2015.
8. Rogachevskaya E. B. Rulinet: literatura v setyakh (Literature in the Networks), in *Setevaya slovesnost'*. <http://www.netslova.ru/rogachevskaya/rulinet.html>. Accessed July 27, 2015.
9. *Tvorchestvo Dlya Vsekh* (Creativity for All). www.my-works.org. Accessed July 27, 2015.
10. Isxodnyi teks (Original Text), in *ROMAN*. http://kodu.ut.ee/~roman_1/hyperfiction/roman.html. Accessed July 27, 2015.
11. POSTSCRIPTUM (Postscriptum), in *Sergey Teterin – media art i iskusstvo avangarda, izvlechenie kvintessentsii*. <http://www.teterin.ru/pushkin/>. Accessed July 27, 2015.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Бычкова, О. И. Сетевая литература: вопросы формы и стиля [Электронный ресурс] / О. И. Бычкова // Наследие веков. – 2015. – № 2. – С. 55-59. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/10/2015_2_Bychkova.pdf. (дата обращения дд.мм.гг).

Full bibliographic reference to the article:

Bychkova, O. I., Setevaya literatura: voprosy formy i stilya (Network Literature: Issues of Form and Style), *Naslediye Vekov*, 2015, no. 2, pp. 55-59. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/10/2015_2_Bychkova.pdf. Accessed Month DD, YYYY.

CAUCASICA. ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ ЮГА РОССИИ

АКИЕВА Петимат Хасолтовна
кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
отдела ингушской истории Ингушского НИИ ГН им. Ч. Ахриева,
г. Магас, Россия

Petimat Kh. AKIEVA
Cand. Sci. (National History), Senior Researcher,
Department of the Ingush History,
Ingush Research Institute for the Humanities
Magas, Russia
petim@yandex.ru

Пространственно-временной хронотоп в нартском эпосе ингушей

В статье анализируются вопросы эволюции мифологических представлений о категориях, структурирующих пространство и время в ингушском нартском эпосе.

Ключевые слова: пространство, время, мифология ингушей, нартский эпос.

Space-Time Chronotope of the Ingush Nart Sagas

The article analyzes the evolution of the mythological representations of the categories that structure the space and time in the Ingush Nart Sagas.

Keywords: space, time, Ingush mythology, Nart Sagas.

Пространство и время являются одними из первичных форм духовного освоения окружающего мира. Будучи самоочевидными категориями, они имеют фундаментальную историю осмысления [20, с. 370–372]. Данная проблематика становилась предметом исследования филологов, фольклористов, литературоведов и этнографов. Основной исследовательский акцент изучения категории пространства в мифе, эпосе, устном народном творчестве, литературе и ис-

кусстве был сделан в русле семиотического метода, сторонниками которого выступали В. В. Иванов, Ю. М. Лотман, Е. М. Мелетинский, С. Ю. Неклюдов, В. Н. Топоров и др. [15; 19; 17; 34; 37]. Из современных работ, рассматривающих проявление пространственных категорий в традиционной культуре народа в том числе и в эпосе, следует назвать исследования А. К. Байбурина, Ю. Ю. Карпова, В. А. Дмитриева, М. А. Кумахова, З. Ю. Кумаховой, З. Д. Джапуа [2; 4; 6; 7; 13; 14].

Основные черты пространственных представлений ингушей как важнейшие качественные и конкретные атрибуты бытия, заложенные в мифологии, впоследствии продуцировались в нартском эпосе. Функционируя в эпосе как некий духовный фундамент, ингушские мифы являются одновременно «логической и образ индущирующей парадигмой» [36]. Согласно концепции Э. Дюркгейма, древние мифы стали инструментами демонстрации универсальных принципов социальной организации, в которой известные архетипические образы и имагиналии выступают как важнейшие факторы, укрепляющие социальную солидарность [8].

К числу архаичных представлений предков ингушей о структурировании пространства, нашедших отражение в нартском эпосе, следует отнести: деление Космоса на миры божеств и людей; бинарность центра и периферии; антропоцентрическую иерархию пространства, выраженную в горизонтальной (центр – периферия) и вертикальной (верх/середина/низ) стратификации, а также дифференциации сторон света; парадигму начальных времен; аксиологическое содержание пространственных категорий.

В традиционной концепции пространства можно вычленить горизонтальную и вертикальную оси координат – итог взаимодействия мифологического моделирования Космоса и представлений эпического времени. Пространственная система играет важную роль в эпосе, так как определяет логику действий, взаимоотношений и атрибутов его героев.

В нартском эпосе ингушей прослеживается троичная вертикальная система строения Вселенной. Уровень первый – «это, собственно, Земля со своими морями и реками, горами и равнинами», «мир человека и животных», второй – «небо, покрывающее первую сферу в виде свода», где «обитают божества, духи, солнце, луна, звезды» и третья – «подземный мир,

обитель усопших» [12, с. 44–447]. Так, например, данные представления прочтываются в словах матери Бятара о владыке мертвых Элда: «Он знает все, что происходит и в солнечном мире и в подземном. Только у него вы сможете узнать, кто из вас сильнее и мужественнее» [30, с. 52]. «Мифы излагают представление о трехъярусном строении мира: вверху – недоступное небо, внизу – таинственные недра земли; стержнем мироздания мыслилось гигантское дерево, корни которого уходят в нижний мир, а ветви – в верхний». По мнению А. Голана, эта первобытная космогоническая концепция, связующее миры древо (а в ингушском варианте спущенная с неба цепь), «существовала еще в палеолите» [3, с. 82], дожила в нартском эпосе и фольклоре ингушей до нашего времени.

Горизонтальная ось в пространственной системе координат в нартских сказаниях кавказских народов манифестируется «в образе Мировой горы, как реальной – Эльбрус, Бештау, так и мифической – Черная гора, Харама-гора, Мирового древа – Золотое Дерево нартов, Драконья чинара и др., а периферия воплощена в виде инварианта Иного мира, также либо мифологического характера – Страна мертвых, Гумское ущелье, либо псевдореального – лес, дальняя горная гряда» [16]. Модель пространственного структурирования мира в эпосе ингушей предполагает наличие космического Центра – в виде образов горы и небесной цепи, и неорганизованной периферии.

Процесс создания земли был не единовременным актом: «море многие годы взбивало пену, и из нее со временем образовалась земля» [21, с. 20] или «в самом начале было только море, из сгущавшейся морской пены постепенно образовывалась земля» [35, с. 21]. Стоит выделить очень важный момент – земля не вытаскивается на поверхность, а сама «выходит/появляется», поэтому холм/гора в представлениях предков ингушей обожествляется

и в известном смысле отождествляется с божеством, либо с местом его обитания. Именно в таком центре расположена эпическая страна нартов. «Жил Сеска Солса со своей дочерью-красавицей в огромной пещере, находящейся в отвесной стене горного перевала Цейлам» [27, с. 83].

Центр пространства, обладая особой сакральной значимостью и в то же время абсолютной реальностью, в представлениях предков ингушей был отмечен не только горой, как символическим маркером, но и цепью/крестом/древом. Образ «божественной цепи», например, олицетворявший божественную связь между землей и небом, имеет мифологические корни, о чем свидетельствует его бытование еще во время первотворения: «В то старое время весь мир был еще благодатным. Во вселенной не знали, что такое дуновение ветра. С неба свисала нитка, на конце которой были лоскутки. Они никогда не колебались. Люди жили в спокойствии»; «Говорят, что в прежние времена с неба свисала цепь...» [24, с. 235].

Исследователь Н. А. Пятков, отмечая, что для глубокой древности «центр есть основа мира», пишет: «Появление уже в памятниках верхнего палеолита изображений креста, окружности и креста в круге могло быть связано, кроме представлений о Солнце, также и с осознанием себя и своего коллектива в центре всего сущего. Любое повторение космогонии связывается с символикой центра. Все прочие символы Абсолютной Реальности (Древо Жизни и Бессмертия, Источник юности) также являются олицетворением центра» [23]. На археологических памятниках Ингушетии кресты, кресты в круге, спирали можно увидеть повсюду – в святилищах, среди башенных петроглифов, на стелах и т. д. Они встречаются и в виде орнамента ритуальных лепешек, предметов быта, декоративно-прикладного искусства.

Следует отметить, что петроглифы в виде креста, найденные на территории

Ингушетии, в основном интерпретируются учеными, как относящиеся к христианской религии. Однако мы склонны не согласиться с этим тезисом. В архаическом сознании крест связан с представлением о центре вселенной и четырех сторонах света, он моделирует пространство, сакрализованное там, где оно наполнено древними мифопоэтическими и религиозными образами. «Одним из древнейших выразителей идеи пространства... был знак креста, зафиксированный (за несколько тысяч лет до возникновения христианства) у древних земледельцев энеолита», – пишет Б. А. Рыбаков [25, с. 48–49].

Измерение до края земли, широко представленное в ингушском эпосе, равнозначно числу «семь»: «перешли они семь гор и семь морей... пришли они на край света...» [10, с. 68–81], «за теми семью горами находится невиданно страшный вепрь... через семь лет, сожрав семь гор, он доберется до нашей горы» [32, с. 193].

Периферия пространства или край земли представлено в эпосе как потенциально злое. Будучи чуждым для нарта, но одновременно и хранящим благодать, являлся именно подземный мир, в противовес которому небесный мир был божественен, и, собственно, земной / солнечный – привычно нейтрален. Именно поэтому эпический герой, преодолевая символическое число «семь», попадает на край света, чтобы найти правду, украсть атрибуты благодати, либо просто встретиться с родными. Так поступают в ингушском сказании нарты Сеска Солса и Бятар, которые отправляются к Элда (владыка, хозяин мертвых – Авт.), чтобы узнать кто из них сильнее: «Перейдя реку, пошли они дальше. Перешли семь гор и семь морей... пришли они на край света... увидели они лестницу, уходящую вниз от края земли...» [10, с. 68–81]. В эпосе указана такая же возможность для нартов посещения небесного мира, когда, например, Моказ сын Тоха обладал правом каждый «год взбираться

на небо и навещать свою мать» Мялху Азу [18, с. 188].

Считаем, что отрицательное маркирование потустороннего света в представлениях ингушей является кажущимся на первый взгляд. Этому выводу имеются ряд подтверждений. Во-первых, именно потусторонний свет является вместилищем благодати, именно оттуда нартские персонажи крадут такие ее атрибуты, как водяная мельница, игла, ножницы, наперсток, точильный брусок, а также злаковых культур [28, с. 130].

Во-вторых, медные врата в потусторонний свет (инг.: «Iel» – потусторонний мир) охраняет Ешап – антропоморфное, андрогенное «девятиглазое, девятирукое, клыкастое» [30, с. 52] чудовище, сосущее кровь людей и имеющее «сияние» [5, с. 58–60], которое не пропускает в свой мир ни нартов, ни людей. Расположившись у границы, «у медных ворот, ведущих в Эл» [30, с. 53], Ешап в эпосе выполняет свою основную функцию – не пропускать живых в иной мир: «В эти ворота не входил живой человек, он может войти лишь после своей смерти; вошедший же никогда не возвратится...» [30, с. 53]. Но если согласиться с отрицательной трактовкой того света, то Ешап, по логике вещей, должна стеречь ворота изнутри, дабы никого не выпускать, а не наоборот. Зачем надо было Ешап не пропускать людей на тот свет, если только он не был той самой настоящей реальностью, миром благодати.

В-третьих, в сознании ингуша и сегодня прошлое является наиболее понятной субстанцией, чем будущее или настоящее. Именно к прошлому обращены мысли, поступки, совершаемые в настоящем, а также философия человеческого существования вообще. Именно древнее прошлое является священным сакральным временем, в котором заложены основы его существования, созданные предками, и именно с ним на-

прямую связана земная жизнь людей. Из этого циклического движения времени будущее рассматривалось как эквивалент прошлого, к которому рано или поздно всегда возвращаются – к месту отсчета. Именно поэтому движение по жизненному циклу ингуш производит лицом к этой точке [38, с. 86], акту творения, источнику благодати (т.е. в современном прочтении движение происходит вперед спиной). Благодаря именно такому пониманию категории времени в ингушском языке представлено так называемое переднее время («хьалхара ха» – время, которое прошло перед лицом) и заднее («т1айоаг1а ха», т.е. время которое идет сзади). Любопытно в этом контексте имеющееся в ингушском языке выражение: «если смотреть вслед за прошлым временем» (инг.: яхача хана т1ехьа хьажача). Стоит добавить, что ингуши в своем языке сегодня используют семь времен, из которых только одно относится к настоящему, четыре – к прошедшему, заднему времени и два варианта соответствуют будущему, переднему времени. Таким образом, настоящей реальностью, миром благодати в эпических сказаниях ингушей предстает потусторонний свет.

Картина пространственных границ в эпосе ингушей прослеживается через такие категории-символы как река, пещера, лестница, отверстие в земле, синее озеро. Так, например, увидели однажды нарты «отверстие в земле, заглянули в него – одна темнота...» [5, с. 59]. В другом нартском сказании говорится о том, как «весело покатила коляска куда-то к уходящей в землю пещере и сквозь нее привезла их (Селу Сату и Боткий Ширтка – Авт.) в подземный мир» [28, с. 129]. Через отверстие в земле попадает Бийдолг Бяре вместе с нартом Оршма сыном Орзми в подземный мир: «а затем на коне въехал в отверстие в земле» [31, с. 172]. Боткий Ширтка обладает способностью перемещаться из солнечного

мира в подземный через «синее озеро»: «нырнул в Синее озеро и скрылся в его воде», или через глубокие проемы в земле: «прыгнул в нору и скрылся под землей» [26, с. 65].

Причем перемещения в эпосе возможны не только из солнечного мира в потусторонний, но и в небесный/божественный. Так, в нартском сказании «Нарт Тох, Мялха Аза и их сын Моказ» есть следующее указание: «тут с неба спустилась золотая лестница, по ней ушла Мялха Аза» [18, с. 188]. Таким образом, четкое горизонтальное и вертикальное разграничение мира в эпосе связано с основной функцией персонажей – они посредники, через их действия осуществляется связь между различными уровнями пространства. Стоит отметить, что вертикальная пространственная ось в эпосе воплощает мифологические представления, а горизонтальная в большей степени приближена к социальной сфере.

Ценностное маркирование края земли прослеживается в том, что он расположен на западе, т.е. в стороне заходящего солнца. Солнце, по представлению ингушей, начинает свое движение с восточного края Вселенной – «малхбоале» – (досл.: место восхода солнца) и заканчивает свой дневной путь на западе – «малхбузе» (досл.: место полноты солнца).

Представление предков «ингушей о водяных источниках, как мест перехода из реального мира в потусторонний, как нельзя лучше иллюстрируют космогонические мифы» [1, с. 199]. Так, например, солнце, заходящее на западе, а утром поднимающееся из моря, («солнце утром выходит из моря и вечером вновь в него погружается») [29, с. 16], достаточно четко иллюстрирует представление о пребывании солнца в ночное время в потустороннем мире, а также символической связи моря/потустороннего мира/запада. В них также показана изначальность такой суб-

станции как вода: «в те времена на свете ничего не было, кроме неба и моря» [22, с. 48]; «земля... имеет вид яйца и стоит на доске, доска – на море, а море – на какой-то “темноте”» [9, с. 19]. Таким образом, в эпическом творчестве ингушей выражение пространственных характеристик носит четкое ценностное выражение.

В ингушском эпосе действие происходит в обществе нартов. Время нартов является следующим за эпохой первотворения (изобилия и благодати), когда господствовали первосущества – орел, рыба и вампалы – великаны. Вслед за нартами был сотворен человек.

В мифологическом творчестве ингушей начальное время – это время первотворения: появление воздуха/ветра, отделившего небо от моря [22, с. 48]; рождение земли из пены морской; появления солнца, луны и звезд («искры от золотой палицы кузнеца – это звезды, кузнец – юноша превращается в солнце, а девушка – в луну; есть варианты и наоборот: солнце – девушка, луна – юноша» [11, с. 14, 16]); гор, которые придают «Земле устойчивость», [21, с. 20] «разделяют Землю на две равные части» [9, с. 19]; образование из экскрементов первообраза огромной белой птицы, воды и семени, а из семени, разнесенного ветром, появление растительности [33, с. 13].

Главный герой, предводитель ингушских нартов Сеска Солса, происходит на свет уже после исчезновения благодати (инг.: «фарал»), «жира» земли, т.е. после эпохи великанов. Смена эпохи первых существ благодатного времени – великанов на эпоху нартов, а затем на людей в нартском эпосе ингушей демонстрируется достаточно четко. При этом, данный процесс характеризуется обмельчанием / деградацией последующих поколений. «Последующие поколения становились все мельче и мельче, но хитрее. Они действовали больше умом, чем физической силой» [33, с. 13].

Таким образом, в эпическом повествовании представлена трехчастная вертикальная (небесный / солнечный / подземный миры) и горизонтальная (Центр / точка отсчета – периферия / запад) оси пространственной системы координат. В данной модели структурирования мира выделяются наделенный особой сакральной значимостью Центр (в виде образов горы и небесной цепи) и неорганизованная периферия. Измерение расстояния от Центра до края земли, широко представленное в ингушском эпосе, равнозначно числу «семь». Пространственные границы,

которые пересекают нарты в эпосе, очерчиваются такими категориями-символами как река / пещера / лестница / синее озеро / отверстие в земле.

В ингушских нартских сказаниях четко прослеживается ценностное маркирование не только края земли (он расположен на западе, т. е. в стороне заходящего солнца), но и всей трехъярусной пространственной системы: небесный мир был божественен; земной / солнечный – нейтрален; потусторонний мир – настоящая реальность, мир благодати, к которому обращен весь жизненный цикл.

Использованная литература:

1. Акиева П. Х. Рождение. Свадьба. Смерть. Историко-этнографические архетипы ингушей. СПб.: Алефпресс, 2014.
2. Байбурун А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л.: Наука, 1983.
3. Голан А. Миф и символ. М.: Русслит, 1993.
4. Головнев А.В. Говорящие культуры: Традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрО РАН, 1995.
5. Джантельг // Антология ингушского фольклора. Нальчик: Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., 2006. Т. 4.
6. Джапуа З. Д. Абхазские эпические сказания о Сасрыкуа и Абрыскиле (Систематика и интерпретация текстов. Тексты и переводы). Сухум: Алашара, 2003.
7. Дмитриев В. А. Пространственно-временное поведение в традиционной культуре народов Северного Кавказа: Автореф. дис.... д-ра ист. наук. СПб., 2010.
8. Дюркгейм Э. Миф и психология. М., 2001.
9. Земля, человек и горы // Антология ингушского фольклора. Нальчик: ООО Тетраграф, 2003. Т. 1. С. 19.
10. Ингушский нартский эпос. Сост. И. А. Дахкильгов. Нальчик: ООО Тетраграф, 2012.
11. Как произошли солнце, луна и звезды. // Антология ингушского фольклора. Т. 1. Нальчик: ООО Тетраграф, 2003.
12. Кантария М. Познание мира у вайнахов // Лавровские чтения. Сб. статей. С.-Пб.: МАЭ РАН 2010. С. 446–447.
13. Карпов Ю. Ю. Женское пространство в культуре народов Кавказа. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2001.
14. Кумахов М. А., Кумахова З. Ю. Нартский эпос: язык и культура. М.: Наследие, 1998.
15. Лотман Ю. М. Проблемы художественного пространства в прозе Гоголя // Труды по русской и славянской филологии. Сб. статей. Тарту: Тип. им. Ханса Хейдеманна, 1968. Т.11.
16. Луговой К. В. Ритуал в нартском эпосе народов Северного Кавказа. Автореф. дис.... канд. ист. наук. М., 2006.
17. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М.: Наука, 1976. С. 163–262.
18. Натр Тох, Мялха Аза и их сын Моказ // Анто-

References:

1. Akieva, P. Kh., *Rozhdenie. Svad'ba. Smert'. Istoriko-etnograficheskie arkhetyipy ingushey* (Birth. Wedding. Death. Historical and Ethnographic Archetypes of the Ingush People), Saint-Petersburg: Alefpress, 2014.
2. Bayburin, A. K., *Zhilishche v obryadakh i predstavleniyakh vostochnykh slavyan* (A House in the Rites and Beliefs of the Eastern Slavs), Leningrad: Nauka, 1983.
3. Golan, A., *Mif i simvol* (Myth and Symbol), Moscow: Russlit, 1993.
4. Golovnev, A.V., *Govoryashchie kul'tury: Traditsii samodiytsev i ugrov* (Talking Cultures: Traditions of Samoyeds and Ugrian), Ekaterinburg: UrO RAN, 1995.
5. Dzhantel'g (Dzhantelg), in *Antologiya ingushskogo fol'klora*, Nalchik: Respublikanskiy poligrafkombinat imeni Revolyutsii 1905 goda, 2006, vol. 4.
6. Dzhapua, Z. D., *Abkhazskie epicheskie skazaniya o Sasrykua i Abryskile (Sistematika i interpretatsiya tekstov. Teksty i perevody)* (Abkhazian Epic Tales of Sasrykua and Abryskile (Systematics and Interpretation of the Texts. Texts and Translations)), Sukhum: Alashara, 2003.
7. Dmitriev, V. A., *Prostranstvenno-vremennoe povedenie v traditsionnoy kul'ture narodov Severnogo Kavkaza (Spatial and Temporal Behavior in the Traditional Culture of the Peoples of the North Caucasus): Extended Abstract of the Dr. Sci. (History) Dissertation*, Saint-Petersburg, 2010.
8. Durkheim, E., *Mif i psikhologiya* (Myth and Psychology), Moscow, 2001.
9. Zemlya, chelovek i gory (The Land, People and Mountains), in *Antologiya ingushskogo fol'klora*, Nalchik: ООО Tetragraf, 2003, vol. 1, pp. 19.
10. *Ingushskiy nartskiy epос* (Ingush Nart Saga), Dakhkil'gov, I. A., Comp., Nalchik: ООО Tetragraf, 2012.
11. *Kak proizoshli solntse, luna i zvezdy. (How did the sun, moon and stars appear)*, in *Antologiya ingushskogo fol'klora*, vol. 1, Nalchik: ООО Tetragraf, 2003.
12. Kantaria, M., *Poznanie mira u vaynakhov (Vainakhs' World Cognition)*, in *Lavrovskie chteniya*, Saint-Petersburg: MAE RAN 2010. pp. 446–447.
13. Karpov, Yu. Yu., *Zhenskoe prostranstvo v kul'ture narodov Kavkaza* (Female Space in the Culture

- логия ингушского фольклора. Т. 4. Нальчик: ООО Тетраграф, 2006. С. 188.
19. Неклюдов С. Ю. Время и пространство в былине // Славянский фольклор. М.: Наука, 1972. С.18-44.
20. Никулин Д. В. Пространство и время в метафизике XVII в. Новосибирск: Наука, 1993.
21. Об устройстве мира // Антология ингушского фольклора. Нальчик: ООО Тетраграф, 2003. Т. 1. С. 20.
22. Орел и рыба // Антология ингушского фольклора. Нальчик: ООО Тетраграф, 2003. Т. 1. С. 48.
23. Пятков Н. А. Архетип в его отношении к архаическому мировосприятию и мифомышлению, как онтологическая проблема // Автореферат диссертации ... канд. философ. наук. Екатеринбург, 2011.
24. Радость сердца. Литературный сборник ингушских писателей [На инг. яз.]. Фрунзе: Киргизпачхалкхиздат, 1957. . С. 235.
25. Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М.: Наука, 1981. С. 48–49.
26. Сеска Солса и Боткий Ширтка // Антология ингушского фольклора. Нальчик: ООО Тетраграф, 2006. Т. 4. С. 65.
27. Сказание о нарте Соска Солсе // Антология ингушского фольклора. Нальчик: ООО Тетраграф, 2006. Т. 4. С. 83.
28. Сноровистая Села Сата // Антология ингушского фольклора. Нальчик: ООО Тетраграф, 2006. Т. 4. С. 130.
29. Солнце и Луна // Антология ингушского фольклора. Нальчик: ООО Тетраграф, 2003. Т. 1. С. 16.
30. Спор, разрешенный в царстве мертвых // Антология ингушского фольклора. Нальчик: ООО Тетраграф, 2006. Т. 4. С. 52.
31. Сын Оршмы // Антология ингушского фольклора. Нальчик: ООО Тетраграф, 2006. С. 172.
32. Сятал и лесной вепрь // Антология ингушского фольклора. Нальчик: ООО Тетраграф, 2006. С. 193.
33. Танкиев А. Х. Духовные башни ингушского народа. Саратов: Детская книга, 1997.
34. Топоров В. Н. Пространство // Мифы народов мира. М.: Сов. энциклопедия, 1988. Т. 2. С. 340–342.
35. Устройство мира // Антология ингушского фольклора. Нальчик: ООО Тетраграф, 2003. Т.1. С. 21.
36. Хоконов М. А. Онтологические элементы в художественно-эстетическом пространстве адыгского нартского эпоса // Вестник Адыгейского государственного университета. 2008. Серия 1. Выпуск № 8. С. 61–67.
37. Цивьян Т. В. К семантике пространственных и временных показателей в фольклоре // Сб. статей по вторичным моделирующим системам. Тарту: Изд-во Тартуского гос. ун-та, 1973. С. 13–17.
38. Чеснов Я. Миф о Прометее и витальные основы личности // Развитие личности. 2007. № 2. С. 70–100.
- of the Peoples of the Caucasus), Saint-Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2001.
14. Kumakhov, M. A., Kumakhova, Z. Yu., *Nartskiy epos: yazyk i kul'tura* (Nart Saga: Language and Culture), Moscow: Nasledie, 1998.
15. Lotman, Yu. M., *Problemy khudozhestvennogo prostranstva v proze Gogolya* (Problems of Artistic Space in the Prose of Gogol), in *Trudy po russkoy i slavyanskoy filologii*, Tartu: Tipografiya imeni Khansa Kheydemanna, 1968, vol. 11.
16. Lugovoy, K. V., *Ritual v nartovskom epose narodov Severnogo Kavkaza* (Ritual in Nart Saga of the Peoples of the North Caucasus), *Extended Abstract of the Cand. Sci. (History) Dissertation*, Moscow, 2006.
17. Meletinskiy, E. M., *Poetika mifa* (Poetics of the Myth), Moscow: Nauka, 1976, pp. 163–262.
18. Natr Tokh, Myalkha Aza i ikh syn Mokaz (Natr Tokh, Myalkha Aza and Their Son Mokaz), in *Antologiya ingushskogo fol'klora*, vol. 4, Nalchik: ООО Tetragraf, 2006, pp. 188.
19. Neklyudov, S. Yu., *Vremya i prostranstvo v byline* (Time and Space in the Bylina), in *Slavyanskiy fol'klor*, Moscow: Nauka, 1972, pp.18-44.
20. Nikulin, D. V., *Prostranstvo i vremya v metafizike XVII veka* (Space and Time in the Metaphysics of the 17th Century), Novosibirsk: Nauka, 1993.
21. Ob ustroystve mira (On the Structure of the World), in *Antologiya ingushskogo fol'klora*, Nal'chik: ООО Tetragraf, 2003, vol. 1, pp. 20.
22. Orel i ryba (Eagle and Fish), in *Antologiya ingushskogo fol'klora*, Nalchik: ООО Tetragraf, 2003, vol. 1, pp. 48.
23. Pyatkov, N. A., *Arkhetip v ego otnoshenii k arkhaischeskomu mirovospriyatiyu i mifomyshleniyu, kak ontologicheskaya problema* (Archetype in Its Relation to the Archaic Worldview and Mythological Thinking as an Ontological Problem), *Extended Abstract of the Cand. Sci. (Philosophy) Dissertation*, Ekaterinburg, 2011.
24. *Radost' serdtsa. Literaturnyy sbornik ingushskikh pisateley* (The Joy of the Heart. Analects of the Ingush Writers) [in Ingush language], Frunze: Kirgizpachkh'alkhizdat, 1957, pp. 235.
25. Rybakov, B. A., *Yazychestvo drevnikh slavyan* (Paganism of the Ancient Slavs), Moscow: Nauka, 1981, pp. 48–49.
26. Seska Solsa i Botkiy Shirtka (Seska Solsa and Botkiy Shirtka), in *Antologiya ingushskogo fol'klora*, Nalchik: ООО Tetragraf, 2006, vol. 4. pp. 65.
27. Skazanie o narte Soska Solse (Legend of the Nart Soska Solso), in *Antologiya ingushskogo fol'klora*, Nal'chik: ООО Tetragraf, 2006, vol. 4, pp. 83.
28. Snorovistaya Sela Sata (Dexterous Sela Sata), in *Antologiya ingushskogo fol'klora*, Nalchik: ООО Tetragraf, 2006, vol. 4. pp. 130.
29. Solntse i Luna (Sun and Moon), in *Antologiya ingushskogo fol'klora*, Nalchik: ООО Tetragraf, 2003. vol. 1, pp. 16.
30. Spor, razreshenny v tsarstve mertvykh (Dispute Resolved in the Realm of the Dead), in *Antologiya ingushskogo fol'klora*, Nalchik: ООО Tetragraf, 2006, vol. 4, pp. 52.
31. Syn Orshmy (The Son of Orshma), in *Antologiya ingushskogo fol'klora*, Nalchik: ООО Tetragraf, 2006, pp. 172.
32. Syatal i lesnoy vep'r' (Syatal and the Forest Boar), in *Antologiya ingushskogo fol'klora*, Nalchik: ООО Tetragraf, 2006, pp. 193.

33. Tankiev, A. Kh., *Dukhovnye bashni ingushskogo naroda* (Spiritual Towers of the Ingush People), Saratov: Detskaya kniga, 1997.

34. Toporov, V. N., *Prostranstvo* (The Space), in *Mify narodov mira*, Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1988, vol. 2, pp. 340–342.

35. *Ustroystvo mira* (The Structure of the World), in *Antologiya ingushskogo fol'klora*, Nalchik: OOO Tetragraf, 2003, vol. 1, pp. 21.

36. Khokonov, M. A., *Ontologicheskie elementy v khudozhestvenno-esteticheskom prostranstve adygskogo nartskogo eposa* (Ontological Elements in the Artistic and Aesthetic Space of the Adygeyan Nart Saga), in *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2008, ser. 1. no. 8, pp. 61–67.

37. Tsiv'yan, T. V., *K semantike prostranstvennykh i vremennykh pokazateley v fol'klоре* (To the Semantics of the Spatial and Temporal Parameters in Folklore), in *Sbornik statey po vtorichnym modeliruyushchim sistemam*, Tartu: Izdatel'stvo Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta, 1973, pp. 13-17.

38. Chesnov, Ya., *Mif o Prometee i vital'nye osnovy lichnosti* (Myth of Prometheus and the Vital Basis of Personality), in *Razvitie lichnosti*, 2007, no. 2, pp. 70–100.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Акиева, П. Х. Пространственно-временной хронотоп в нартском эпосе ингушей [Электронный ресурс] / П. Х. Акиева // *Наследие веков*. – 2015. – № 2. – С. 60-67. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/10/2015_2_Akieva.pdf. (дата обращения дд.мм.гг).

Full bibliographic reference to the article:

Akieva, P. Kh., *Prostranstvenno-vremennoy khronotop v nartskom epose ingushey* (Space-Time Chronotope of the Ingush Nart Sagas), *Naslediye Vekov*, 2015, no. 2, pp. 60-67. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/10/2015_2_Akieva.pdf. Accessed Month DD, YYYY.

ШЕТОВА Римма Адидовна
кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры русской и зарубежной литератур
Кабардино-Балкарского государственного университета,
г. Нальчик, Россия
Rimma A. SHETOVA
Cand. Sci. (Literature of the Peoples of the Russian Federation),
Senior Lecturer, Department of Russian and Foreign Literatures
Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, Russia
kruslit@mail.ru

О специфике жанра исторического романа в кабардинской литературе (Х. Теунов «Род Шогемокových»)

В статье анализируется сюжетно-композиционная и жанрово-стилистическая специфики романа Х. Теунова «Род Шогемокových», определяется его типологическое сходство с другими произведениями в литературах Северного Кавказа.

Ключевые слова: роман, типология, исторический жанр, семейная хроника, фольклорная основа, образная система, национальный характер.

On the Specifics of the Genre of the Historical Novel in the Kabardian Literature («The Shogemokovs» by Hachim Teunov)

The article analyzes the plot-compositional and genre-stylistic specificity of the novel «Rhod Shogemokovyh» («The Shogemokovs») by Hachim Teunov, its typological similarities with the other works in the literature of the North Caucasus is determined.

Keywords: novel, typology, historical genre, family chronicle, folklore basis, figurative system, national character.

Некоторые литературоведы выделяют исторический роман как вполне самостоятельный жанр, но существуют и мнения, отрицающие его специфические жанровые особенности.

Придерживающиеся первой точки зрения, к которым мы причисляем также себя, выделяют такие разновидности, как историко-реалистический, историко-романтический, историко-очерковый (И. П. Варфоломеев и др.), а если в основе жанровой дифференциации исторического романа лежит принцип типизации главного героя, то рассматриваются следующие жанры: исторический, художественно-исторический, историко-биографический (Л. П. Александрова и др).

Одной из наиболее важных сторон исторического романа, характеризующих эсте-

тическое своеобразие жанра, является художественное единство исторического факта и вымысла в произведении. Данная проблема остается дискуссионной и в современном литературоведении, особенно в национальных литературах.

Так, исследователи адыгского исторического романа Л. Бекизова, А. Мусукаева, Ю. Тхагазитов, К. Шаззо и другие отмечают, что его важнейшей особенностью является близость к этно-фольклорной, национальной традиции народа. А. Х. Мусукаева отмечает: «Анализ романов литератур Северного Кавказа дает возможность заключить, что в творчестве каждого писателя в той или иной степени сохраняются результаты воздействия фольклора. Изучая романистику 60–70-х годов XX века, следует говорить о широком влиянии

фольклора, о типологической для этого времени трансформации его традиций, наконец, о творческом, умелом использовании их в произведениях многих художников слова» [1, с. 125].

Роман Х. Теунова «Род Шогемоковых» постановкой проблемы, выбором главным героем жизненного пути выражает одну из важнейших тенденций развития большой северокавказской прозы, которая формировалась в типологических схождениях многих литератур. Он перекликается с романами А. Кешокова «Вершины не спят», хакасского писателя Н. Доможакова «В далеком аиле», осетинского – Е. Уруймаговой «Навстречу жизни», ингушского – И. Базоркина «Из тьмы веков», балкарского – Б. Гуртуева «Новый талисман» и т. д. Этническая, историческая, географическая и в целом духовная общность судеб народов Северного Кавказа определила в какой-то степени и схожесть тематики, и выбор героев, но, как это, на первый взгляд, ни парадоксально, способствовала рождению романов самобытных, с глубоко индивидуализированным образом героя. Х. Теунов обращается, как и многие другие писатели, к теме революционных перемен, но в центр выдвигаются проблемы исторической родословной народа, традиционные, испытанные временем вопросы рода, семьи, столь значительные для дискурса будущего поколения. В этом смысле его произведение во многом подтверждает мысль о том, что роман является «эпосом частной жизни, изображением чувств, страстей и событий частной и внутренней жизни людей» [2, с.122].

Кабардинская литература 60-х годов тесно связана со своими первыми периодами развития. Поэтому вполне естественна связь темы героической борьбы кабардинского крестьянства, поднятой Али Шогенцуковым в его поэме «Камбот и Ляца», с её новым художественным претворением Хачимом Теуновым.

Романы 1960–1980-х годов – многопроблемны и многоплановы, и роман Х. Теунова «Род Шогемоковых» является тому подтверждением. Наряду с семейно-бытовой, «родовой» проблематикой в нем художественно решается не менее важная тема – историко-революционная, а если сказать точнее, здесь проявилась их органическая соподчиненность,

столь важная и для характеристики эпохи, и для проникновения в духовный мир человека. Писатель удачно проводит нарастающую линию повествования: от частного протеста к глубокому пониманию социального расслоения, к духовному пробуждению и активации масс, к формированию внутреннего мира личности героя. Оттолкнувшись от известного в истории Кабарды Зольского восстания (1913), то есть от фактического материала, кстати представленного в романе документально, Х. Теунов создает эпическое полотно о народно-освободительной борьбе: «В 1913 году с помощью правительственной администрации Северного Кавказа у кабардинских крестьян были отобраны Зольские и Нагорные пастбища, что послужило причиной Зольского восстания» [3, с.142]. На примере судеб различных поколений рода Шогемоковых он воссоздает исторические события, анализирует роль и значение в них каждого человека, соединяя таким образом в художественное целое историю народа и судьбу отдельного героя.

Свидетельством глубокого «национально-художественного мышления», больших художественных возможностей литературы явился в свое время, как мы уже подчеркивали выше, роман Али Шогенцукова «Камбот и Ляца». Если же обратиться к творчеству других известных художников слова, то можно увидеть ту же тенденцию; от документальных очерков – к роману (Т. Керашев, А. Кешоков, А. Шортанов и др.).

Главная цель, на наш взгляд, заключалась в создании индивидуального и в то же время типически обобщенного национально-характера, что, в свою очередь, требовало внутреннего и всестороннего раскрытия всех его качеств, особенностей как личных, так и общественных, т. е. литература приближалась к определенному художественному уровню.

Проблема традиций и новаторства не нова в литературе, она требует отдельного глубокого исследования, но вместе с тем, очевидно, что изучение художественного мира писателя невозможно без обращения к данной проблеме. Х. Теунов наследовал богатейшие национальные традиции – с одной стороны, а с другой, – многое взял из русской классики.

«Род Шогемоковых» – роман, особенности которого уже определены его названием. Изданный в 1969 году, он охватывает широкие и ответственные хронологические рамки – от 1913 г. (события Зольского восстания) до времен Октябрьской революции. Перед нами, действительно, семейная хроника, повествующая о жизни рода. Это – роман воспитания, который к этому времени имеет уже достаточно богатую традицию в северокавказской прозе. Традиция эта зачастую трансформировалась, обретая новые жанровые приращения. В данном случае перед нами – семейная хроника, разомкнутая в широкий мир исторических и социальных отношений. История рода Шогемоковых изображена на фоне и в контексте значительных событий начала XX века. На переднем плане – дискурс истории.

Тема романа органична для тематического круга романистики Северного Кавказа 1960-х годов, в котором одно из главных мест занимает тенденция изображения связи исторических событий и судеб людей, родовых традиций, отдельного человека в сложном и иногда чуждом ему водовороте классовых коллизий. «Род Шогемоковых» в этом смысле показателен именно попыткой художественного осмысления семейной или родовой истории в тесном единстве с историей кабардинского народа. Социальные, политические и исторические события начала XX века не только служат фоном, на котором воссоздается история рода Шогемоковых, они являются также объектом художественного исследования, не отторгающего от истории судьбу отдельного человека.

Тему своего романа писатель определял как изображение судьбы «нескольких поколений кабардинской семьи, развитие самосознания людей из народа, стоявшего на феодально-патриархальной ступени развития». Вот это и есть главный отсчет его художественной логики: представить «людей из народа». И хотя по строгим стилистическим нормам приведенное определение далеко от совершенства, нацеленность на изображение не аморфной массы, «пробивающейся» к свету, а на дифференцированное психологически, социально и по уровню сознательности людское сообщество составляло одну из важнейших

целей романического искусства. Х. Теунов постигал его самостоятельно, самозабвенно и в практическом плане вполне успешно.

Судьбы, жизнь каждого из героев, кладутся в основу всей повествовательной структуры, стройной, логически выверенной: «Шогемоков и его сыновья», «Мечты и надежды — наследство отцов», «Отзвуки далекого грома». Крестьянский род Шогемоковых представлен в романе тремя поколениями: Дамжуко, его сын – Исмел и его внук – Зрамук. Но мы значительно обеднили бы содержание произведения, если бы свели всю его тематическую и художественную направленность лишь к поступательному воссозданию жизни и борьбы рода по принципу известных в литературе семейных и родовых хроник. На наш взгляд, замысел писателя был гораздо объемнее: на примере истории, жизни, борьбы, гибели и возрождения рода Шогемоковых показать полный драматических перипетий исторический путь народа: «Мир Шогемоковых – это мир целого народа, его судьба – конкретное выражение эволюции народной жизни, вплетенной в ту эпоху, когда рост исторического самосознания гражданской гордости начинал определять тонус времени» [4, с. 256].

Три поколения борцов представлены в романе «Род Шогемоковых», причем не зависимых крестьян, а «вольных и свободных земледельцев»: Шогемоковы «не входили в сословие узденей, но не были они и зависимыми крестьянами-пшителями... Род Шогемоковых принадлежал искони к лхукошас – вольным, свободным земледельцам. Никогда не славились они большим достатком, но и бедняками не были».

Описание обстановки, быта, подробностей жизненного уклада героев – важнейшая художественная составная художественного мира писателя, основывающего свое видение жизни на проникновении в ее самые главные движущие силы, на традициях, народных представлениях, которые при всех изгибах истории сохраняют свою внутреннюю неизменность. И описание того, что принято называть обстановкой, окружением, возрастными человека с его представлениями, привычками, со всем его естеством, неотделимо от воссоздания психического склада героя,

его мировоззренческих представлений, далеко не ограничивающихся идеологическими факторами.

Борющиеся стороны представлены подчас в романтически отвлеченных тонах. Причем многое в образной системе романа символизировано, чему способствовала художественная ориентация писателя, сформировавшегося на традициях фольклорного мышления. Роман построен на альтернативном представлении двух начал: любовь – ненависть, добро – зло, благородство – низость, решительность и мужество – трусость и т. д.

Конфликт романа – противоречия антагонистического характера, возникшие в результате противостояния, кровной мести

между родами Бороковых и Шогемоковых. Он типичен и для других романов Северного Кавказа: «Вершины не спят» А. Кешокова, «Горные орлы» Ж. Залиханова, «Мюрид революции» М. Мамакаева, «Новый талисман» Б. Гуртуева, «Сыновья Беки» А. Бокова и др.

Исторический роман творческими достижениями Х. Теунова 1960–1980-х годов поднят на новую ступень своего развития. Романами «Род Шогемоковых», «Подари красоту души» в кабардинской литературе была решена одна из самых сложных проблем большой прозы: изображение исторических событий путем психологического исследования характера героя. Роман-хроника, семейный роман обретает у писателя новую жизнь.

Использованная литература:

1. Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: в 13-ти т. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1955. Т. 7.
2. Мусукаева А. Х. Романы Алима Кешокова в аспекте соотношений художественных систем фольклора и литературы // Литература в диалоге культур: матлы межд. науч. конф. Ростов-н/Д.: НМЦ «Логос», 2009.
4. Очерки истории кабардинской литературы. Нальчик: Эльбрус, 1968.
5. Теунов Х. Род Шогемоковых. М.: Сов. писатель, 1972.

References:

1. Belinskiy, V. G., *Polnoe sobranie sochineniy* (Complete Works), in 13 vols., Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1955, vol. 7.
2. Musukaeva, A. Kh., *Romany Alima Keshokova v aspekte sootnosheniy khudozhestvennykh sistem fol'klora i literatury* (Novels by Alim Keshokov in the Aspect of Ratios of the Art Systems of Folklore and Literature), in *Literatura v dialoge kul'tur*, Rostov-on-Don: NMTs «Logos», 2009.
4. *Ocherki istorii kabardinskoy literatury* (Essays on the History of Kabardian Literature), Nalchik: Elbrus, 1968.
5. Teunov, Kh., *Rod Shogemokovykh* (The Shogemokovs), Moscow: Sovetskiy pisatel', 1972.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Шетова, Р. А. О специфике жанра исторического романа в кабардинской литературе (Х. Теунов «Род Шогемоковых») [Электронный ресурс] / Р. А. Шетова // Наследие веков. – 2015. – № 2. – С. 68-71. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/10/2015_2_Shetova.pdf. (дата обращения дд.мм.гг).

Full bibliographic reference to the article:

Shetova, R. A., *O specifikhe zhanra istoricheskogo romana v kabardinskoy literature* (H. Teunov «Rod Shogemokovykh») (On the Specifics of the Genre of the Historical Novel in the Kabardian Literature («The Shogemokovs» by Hachim Teunov)), *Naslediye Vekov*, 2015, no. 2, pp. 68-71. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/10/2015_2_Shetova.pdf. Accessed Month DD, YYYY.

НАУМЕНКО Владимир Емельянович
кандидат исторических наук, профессор,
начальник отдела комплексных проблем изучения культуры
Южного филиала Российского НИИ культурного
и природного наследия имени Д. С. Лихачева,
г. Краснодар, Россия
Vladimir E. NAUMENKO
Cand. Sci. (National History), Prof.,
Head, Department of Complex Problems for Cultural Research, Southern
Branch of the Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage,
Krasnodar, Russia
naumenko@rambler.ru

**«Самое человеческое —
это взаимная дружба...»
(страницы жизни и творчества
И. М. Базоркина)**

В статье освещены основные этапы жизненного и творческого пути классика ингушской литературы И. М. Базоркина. Особое внимание уделено общественной деятельности писателя, связанной с защитой прав ингушского народа.

Ключевые слова: И. М. Базоркин, Ингушетия, ингушская литература, жизненный путь, гражданская позиция, гуманизм, патриотизм.

**“The Most Important Thing Is a
Mutual Friendship ...”
(The Pages of Life and
Work of Idris M. Bazorkin)**

The article is dedicated to Idris M. Bazorkin's, the classic of Ingush literature, course of the life and his creative development. The particular attention is paid to the writer's social activities related to the protection of the rights of the Ingush people.

Keywords: Idris M. Bazorkin, Ingushetia, Ingush literature, course of life, civil stand, humanism, patriotism.

---

*На многих языках
звучит здесь человеческая речь.
Живет здесь братство
множества народов*

И. Базоркин.
Из тьмы веков (запев)

Названием этой статьи стала строка, взятая из завещания основоположника ингушской литературы, одного из крупнейших общественных деятелей Ингушетии Идриса Муртузовича Базоркина, составленного писателем более чем за 30 лет до своей смерти. Она появилась в его завещании не случайно, а как вполне осознанное, выстраданное всей его жизнью убеждение. Доказательством этому была сама жизнь яркого представителя ингушской интеллигенции, ставшая «олицетворением стойкости духа, высокого

патриотизма и подлинного служения отечеству» [7, с. 7].

В истории и культуре каждого народа есть имена, которые вошли в его плоть и кровь. Для ингушского народа, его художественной культуры таким стало имя И. М. Базоркина.

Родился писатель 15 июня 1910 г. в селе Базоркино Назрановского округа Ингушетии (ныне селение Чермен Пригородного района Республики Северная Осетия-Алания). Вся его жизнь была связана со своим краем,

и, наверное, потому, что связь с землей предков была столь крепкой, ему и удалось своим творчеством так убедительно выразить мысли и чаяния своих земляков. Это о таких деятелях культуры сказал Расул Гамзатов, – «...творческая деятельность такого человека всегда была и остается духовной опорой его народа» [2, с. 514].

*Идрис Муртузович Базоркин
(1910-1993)*

Мы не ставим своей целью комплексно исследовать жизнь и творчество И. М. Базоркина. В последние годы вышли в свет книги дочери Азы Базоркиной «Воспоминания об отце», Якуба Патиева «А я иду...». Очерк о жизни и творчестве Идриса Базоркина, большое количество публицистических и литературоведческих статей. В этих трудах наследие писателя, его общественная и художественно-творческая деятельность получила широкое освещение. Сделано много для изучения его творчества и многое еще предстоит. Исследователи справедливо считают, что говорить сегодня о такой личности, как Идрис Базоркин в жанре классического жития невозможно, да и не нужно – ни ему, ни нам самим. Налипшая позолота последних десятилетий мешает увидеть художника. Нам, едва прикоснувшимся к его деятельности, стало интересно рассмотреть его жизнь и литературное наследие сквозь призму времени, в которое жил и трудился художник.

Если мысленно окинуть взором весь пройденный творцом жизненный и творческий путь, то условно его можно представить несколькими знаменательными вехами.

От рождения до 1934 года – это время становления творца и гражданина, первые пробы пера, годы учебы и работы по становлению ингушского национального театра. Это было время поиска места молодого литератора в новой бурно развивающейся жизни.

Знаковым событием в жизни Идриса Базоркина становится 1934 год. В качестве делегата он принимает участие в работе Первого съезда советских писателей в Москве, на котором знакомится с М. Горьким. В этом же году он был принят в члены Союза писателей, вышла в свет его первая книга, первая в истории ингушской литературы пьеса «На заре», что дало ему возможность уже в 1938 г. окончательно перейти на работу, непосредственно связанную с творчеством. Вершиной деятельности И. Базоркина в этот период становится написанная им классическая драма «Тамара», которая впервые была поставлена 10 апреля 1941 г., и с тех пор пьеса не сходит со сцены профессиональных и самодеятельных театров. Молодой писатель получает широкую известность не только в своей республике, но и за ее пределами. Его пьесами интересовались театры Северной Осетии и Кабардино-Балкарии, в коллективных сборниках его произведения выходят в Москве. Он задумывает новые произведения, строит планы, связанные с литературным творчеством. Но воплотить их в жизнь помешала Великая Отечественная война.

Годы с 1941 по 1944 – это особый период в его жизни и творчестве. Освобожденный по брони от службы в армии (но в момент захвата территории республики немцами он был зачислен в партизанский отряд), Идрис Муртузович своим долгом считает посвятить писательский труд защите Отечества, мобилизации трудящихся республики на отпор врагу. Подобно многим творческим работникам тех лет, И. Базоркин часто публиковал свои военные очерки, читал их по радио, в госпиталях. Затем его газетные публикации были выпущены отдельными сборниками. Эти произведения были оперативны: набатом звучал в них призыв к борьбе с врагом. Против геббельсовской пропаганды был направлен его очерк «Честь горца». В нём рефреном звучит призыв: «Все, как один, встанем

на защиту нашего Отечества!». Своеобразным призывом можно назвать публикацию И. Базоркина «К чечено-ингушской интеллигенции». В довоенное время отношение к интеллигенции в «стране рабочих и крестьян» было довольно прохладным. И. Базоркин публикацией возвысил общественную роль представителей интеллектуального труда. По словам автора, велика их роль и бою, и в тылу [5, с. 412-413]. Вершиной писательского труда стала его многоактная пьеса на тему войны «Рождение ненависти». Произведение создавалась с конца 1941 г. Это было время особого напряжения: заняв в 1942 г. часть Северного Кавказа, гитлеровцы уже подошли к границам Ингушетии. Защитники Родины и мирное население делали все возможное, чтобы не допустить фашистской оккупации своего нефтяного края. В самый разгар летней кампании 1942 г. работа была передана драматургом в Грозненский русский драматический театр. Спектакль был поставлен 7 ноября 1942 г., в период самых напряженных боев за освобождение Северного Кавказа. По авторитетному мнению известных литературоведов В. Корзуна и М. Чентиевой, драма «Рождение ненависти» является «самым значительным произведением Чечено-Ингушской литературы военных лет» [7, с. 59]. Ее по праву ставят в ряд с произведениями, написанными позднее, – «Нашествие» Л. Леонова и «Русские люди» К. Симонова [5, с. 413].

В этот период происходит событие, которое по понятиям того времени представляется высшим проявлением патриотизма. И. М. Базоркин в самый критический момент военных действий, когда враг стоял у границ Ингушетии вступает в ВКП(б). С января 1943 г. начинается операция по освобождению Кавказа. Когда опасность захвата Кавказа была ликвидирована советскими войсками, Базоркин оставляет работу лектора обкома КПСС и переходит на работу в театр заведующим литературной частью [7, с. 62]. На этом поприще он продолжил дело служению победы над врагом. Его пьесы не сходят со сцены республиканских театров, он продолжает писать статьи в газеты и выступать по радио. И эта плодотворная работа писателя по мобилизации трудящихся республики на трудовые и

ратные подвиги была прервана депортацией чеченцев и ингушей и обвинением их ни много ни мало в измене родине и пособничестве фашизму. Это притом, что республика не была, оккупирована фашистскими войсками и ни один ингуш не ушел, с отступающими с Кавказа войсками вермахта [4, с. 366].

Для писателя началась жизнь спецпоселенца. Не было постоянной работы, а если и была, то весьма далекая от писательского труда (кладовщик в совхозе, техник-смотритель райземотдела, хозяйственник в геологоуправлении и т. п.). Получив пост директора Киргизского республиканского дома народного творчества в г. Фрунзе И. М. Базоркин всецело погружается в культурную жизнь Киргизии. В этот период он написал ряд одноактных пьес для художественной самодеятельности, за что неоднократно поощрялся союзными и республиканскими органами культуры. Но и это не спасло его от увольнения по надуманной причине «в связи с коренизацией аппарата» [7, с. 64]. Писатель приходит на работу в Киргизский государственный театр оперы и балета на должность администратора, далекую от творческого труда. Но как говорится, нет худа без добра. «Новая работа во Фрунзе свела писателя со многими замечательными людьми, позволила ближе познакомиться с деятелями литературы и искусства Киргизии, приобщиться к новому и непривычному для ингушей жанру оперы и балета, которые потом пригодились при написании киноповести «Труд и розы» [7, с. 66]. Лишенный долгие годы печататься «писатель рецензирует спектакли местных авторов, сам пишет какие-то фрагменты будущих своих произведений». В театре произошло его знакомство с будущим великим танцором Махмудом Эсамбаевым, дружбу с которым он пронес через всю жизнь. В эти не простые годы Идрис Муртузович ни на минуту не забывал о тяжелой доле народа оказавшегося в изгнании. Как мог он помогать каждому и собратьям по перу и просто людям, обращавшимся к нему за помощью. По свидетельству его дочери Азы Базоркиной, к нему «ежедневно приходила масса ингушей. Папу считают умным человеком, глубоко любящим свою родину и свой народ. Знакомы меж собой, мне

кажется, были все. Все новости стекались к папе, За советом шли к нему. Театр стал почти ингушским центром» [7, с. 66]. Ни на миг его не отставляла мысль о возвращении ингушей на свою родину. Эта борьба не прекращалась ни на минуту. В сердцах и умах спецпереселенцев никогда не угасала эта надежда.

Наступил 1953 год. Умер И. В. Сталин. Был разоблачен Берия – ближайший сподвижник Сталина по организации репрессий против ряда народов. У народов, подвергшихся депортации появляется робкая надежда на восстановление справедливости. И едва ли не первым свой голос в защиту обездоленных поднимает И. Базоркин. В конце 1953 – начале 1954 гг. он пишет свое знаменитое «Письмо к руководству Советского Союза». Этот многостраничный документ убедительное свидетельство исторической правды, которая развенчивает измышления фальсификаторов этого периода истории ингушей и других репрессированных народов, которые были созданы под воздействием сталинско-бериевской пропаганды. С нашей точки зрения, это обращение представляет собой, по сути, важнейший и, к сожалению, недостаточно изученный исторический документ. В нем каждая выстраданная автором строка является убедительным аргументом, доказывающим несостоятельность любых попыток найти «причины» депортации целого народа. Было много других обращений, в создании которых И. Базоркин принимал самое непосредственное участие. Например, просьба представителей ингушской интеллигенции к писателю Н. С. Тихонову донести до руководства страны объективную информацию о положении дел, знаменитое письмо 13-ти представителей ингушской интеллигенции в Президиум Центрального комитета КПСС, письмо представителей ингушского народа Н.С. Хрущеву с просьбой ингушам разрешить вернуться на историческую родину и другие документы, направлявшиеся в различные инстанции [4, с. 305–310, 310–351, 357–365, 369–382]. Этот период в деятельности И. М. Базоркина оценивается в «Истории Ингушетии» следующим образом: «В Казахстане и Киргизии начинается национальное движение за возвращение на Родину. Неформальным лидером этого движе-

ния стал писатель Идрис Муртузович Базоркин...» [5, с. 428]. Авторитет литератора основывался не только на признании его таланта, но и моральных качеств писателя, основу которых составляли лучшие традиции народа, воспринятый им патриотизм и дружба народов. И в этот напряженный период общественной деятельности он не переставал творить и накапливать материал для своих будущих произведений. С 1956 г. в Киргизии и Казахстане появляется долгожданная возможность издавать произведения чеченских и ингушских авторов. В свет выходят главным образом коллективные сборники стихов, рассказов, очерков, всю работу по редактированию которых взял на себя И. Базоркин.

Новый этап в жизни и творчестве Идриса Муртузовича начинается с возвращения на родину в январе 1958 г. Еще до прибытия в Грозный он был избран ответственным секретарем Союза писателей республики. Начался период его деятельности связанный с активным привлечением интеллигенции к восстановлению республики. Едва ли не в первый год его пребывания на родине им были созданы ряд произведений: повесть «Призыв», киноповесть «Труд и розы», рассказ-сказка «Куни», очерк «Путь артиста», ряд газетных статей, его стараниями готовилась к изданию в Москве антология чечено-ингушской поэзии, в этот же период он комплектует и готовит к печати репертуарный сборник на ингушском языке в помощь работникам клубов и художественной самодеятельности [7, с. 75].

В 1960–1970-е гг. интеллигенция осуществляла активную работу по возрождению республики, укреплению её экономики, развитию научного и культурного потенциала. На этом пути возникали множество неразрешимых проблем. Так, не решенными оставались вопросы территориальной и правовой реабилитации народа, медленно решались проблемы социально-экономического развития отдельных районов. Особое значение приобрели вопросы, связанные с включением в состав восстанавливаемой республики исторических территорий исконного проживания ингушей, которые оказались вне новых границ ЧИАССР. В авангарде

справедливого решения этих вопросов шла интеллигенция, поддержанная народом. «Народ не забывал, какую мобилизующую роль сыграла интеллигенция в самом процессе реабилитации, пусть и неполной еще, ингушского и других репрессированных народов» [5, с. 437]. Видя нарастание напряженности, группа ингушских коммунистов, в которой одну из ведущих ролей играл И. Базоркин, составляют на имя Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева документ «О судьбе ингушского народа». Исследователь жизни и творчества писателя Я. С. Патиев отмечает, что в этом документе на многочисленных фактах и цифрах рассказано о тяжелом положении народа, в течение долгих десятилетий продолжающего оставаться на географической, социальной, экономической и политической периферии. Приводимые факты невозможно было опровергнуть, так как под каждым из них имелась убедительная доказательная база. Прослеживалась вся история развития и становления национального самосознания, приводились все факты ущемления прав как народа в целом, так и отдельных слоев населения. Особое внимание уделялось положению ингушей в Пригородном районе Северной Осетии, где для них неофициально были узаконены ограничения в кадровом, социальном, культурном, политическом и другом отношении. О возможном развитии негативных событий, в случае передачи Пригородного района Северной Осетии, писатели Идрис Базоркин и Багаудин Зязиков предупреждали руководство партии и государства ещё в 1957 г. «Конфликты, – отмечает исследователь Л. Я. Арапханова, – возникшие в связи с территориальным вопросом, заданным при восстановлении государственно-административных образований в 50-х гг., усилили значимость решения этой проблемы» [1]. Вполне цивилизованные обращения ингушской интеллигенции в партийные и государственные органы были руководством республики, и страны восприняты как проявления национализма и разжигания межнациональной розни. Вместе с тем, на аппаратных совещаниях, посвященных обсуждению обращений интеллигенции, признавалась объективная правота поднятых в

них проблем, которые даже частично были удовлетворены. Обвиненный в национализме и антисоветчине И. Базоркин был исключен из партии, подвергнут травле. Попытки объяснить свою непричастность к стихийному митингу ингушского народа собравшегося в январе 1973 г. в г. Грозном и потребовавшего решения насущных вопросов, а именно – «жить и работать в составе одного автономного образования, а не двух и реализовать свое право на национальное самоопределение» [7, с. 138] не были приняты во внимание. Авторы коллективного труда «История Ингушетии» дают такую оценку произошедшему: «События января 1973 г., стали еще одним испытанием для ингушского народа, прежде всего для наиболее образованной и прогрессивной его части – интеллигенции, которая явилась инициатором ширококонтрастного озвучивания проблем своего народа и соответственно приняла на себя главный удар репрессий, обрушившихся на участников этих гражданских акций. Несмотря на то, что выступление носило исключительно мирный характер и в ходе него не прозвучало ни одного антиправительственного лозунга или призыва к межнациональной или межконфессиональной розни, репрессии приняли широкий и достаточно жестокий характер» [5, с. 440]. Не так то, просто было сломить И. Базоркина. Ко времени этих событий он был уже широко известным писателем. Его роман-эпопея «Из тьмы веков», опубликованный в 1968 г., завоевал сердца читателей. Роман был положительно оценен критикой и получил высочайшую оценку собратьев по перу. Именно в этой поддержке писатель находил силы для продолжения служения людям. Как ни высказывали в его творчестве идеологическую незрелость и элементы национализма, или иные идеологические отклонения – все было тщетно. Исследователь творчества писателя Я. С. Патиев верно заметил: «В нескольких своих интервью Идрис Базоркин в качестве одной из основных тем своего романа называл дружбу народов. Даже если допустить, что в этих словах можно найти присущую большинству писателей того времени склонность подчеркнуть эту тему, для Идриса Базоркина и его романа это не было дежурной

фразой, скорее это было его убеждением... И это не было натяжкой ни в житейском, ни в творческом отношении» [7, с. 118]. Таким писатель оставался всю жизнь. Он не прекращал борьбу за восстановление в партии и добился своей партийной реабилитации. В 1986 году его восстанавливают в партии. Признанием его заслуг стали торжества по поводу 80-летия писателя, ему были присвоены почетное звание народного писателя Чечено-Ингушской АССР, а также звание почетного профессора Чечено-Ингушского государственного университета имени Л. Н. Толстого. Писатель дожил до времени создания Республики Ингушетии. 31 мая 1993 г. его не стало. Похоронили его в родовом ауле Эги-кхал, там, где жили герои его романа «Из тьмы веков».

Знакомясь с жизнью и творчеством писателя, ловишь себя на мысли о том, что образ времени постоянно присутствует в его произведениях, оно стало неотъемлемой составляющей его творчества. В одной из статей, посвященных его творчеству, отмечено, что И. М. Базоркин родился в начале XX в. и пережил все уготованные им (веком. – В. Н.) страшные испытания. Исход этого века так же кровав, как и его заря. И судьба Базоркина – писателя и общественного деятеля – окрашена в те же цвета, что и время, в которое ему пришлось жить. Базоркин – явление не столько эстетическое, сколько социальное и идеологическое. Человек системы, вступавший в разные периоды в разные с ней в отношения, Базоркин еще при жизни вошел в ингушскую историческую память как национальный символ [3]. Хотелось бы отметить, что феномен Базоркина – писателя и общественного деятеля состоит в том, что для ингушского народа он был, есть и будет эталоном и эстетического отношения к действительности и образцом социальной активности и «выразителем народного сознания, патриотом и гуманистом» [3].

Первые произведения И. М. Базоркина появились, когда автору исполнилось 18 лет. И с тех пор потребность выразить себя в печатном слове не покидала его. Решающими творческими рубежами для него стали осмысление исторического пути ингушского

народа, октябрьской революции, гражданской войны, коллективизации, Великой Отечественной войны (1941–1945), выселение народа, борьба за восстановление республики и реабилитацию репрессированных народов, борьба за торжество исторической справедливости – восстановление республики в границах 1944 года и другие знаковые вехи истории и жизни народа [3].

Поэтому его литературное наследие стало неотъемлемой частью истории и культуры Ингушетии, да и всей России. И все, что он делал в национальной литературе, было впервые. Он был автором первой пьесы, первой повести, первого в ингушской литературе киносценария, первого романа. А его произведения были отражением исторического пути ингушей, их чаяний и надежд. Пьесы «На заре» (1934) об участии чеченского и ингушского народов в гражданской войне, «Тамара» (1938) о пережитках прошлого в отношении к женщине-горянке. Пьесы «Капитан Ибрагимов», «В эти дни», «Операция» – посвящены героям Великой Отечественной войны. Первая приключенческая повесть, посвященная яркому эпизоду гражданской войны на Северном Кавказе, «Призыв» (1962), первый киносценарий «Труд и розы» (1959), первый роман-эпопея «Из тьмы веков» (1968) – все это этапные вехи его литературного творчества [6]. Проследить национальный характер и мотивацию поступков народа, в каждый исторический период – большой духовный подвиг. Литературное наследие Базоркина представляет самобытную страницу эпической жизни народа, раскрывает его духовный мир.

Российскому читателю хорошо известно литературное творчество И. М. Базоркина. Здесь он проявил себя как прекрасный знаток истории, этнографии, культуры ингушского народа, он стал, по сути, выразителем народного самосознания, патриотом и гуманистом. И в значительно меньшей степени известно о его общественной работе, связанной с защитой прав ингушского народа в период депортации, восстановления республики и реабилитации. Здесь в наибольшей степени проявилась его гражданская позиция, кото-

рую он понимал как «долг писателя – в служении своему времени и народу» [3].

С искренностью честного человека он показал те просчеты властей, которые были допущены в период мобилизации населения на отпор врагу. В его материалах представлена повседневная жизнь ингушей в период депортации, их взаимоотношение с аборигенным населением и властями. Приведено множество примеров бесправного положения народа. Им и его коллегами созданы десятки писем обращенных в партийные органы и органы государственной власти. Эта часть наследия изучена в значительно меньшей степени, нежели литературное творчество писателя. Их смысл и содержание еще пред-

стоит донести до всех, а не только заинтересованных в изучении его творчества людей. В одном из писем своей дочери Азе Идрис Базоркин напишет: «Моя профессия – борьба за возвращение нас на родину». Исследовать эту сторону его деятельности еще предстоит. Дело в том, что документы, составленные писателем практически стали фактическими источниками по изучению истории Ингушетии второй половины XX в. Каждая публикация таких материалов показывает, что интерес к творчеству классика ингушской литературы и, не только на его родине, не иссякает, это недвусмысленный сигнал, что его творчество востребовано обществом, а проблемы, поставленные им, актуальны и сегодня.

Использованная литература:

1. Арапханова Л. Я. Роль политической элиты ингушей в самосохранении народа в репрессиях 20-50-х годов XX века [Электронный ресурс] // Депортация ингушского народа. URL: <http://deportin.ru/index.php/public/35--20-50-> (дата обращения: 24.04.15).
2. Гамзатов Р. Мой Дагестан. Конституция горца. Махачкала: Дагестанское кн. изд-во, 2002.
3. Дзаурова М. Венец ингушской литературы // Сердало. 2005. 15 июня. № 61.
4. Ингуши: депортация, возвращение, реабилитация, 1944–2004: документы, материалы, комментарии / авт.-сост. Я. С. Патиев. Магас: Сердало, 2004.
5. История Ингушетии / отв. ред. Н. Д. Кодзоев. Магас; Нальчик: Тетраграф, 2011.
6. Очерк истории чечено-ингушской литературы / отв. ред. В.Б. Корзун. Грозный: Чечено-ингушское кн. изд-во, 1963.
7. Патиев Я. С. «А я иду...». Очерк о жизни и творчестве Идриса Базоркина. Назрань, 2000.

References:

1. Arapkhanova, L. Ya., Rol' politicheskoy elity ingushey v samosokhranenii naroda v repressiyakh 20-50-kh godov XX veka (The Role of the Political Elite of the Ingush People for Self-Preservation in the Repression of the 20-50s of the 20th Century), *Deportatsiya ingushskogo naroda*. <http://deportin.ru/index.php/public/35--20-50->. Accessed April 24, 2015.
2. Gamzatov, R., *Moy Dagestan. Konstitutsiya gortsy* (My Dagestan. The Constitution of the Mountaineer), Makhachkala: Dagestanskoe kn. izd-vo, 2002.
3. Dzaurova, M., Venets ingushskoy literatury (The Crown of the Ingush Literature), *Serdalo*, June 15, 2005, no. 61.
4. *Ingushi: deportatsiya, vozvrashchenie, reabilitatsiya, 1944–2004: dokumenty, materialy, kommentarii* (The Ingush People: Deportation, Return, Rehabilitation, 1944-2004: Documents, Materials, Comments), Patiev, Ya. S., Comp., Magas: Serdalo, 2004.
5. *Istoriya Ingushetii* (History of Ingushetia), Kodzoev, N. D., Manag. Ed., Magas; Nal'chik: Tetragraf, 2011.
6. *Ocherk istorii checheno-ingushskoy literatury* (The Outline of the History of the Chechen-Ingush Literature), Korzun, V. B., Manag. Ed., Groznyy: Checheno-ingushskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1963.
7. Patiev, Ya. S., «A ya idu...». *Ocherk o zhizni i tvorchestve Idrisa Bazorkina* («And I go...». Essay on the Life and Work of Idris Bazorkin), Nazran', 2000.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Науменко, В. Е. «Самое человеческое – это взаимная дружба...» (Страницы жизни и творчества И. М. Базоркина) [Электронный ресурс] / В. Е. Науменко // Наследие веков. – 2015. – № 2. – С. 72-78. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/10/2015_2_Naumenko.pdf (дата обращения дд.мм.гг).

Full bibliographic reference to the article:

Naumenko, V. E., «Samoe chelovechnoe – eto vzaimnaya druzhba...» (Stranitsy zhizni i tvorchestva I. M. Bazorkina) ("The Most Important Thing is the Mutual Friendship ...") (Pages of Life and Work of Idris M. Bazorkin), *Naslediye Vekov*, 2015, no. 2, pp. 72-78. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/10/2015_2_Naumenko.pdf. Accessed Month DD, YYYY.

ИСАЧЕНКО Сергей Владимирович

кандидат исторических наук,
независимый исследователь,
г. Краснодар, Россия

Sergey I. ISACHENKO

Cand. Sci. (Theory and History of Culture),
independent scholar,
Krasnodar, Russia
sergisach@yandex.ru

Страницы истории неподцензурной литературы советской Кубани

В статье рассматриваются ейские сюжеты истории неподцензурной литературы советского периода. Особое внимание уделяется изданию литературно-художественного журнала «Транспонанс» С. В. Сиговым (С. Сигеем) и А. А. Таршис (Ры Никоновой). Автор вводит в научный оборот новые источники личного происхождения и данные устной истории.

Ключевые слова: неподцензурная литература, Краснодарский край, Ейск, М. К. Петров, С. В. Сигов, А. А. Таршис, «Транспонанс».

Pages from the History of Uncensored Literature in the Soviet Kuban

The article discusses the Yeysk plots in the history of uncensored literature of the Soviet period. Special attention is given to the publication of the literary magazine "Transponan" by Sergey V. Sigov (S. Segay) and Anna A. Tarshis (Ry Nikonova). The author puts forward new sources of private origin and oral history data.

Keywords: Uncensored literature, Krasnodar region, Yeysk, M. K. Petrov, S. V. Sigov, A. A. Tarshis, "Transponans".

По мнению большинства исследователей советской истории, важнейшим фактором формирования неофициальной культуры стала неподцензурная литература – самиздат. Местом производства и наиболее интенсивной циркуляции самиздата были Москва и Ленинград, однако население регионов достаточно активно потребляло подобного рода продукцию, а иногда выступало в роли ее создателя.

История производства и бытования неподцензурной литературы на Кубани частично отражена в публикациях А. Н. Еремеевой – о студенческом самиздате в Краснодарском педагогическом институте конца 1940-х гг. [3, с. 93-100], Н. В. Ламосовой – о начинавшем на Кубани творческую биографию известном писателе-диссиденте В. Е. Максимова [11], С. С. Неретиной, М. С. Константинова, В. Н. Дубро-

вина Ю. Р. Тищенко – о философе М. К. Петрове [1, 9, 12, 15], С. В. Исаченко – о религиозном и политическом самиздате [8]. В 2006 г. 2-4 выпуск 59 тома журнала «Russian Literature» был специально посвящен творчеству С. В. Сигова (С. Сигея) и А. А. Таршис (Ры Никоновой). Авторы анализировали их творчество, в т. ч. произведения и издательские проекты кубанского периода.

В данной статье речь пойдет о ейских сюжетах в истории кубанской неподцензурной литературы.

С Ейском, как известно, связаны жизнь и творчество многих представителей культуры и науки России – П. П. Кащенко, Д. И. Митрохина, Л. Р. Сологуба, И. М. Поддубного, Н. В. Мордюковой, С. Ф. Бондарчука и др.

В знаменитом на всю страну Ейском

высшем военном летном училище учились один из первых Героев Советского Союза С. А. Леваневский, летчик-космонавт СССР В. А. Джанибеков, другие известные летчики и космонавты. На рубеже 1950-х-1960-х гг. там преподавал талантливый философ Михаил Константинович Петров (1923–1987). Именно в Ейске им была написана повесть «Экзамен не состоялся» (1959). Рукопись повести с сопроводительным письмом М. К. Петров послал в ЦК КПСС (1960).

Идеи повести тесно связаны с научной концепцией М. К. Петрова, которая, как утверждают исследователи В. Н. Дубровин и Ю. Р. Тищенко, имеет междисциплинарный характер, опирается на данные истории, философии, лингвистики, антропологии, этнографии, социологии [1, с. 26]. Именно повесть «Экзамен не состоялся», а не философские идеи Петрова, нашедшие в ней отражение, легла на бумагу первой и стала его первым значительным трудом. Биограф и исследователь творчества М. К. Петрова – С. С. Неретина – воссоздала судьбу рукописи и ее автора. Из ЦК КПСС рукопись повести вместе с письмом вернулась в Ростовский обком КПСС, куда М. К. Петрова пригласили, сделали некоторые замечания, сдали рукопись в архив. В начале 1961 г. М. К. Петров выступил на партсобрании с критикой в адрес руководства и порядков в училище. Руководство тут же затребовало из обкома повесть, против автора было возбуждено персональное дело. Повесть послали на рецензию философу и литературоведу. Литературовед ограничился замечаниями, что не смеет судить о взглядах автора повести по взглядам героя. А философ – сотрудник Ростовского государственного университета – дал повести негативную, сугубо политическую оценку. На полях отзыва было помечено «троцкизм». Летом того же года М. К. Петров был исключён из КПСС и уволился из Ейского высшего военного училища лётчиков [12].

По определению вдовы мыслителя, Г. Петровой, «Михаил Константинович не был разрушителем. Он не был диссидентом. Он не собирался уезжать за границу. И, хотя он многое понимал, в партию хотел вернуться. Даже просто для того, чтобы добиться справедливости» [9].

Впервые повесть М. К. Петрова «Экзамен не состоялся» была опубликована в журнале «Дон» (1989, № 6-7), но с нарушением авторского права. При публикации повести в журнале «Дон» редакторы заменили выражение «духовная смерть партии» на «духовный кризис партии» [15, с. 145].

По сути, повесть «Экзамен не состоялся» – одна из немногих попыток художественным языком объяснить идейные искания и настроения неортодоксальных советских философов середины 1950-х гг. и эволюцию многих из них в сторону конформизма. Герой М. К. Петрова Юрий Шатов, который в процессе сдачи кандидатского экзамена по философии «позволил себе сказать лишнего», а позже примиряется с действительностью, напоминает физика – главного персонажа самиздатовского произведения Г. Копылова «Евгений Стромынкин» [2, с. 57].

Судьба повести «Экзамен не состоялся» повторяет судьбу многих воззваний «во власть», известных изначально ограниченному количеству людей и получивших огласку благодаря негативной реакции властных структур, передаче текста в нижестоящие партийные инстанции и инициированию порицания автора.

В начале 1970-х гг. в Ейск переехали супруги Сергей Всеволодович Сигов (1947–2014) и Анна Александровна Таршис (1942–2014) – яркие представители советской неофициальной культуры. С середины 1960-х гг. С. Сигов принимал участие в деятельности группы авангардных художников и поэтов «Будущел» в Вологде и Таганроге. С 1965 по 1974 гг. С. Сигов был редактором основанного А. Таршис в Свердловске рукописного журнала «Номер» – органа «уктусской школы». С 1971 г. «Номер» издавался в Ростове-на-Дону. После переезда С. Сигова и А. Таршис в Ейск большая часть выпусков «Номера» была конфискована местным отделением КГБ в ноябре 1974 г. Параллельно с «Номером», в 1970 г., в Ленинграде, С. Сиговым был начат выпуск журнала «Будущел», оборвавшийся на втором номере. Им же позднее, в 1978 г. выпускалась «еженедельная нерегулярная» рукописная газета «Листок». С № 12 «Листок» стал машинописным. Тогда же был задуман журнал «Таити-неос» [4].

Псевдонимами А. Таршис с 1982 г. и С. Сигова с 1980 г. были соответственно Ры Никонова и С. Сигей.

В письме автору статьи С. Сигов писал: «Мы жили в разных городах: Таганрог, Ростов-на-Дону, Вологда, Ленинград, Москва, Свердловск; с конца 1974 до поздней осени 1997 – в Ейске. <...> Мы действительно принадлежали к “неофициальной культуре”: были участниками выставок, выступлений перед публикой, работали в самиздате». К неофициальной культуре С. Сигов относил «прежде всего, литературно-художественный процесс: квартирные выставки; квартирные литературные чтения и салоны; семинары; изготовление и распространение самиздата, и многое другое». При этом он отмечал, что «ничего подобного в провинциальном Ейске не было: «В свободное время (от зарабатывания денег на жизнь) мы оба занимались тем, что для нас было важнее всего – творчеством. Об этом в Ейске никто не знал до 1992 г., когда телеканал “Останкино” показал о нас фильм. Частную жизнь, а творчество – это, безусловно, дело частное трудно назвать “неофициальной”» [13].

С Сиговым был знаком краснодарский ученый, научный сотрудник Южного филиала Института Наследия, профессор А. И. Слуцкий. Он рассказал о своих впечатлениях, а также предоставил сохранившиеся фрагменты интервью, которое состоялось в Ейске в начале 1990-х гг.

А. И. Слуцкий вспоминал: «Они (С. Сигов и А. Таршис. – С. И.) уже были раскручены в самиздатовской среде, не политизированы, а скорее эстетизированы. Им отводилась едва не доминирующая роль идеологов авангарда и визуальной поэзии» [7].

Хорошо известный в среде советского поэтического андеграунда Г. Сапгир так характеризовал творчество С. Сигова и А. Таршис: «Живут они в казачьем старинном Ейске, в Приазовье. На них и доносы писали, и письма, которые лавиной сыпались с Запада, читали и рвали в ярости. <...> А эта двоица Сергей и Анна писали картины, рисовали, составляли поэтические сборники, альбомы, книжицы самые разнообразные. <...> Стихи, пьесы, визуальная поэзия – всё это рассылалось по почте

во все уголки мира (называется “мейл-арт”). Из Америки, Европы. Новой Зеландии их адресаты, мейл-артисты, слали свою продукцию. Вот торжество сам/тамиздата! Чудо! Они называли себя трансфуристами и издавали журнал нового авангарда “Транспонанс”. Сама форма журнала была необычной, склеенной» [14, с. 558].

По данным Т. Жумати, в новом проекте С. Сигова и А. Таршис журнале «Транспонанс» принимали участие ленинградцы (Л. Богданов, Б. Констриктор, Б. Кудряков, В. Эрль), москвичи (С. Гундлах, К. Звездочётов, И. Кабаков Л. Кропивницкий, В. Лён, А. Монастырский, Д. Пригов, Л. Рубинштейн, Г. Сапгир) и др. [5, с. 179]

И. Кукуй выделяет два разных по оформлению номеров и характеру текстов периода развития журнала: ленинградский и московский. С появлением московских авторов получает своё развитие изначально присутствовавшая в журнале линия акционного и концептуального искусства вместе с тем, растёт удельный вес визуальных текстов. И. Кукуй, называет «Транспонанс» «лабораторным», поскольку журнал сохранял своё лицо и легко был узнаваем «за счёт постоянного внимания к поэтическому эксперименту на содержательном уровне и устоявшейся структуре журнала – на уровне внешнем» [10, с. 129–134].

По данным И. Кукуя, полный комплект журнала «Транспонанс», а также выпуски Архива «Транспонанса» хранятся в историческом архиве Forschungsstelle Osteuropa (г. Бремен, Германия) как часть разных фондов – фф. 37 (Вл. Эрль). 64 (А. Александров), 66 (А. Монастырский), 97 (Сигей / Таршис), 30.56 (А. Альчук). Отдельные номера хранятся в частных собраниях (в Бремене у Г. Г. Суперфина) и музейных коллекциях. № 37 «Транспонанса», который вышел в свет спустя много лет в одном экземпляре для выставки малотиражной периодики, хранится сейчас в Small Mags Archive в городе Еекло (Бельгия) [10, с. 231].

Беседы с компетентными респондентами, анализ архивных документов позволил выявить то, что издававшийся на Кубани журнал «Транспонанс» был практически неизвестен в регионе. При этом он активно циркули-

Людмила Сергеевна —

письмо Ваше было в пути больше месяца —
ответить на него довольно трудно.
Мы жили в разных городах: Таганрог, Ростов на Дону,
Вологда, Ленинград, Москва, Свердловск; с конца
1974 до поздней осени 1997 — в Эйске.
Мы действительно принадлежали „неофициальной культуре“:
были участниками выставок, выступлений перед публикой,
работали в самиздате.
Все это происходило только в трех городах из
перечисленных: Свердловск, Ленинград, Москва.
Наша жизнь в Эйске нам хорошо помнится:

Анна Таршиц (Ры Никольна) работала в муз. школе, а
я сменил несколько мест: был художником-оформителем
(изготавливал громад. планшеты для демонстраций и
оформления улиц), преподавал в Эйск. худ. школе,
заведовал отделом живописи и графики в Эйском
музее.

В свободное время (от зарабатывания денег на жизнь)
мы оба занимались тем, что для нас было важнее всего —
творчеством. Об этом в Эйске никто не знал до
1992 года, когда телеканал „Останкино“ показал
о нас фильм.

Частную жизнь (а творчество — это, безусловно, дело
частное) трудно назвать „неофициальной“.
Сейчас мы живем в Киле, но участвуем в выстав-
ках и печатаемся в других странах. Неужели нас
можно назвать „участниками неофициальной культур-
ной жизни Шлезвиг-Хольштайна“ (местного
„Азово-Эйского региона“)?

Письмо С. В. Сигова С. В. Исаченко
(первая страница)

...распространение самиздата и многое др.
 что в Ейске никогда не было. А вот в
 Свердловске, напр., было (во всяком случае в период
 1965 — 1971 годов; кое-что об этом написано в статье
 Ры Никоновой "Уктусская школа", а также в статье Т. Жучата
 в "Известиях Уральского гос. университета", вып. 13, 1999;
 некоторые сведения содержатся в справочной брошюре "Кто
 есть кто в соврем. культуре Екатеринбурга", 1998).

После 1988 года в Ейске, работая уже в музее, я делал
 выставки mail-art (интернационального движения в
 искусстве), но это было совершенно официально. Издано
 было несколько брошюр-каталогов, афиш и пр. Эти
 выставки имели резонанс в других странах тоже. Сейчас
 это уже история, задокументированная солидными изданиями
 и словарями.

Интервью со мной, о котором Вы говорите, было записано
 в помещении музея во время проведения одной из
 таких выставок (персон. выст. Робин Кроузер,
 теперь уже умершего знаменит. английск. концептуа-
 листа) — совершенно офици. дело.

О нашем творчестве написано много. Трсылаю Вам
 неск. оттисков из посвященного нам спец. выпуска
 (400 стр.) славистического амстердамского журнала
 "Russtaal Literature". В посылаемых материалах есть
 ссылки на некоторые печатные издания (разумеется,
 не все).

Гораздо больше материалов можно найти в интернете,
 набрав наши имена для поиска, напр., через google
 (Rea Nikolaeva, Serge Seday; в русск. интернете тоже
 много кое-что причаст. Ры Никонова, Сергей Сигей).

Но какое все это имеет отношение к "Азово-кубанскому
 региону"? Мы не отказываемся от своего прошлого,
 но давно принадлежим и не провинциал и не Россиян,
 мы — сами по себе.

Приветствия _____ Сергей Сигей

Письмо С. В. Сигова С. В. Исаченко
 (вторая страница)

ровал в среде столичного андеграунда.

Уже после «перестройки» С. Сигов стал издавать в эстетике 1920-х гг. небольшие книжки с малоизвестными текстами русских футуристов. Использовался при этом типографский станок Ейского художественного музея. В это же время на вопрос А. Слуцкого «Как Вам работается в Ейске?» С. Сигов отвечал: «Живется как всем в культуре. Чем хороша такая «малоформатная» провинция как Ейск? Нет большого театра, нет филармонии, вообще непонятно, что есть? Зато есть наш музей и маленькая типография, которая сама, удивляясь, печатает по нашим макетам эти непохожие книги. Ведь согласитесь, издания Алексея Крученых – это уже полиграфия. И текст впервые печатается по авторской машинописи, и цветное шрифтовое оформление

книжки слегка напоминает издания футуристов тифлисского периода». По замыслу С. Сигова, как сообщал А. И. Слуцкий, публикации текстов русских футуристов В. Хлебникова, И. Зданевича, А. Крученых под общим названием «Альфа и омега XX в.» помогут «растерянному зрителю или читателю в понимании современного искусства». Ныне книжки хранятся в Донской областной научной библиотеке в Ростове-на-Дону [7].

А. Таршис и С. Сигов в поисках тем новой эстетики создали свою частную творческую среду. Они проводили в этой среде больше времени, чем вне её, расширяя медийное пространство в условиях существующей цензуры и господствовавших в официальной культуре требований следовать идеологическим и эстетическим стандартам.

Использованная литература:

1. Дубровин В. Н., Тищенко Ю. Р. М. К. Петров. Два эпизода и вся жизнь. М.; Ростов-на-Дону: МарТ, 2006.
2. Еремеева А. Н. История советской научной интеллигенции в текстах самиздата и тамиздата // Культурная жизнь Юга России. 2009. № 3. С. 56–58.
3. Еремеева А. Н. Культурная жизнь Кубани в XX в. Краснодар: Платонов И., 2013.
4. Жумати Т. П. Уктусская школа (1965–1974). К истории уральского андеграунда // Известия Уральского государственного университета. 1999. № 13. С. 125–127.
5. Жумати Т. П. Художественный андеграунд 1960–1980-х гг.: столицы и провинция // Известия Уральского государственного университета. 2005. № 35. С. 173–182.
6. Интервью А. С. Слуцкого с С. В. Сиговым, начало 1990-х // Личный архив А. И. Слуцкого.
7. Интервью С. В. Исаченко с А. И. Слуцким, 20 мая 2009 г. // Личный архив С. В. Исаченко.
8. Исаченко С. В. Неподцензурные политические и религиозные издания на Кубани в 1960-е – начале 1980-х гг. // Книжное дело на Северном Кавказе: методы, источники, опыт исследований: сб. ст. Краснодар: Краснодарский гос. ун-т культуры и искусств, 2011. Вып. 7. С. 301–308.
9. Константинов М. С. М. К. Петров: биографический контекст теории. Методологические замечания [Электронный ресурс] // ИНТЕЛРОС – Интеллектуальная Россия. URL: http://www.intelros.ru/readroom/credo_new/credo_01_2008/1873-m.s.konstantinov-m.k.petrov.html (дата обращения 4.04.15).
10. Кукуй И. Лаборатория авангарда: журнал Транспонанс // Russian Literature. LIX (2006). II/III/IV. P. 225–259.
11. Ламосова Н. В. Кубань в жизни и творчестве писателя В. Е. Максимова // Историко-культурное наследие Кубани и научно-исследовательская деятельность В. Н. Орла (к 80-летию со дня

References:

1. Dubrovin, V. N., Tishchenko, Yu. R., M. K. Petrov. *Dva epizoda i vsya zhizn'* (Two Episodes and Whole Life), Moscow; Rostov-on-Don: MarT, 2006.
2. Eremeeva, A. N., *Istoriya sovetskoy nauchnoy intelligentsii v tekstakh samizdata i tamizdata* (History of the Soviet Scientific Intelligentsia in Samizdat and Tamizdat Texts), *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii*, 2009, no. 3. pp. 56–58.
3. Eremeeva, A. N., *Kul'turnaya zhizn' Kubani v XX veke* (Cultural Life of Kuban in the 20th Century), Krasnodar: Platonov I., 2013.
4. Zhumati, T. P., *Uktusskaya shkola* (1965–1974). K istorii ural'skogo andegraunda (Uktussk School (1965–1974). On the History of the Ural Underground), *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*, 1999, no. 13, pp. 125–127.
5. Zhumati, T. P., *Khudozhestvennyy andegraund 1960–1980-kh godov: stolitsy i provintsia* (Underground Art in 1960–1980ies: Capital and Region), *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*, 2005, no. 35, pp. 173–182.
6. Interv'yū A. S. Slut'skogo s S. V. Sigovym, nachalo 1990-kh (Interview with Sergey Sigov, taken by Arkadiy Slutsky, the Beginning of 1990ies), *Lichnyy arkhiv A. I. Slut'skogo*.
7. Interv'yū, S. V. Isachenko s A. I. Slut'skim, 20 maya 2009 goda (Interview with Arkadiy Slutsky taken by Sergey Isachenko), *Lichnyy arkhiv S. V. Isachenko*.
8. Isachenko, S. V., *Nepodtsenzurnye politicheskie i religioznye izdaniya na Kubani v 1960-e – nachale 1980-kh godov* (Uncensored Political and Religious Publications in the Kuban Region in the 1960s - early 1980s), in *Knizhnoe delo na Severnom Kavkaze: metody, istochniki, opyt issledovaniy*, Krasnodar: Krasnodarskiy gosudarstvennyy universitet kul'tury i iskusstv, 2011, no. 7, pp. 301–308.
9. Konstantinov, M. S., M. K. Petrov: biograficheskiy kontekst teorii. Metodologicheskie zamechaniya (M. K. Petrov: Biographical Context of the Theory.

рождения): мат-лы науч. конф. Краснодар, 2008. С. 96–98.

12. Неретина С. С. Михаил Константинович Петров. Жизнь и творчество. М.: УРСС, 1999.

13. Письмо С. В. Сигова С. В. Исаченко, 3 октября 2010 г. // Личный архив С. В. Исаченко.

14. Сапгир Г. В. Непохожие стихи // Самиздат века / сост. А. Стреляный и др. Минск: Полифакт-МИГ, 1998.

15. Тищенко Ю. Р. Уникальность творчества М. К. Петрова // Политическая концептология. 2012. № 3. С. 138–143.

Methodological Notes), in *INTELROS – Intellektual'naya Rossiya*. http://www.intelros.ru/readroom/credo_new/credo_01_2008/1873-m.s.konstantinov-m.k.petrov.html. Accessed 4 April, 2015.

10. Kukuy, I., *Laboratoriya avangarda: zhurnal Transponans (Laboratory of the Avant-Garde Magazine Transponans)*, *Russian Literature*, vol. 59 (2006), II/III/IV, pp. 225–259.

11. Lamosova, N. V., *Kuban' v zhizni i tvorchestve pisatelya V. E. Maksimova (Kuban in the Life and Work of the Writer V. E. Maksimov)*, in *Istoriko-kul'turnoe nasledie Kubani i nauchno-issledovatel'skaya deyatel'nost' V. N. Orla (k 80-letiyu so dnya rozhdeniya)* (Proc. Sci. Conf.), Krasnodar, 2008, pp. 96–98.

12. Neretina, S. S., *Mikhail Konstantinovich Petrov. Zhizn' i tvorchestvo* (Mikhail K. Petrov. Life and Work), Moscow: URSS, 1999.

13. Pis'mo S. V. Sigova S. V. Isachenko, 3 oktyabrya 2010 goda (Letter from Sergey Sigov to Sergey Isachenko), *Lichnyy arkhiv S. V. Isachenko*.

14. Sapgir, G. V., *Nepokhozhie stikhi (Dissimilar Verses)*, in *Samizdat veka*, Strelyanyy, A., Comp., Minsk: Polifakt-MIG, 1998.

15. Tishchenko, Yu. R., *Unikal'nost' tvorchestva M. K. Petrova (Uniqueness of the Mikhail Petrov's Creativity)*, *Politicheskaya kontseptologiya*, 2012, no. 3, pp. 138–143.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Исаченко, С. В. Страницы истории неподцензурной литературы советской Кубани [Электронный ресурс] / С. В. Исаченко // Наследие веков. – 2015. – № 2. – С. 79-85. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/10/2015_2_Isachenko.pdf. (дата обращения дд.мм.гг).

Full bibliographic reference to the article:

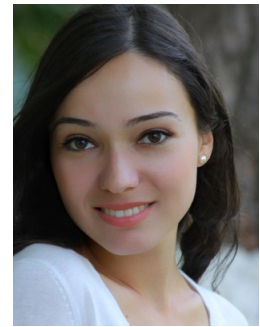
Isachenko, S. V., *Stranitsy istorii nepodtsenzurnoy literatury sovetskoy Kubani (Pages from the History of Uncensored Literature in the Soviet Kuban)*, *Naslediye Vekov*, 2015, no. 2. pp. 79-85. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/10/2015_2_Isachenko.pdf. Accessed Month DD, YYYY.

ХАРАЕВА Ляна Фузельевна
соискатель кафедры русской и зарубежной литератур
Кабардино-Балкарского государственного
университета им. Х.М. Бербекова
г. Нальчик, Россия

Lyana F. KHARAEVA
Competitor for Candidate Degree,
Department of Russian and Foreign Literatures
Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, Russia
kuashevalf@mail.ru

Гендерная деконструкция образа Бэлы в женской литературе Северного Кавказа

Автор статьи на материале повести М. Ю. Лермонтова и рассказа Д. Дамиан рассматривает феномен деконструктивистского прочтения и переосмысления классического «маскулинного» текста с гендерной точки зрения. Как показывает автор, «новая» Бэла символизирует общечеловеческий прогресс и эмансипированную личность.

Ключевые слова: литература, гендер, деконструкция текста, компаративистика, М. Ю. Лермонтов, Д. Дамиан, женский образ, трансформация личности.

Gender Deconstruction of the Image of Bela in the Women's Literature of North Caucasus

The author of the article on the material of the novel by Mikhail Lermontov and the story by D. Damian considers the phenomenon of deconstructive reading and rethinking the classic «masculine» text from the feminine point of view. As the author shows «new» Bela symbolizes universal progress and emancipated personality.

Keywords: literature, gender, deconstruction of the text, comparative studies, Mikhail Lermontov, Dina Damian, female image, transformation of personality.

В гендерных штудиях последних лет замечен интересный опыт художественной деконструкции «маскулинных текстов» с их однозначной мужской оценкой мира и места женщины в нем. В данной статье мы рассмотрим «вторую жизнь» повести М. Ю. Лермонтова «Бэла», которая стала «текстом-предшественником» для рассказа Дины Дамиан (псевдоним Мдины Тлостановой) «Экскурсия» из ее романа «В вашем мире я прохожий». В комментарии к рассказу сама Д. Дамиан приводит один из таких примеров, связанный с романом карибской писательницы Джоан Риз «Широкое Саргассово море», где полностью заново переписывается хрестоматийное произведение Ш. Бронте «Джейн Эйр». Суть «деконструкции» заключается в том, что «безумная» жена мистера Роче-

стера обретает свой собственный голос в романе и излагает свою «женскую» точку зрения на драматические события прошлого.

Главной духовной учительницей писательниц-деконструктивисток является Элизабет Шоре – доктор наук, профессор, специалист по гендерным исследованиям в области славистики, которая своим трудами стимулирует феминистское, деконструктивистское прочтение художественных текстов с постановкой гендерно ориентированных вопросов. В частности, в одной из своих работ она обращает внимание читателей на «прославление в литературе умершей женщины, женского мертвого тела» [5].

В этом смысле под особым «прицелом» находятся произведения М.Ю. Лермонтова, к

которому писатели северокавказского региона испытывают родственные чувства. В 2014 г. в Краснодаре вышел двухтомник статей с примечательным названием «Лермонтов в исторической судьбе народов Кавказа», где автор предисловия И. И. Горлова справедливо отмечает, что «муза Лермонтова неразрывно связана с созданием национальных культур, литературы большинства народов Кавказа» [1, с. 9–14].

Образ черкешенки Бэлы всегда привлекал пристальное внимание кавказских женщин, каждая из которых методом проективной идентификации «прочитывала» ее драматическую женскую судьбу, соизмеряла себя с ней, вступала с ней во внутреннюю дискуссию, спорила с ней или, наоборот, поддерживала ее позицию. В этом отношении большой интерес вызывает лирический цикл «Монологи Бэлы», созданный балкарской поэтессой Т. Зумакуловой, которую можно назвать первым «гендерным деконструктивистом». На самом деле, за 34 года до появления знаменитых литературных «трикстеров» Дины Дамиан, Зумакулова вопреки законам адата, «развязала язык» Бэле, дала ей право высказаться, артикулировать свою «женскую» точку зрения. В первых монологах зумакуловская Бэла пытается вступить в «конструктивный диалог» с Печориным, открыто признается ему в любви, задает ему вопросы, пытаясь пробудить отсутствующее в нем чувство ответственности за ту, которую он «приручил». Наибольшей «гендерной отвагой» отличается последний монолог Бэлы, обращенный к суровым соплеменникам:

Земляки!.. Я ухожу в печали,
Что вокруг звучит чужая речь...
Что ж, браните Бэлу, аульчане,
Что не удалось ей честь сберечь!

Все упреки ваши я приемлю...
Знает лишь всеведущий Аллах,
Как мне больно, что в чужую землю,
Неоплаканный, мой ляжет прах!

Все же злым наветам вы не верьте!
Будь ко мне добрее, мой народ!
Ведь случиться может, после смерти
Имя Бэлы долго не умрет!

Имя той, кого сразила пуля,
В гениальной книге будет жить,
И тогда в родном моем ауле
Оправдают Бэлу, может быть...

[3, с. 189].

Еще один опыт прочтения и истолкования образа Бэлы «кавказской женщиной» мы видим в статье Е. А. Куянцевой «Бэла. Этногендерный портрет». В результате системных и последовательных сопоставлений сводов горского этического кодекса с психологическим обликом Бэлы, автору удалось доказать, что «в целом женское мировидение Бэлы вполне традиционно для кавказского менталитета», но «иногда социальная модель поведения Бэлы выходит за рамки этногендерного стереотипа» [4, с. 266]. С точки зрения этногендера небезынтересны также литературные параллели между пушкинской Татьяной и лермонтовской Бэлой [4, с. 263], в целом подтверждающие мысль гендерологов о том, что мужчины-авторы в своих произведениях отражают полоролевые стереотипы патриархального русского (или кавказского общества) с намеками в подтексте на необходимость их прогрессивных пересмотров.

Настоящую «гендерную революцию» в своих взглядах на лермонтовскую Бэлу совершает Дина – героиня рассказа Д. Дамиан. Для уроженки Кабардино-Балкарии поездка к лермонтовским листам в Пятигорске одновременно становится путешествием вглубь российской истории и истории восточной женщины. Пока дети в экскурсионном автобусе развлекаются в дороге, Дина предается размышлениям о том, что в большинстве «мужских» произведений «героини бессловесны» или «демонически неукротимы», но «мы не слышим их настоящего голоса, а только лишь передачу их слов в косвенной речи автором» [2, с. 52]. Дальше, вступив в своеобразную литературную игру с Лермонтовым, Дина начинает восстанавливать пропущенные «женские» страницы произведения. На глазах у читателя оживают «закрытые», «темные страницы», скрытые от посторонних глаз. Технически все сработано грамотно, по принципу «раскрепощенного женского дневника», содержание которого сравнивается со сдержанно-скупым

текстом Лермонтова-мужчины. Возникает тип письма с двойной оптикой: выделенный курсивом лаконичный текст принадлежит перу Лермонтова, идущий же следом «распахнутый женский текст» (набранный обычным шрифтом) пишется от имени «Дины-корректора». Для наглядности приведем пример:

Лермонтов: «Не знаю, как дело сладили, только поперек седла Азамата лежала женщина, у которой руки и ноги были связаны, а голова окутана чадрой...» – произнес Максим Максимыч и замолчал [2, с. 52].

Дина Дамиан: «В тот роковой вечер Бэла читала книжку, в которой говорилось о дальних странах, разглядывала карты и гравюры с изображением дальних мест. Особенно ей нравилась одна, на которой по бурному морю плыл прекрасный корабль с белыми парусами. Она представляла себя стоящей на палубе и глядящей вдаль. Но в этот момент кто-то схватил ее сзади и повалил на пол, зажав рот рукой. Бэла успела заметить, что это был ее младший братец Азамат. От неожиданности она растерялась, хотя обычно спуску ему не давала. Затолкав ей в рот какую-то тряпку, он связал Бэле руки и ноги толстой веревкой, а на голову накинул покрывало. Содранная кожа на запястьях и лодыжка саднила, дышать было трудно. Бэла все старалась вырваться и не могла понять, что это на него нашло. А маленький, щуплый и слабый Азамат с трудом волок куда-то старшую сестру по земле. Наконец, она почувствовала, что он пытается затащить ее на коня. Бэле было больно, она отчаянно сопротивлялась, но брат так туго затянул у нее на шее покрывало, что она почти задохнулась. Бэла все гадала, для кого ее украл братишка. Наверное, для Казбича. Он давно сватался, да ведь был беден, незнатного рода, и отец за него не отдал бы ни за что. Ехали, к счастью, недолго, но перекинутая через седло, бедняжка очень страдала. Ее трясло и укачивало. Вся кровь прилила к голове и Бэла боялась, что вот-вот у нее носом пойдет кровь, а голова лопнет. Потом лошадь остановилась и она поняла, что уехали недалеко. Послышался лязг отворяемой двери и Азамат стал стаскивать ее вниз. Бэла очень удивилась, услышав голоса, говорившие по-русски. Потом чадра, наконец, сползла и она увидела квадратный

двор крепости. К ней шагнул какой-то человек в военной форме и стал что-то говорить, но перед глазами все плыло, а в ушах звенело. После она лишилась чувств и пришла в себя не скоро» [2, с. 52–53].

Работу, проведенную Диной, можно сравнить с работой археолога, который по полурассыпавшимся фрагментам восстанавливает подлинную картину древнего артефакта, или работой сурдолога, который по бессловесному шевелению губ воспроизводит живой текст глухонемого человека.

Трагическая судьба лермонтовской Бэлы после ее исповедальных рассказов (с помощью Д. Дамиан) кажется еще более трагической, потому что «она была лишь игрушкой, не барышней, но дикаркой, из тех, с кем можно развлекаться, пока ты служишь на Кавказе» [2, с. 58]. Здесь же в доказательство приводится отрывок из письма «Жоржа Печора» своему другу А. Столыпину (по кличке «Конго»): «Думаю, это развлечет меня еще дней десять, а там придется искать новых утех, чтобы позабавить мое увядающее тело. Подамся в Тифлис, грузинки, говорят, тоже горячи! А моя нынешняя пассия, она для дикарки даже очень не дурна, просто горная серна. И такая беленькая, недаром зовут Бэлой! Точеный носик, огромные черные глазищи, только ножки кривоваты, ну да они все здесь такие, воистину» [2, с. 61].

В приведенном письме важную изобразительно-выразительную роль выполняет прием оксюморона, где Печорин в один ряд своих трофеев-приобретений на Кавказе ставит «Бэлу» и «прекрасный кинжал кубачинской работы в ножнах», «персидский ковер», «бутылочку кахетинского и ласки прекрасной дикарки» [2, с. 61]. Совершенным кощунством, (отсутствующим в подлиннике Лермонтова) является эпизод, где Печорин заставляет Бэлу танцевать, зная, что у нее в этот день умер отец» [2, с. 65].

Высшим смыслом «литературных экзерсисов» Дины становится вывод о том, что «Бэла, она не погибла тогда, нет» [2, с. 69]. Дина Дамиан, с осмысленной феминистической позиции, оспаривает сложившуюся в мировой литературе «нехорошую традицию» убивать женщин-героинь в финале произведений и

фактически «реанимирует» Бэлу. Естественно, после восстановления «реальной истории Бэлы» альтернативная концовка повести кажется художественно мотивированной и логически безупречной.

Финал лермонтовской «Бэлы» в редакции Дины завершается своеобразной «кровной мстью» героини своему обидчику. Сравнивая «Лиспет» Киплинга и «Бэлу» Лермонтова, Дина приходит к выводу о том, что Киплинг был милосерднее к своей героине, нежели русский автор, потому что Киплинг «по крайней мере оставил ей выход – уйти назад, к своим» [2, с. 51]. У Бэлы, по мнению Дамиана, была безвыходная ситуация: «ей возвращаться было некуда, ее жизнь была полностью разрушена» [2, с. 51]. В этих условиях Лермонтову оставалось только «убить» свою героиню.

Но осуществить это убийство по общепринятой в мужском мире «литературно-гендерной разнарядке» Дина не дает. В ее художественном воображении воинствующая Бэла, в которой проснулся дух амазонок, рукою всех оскорбленных и униженных женщин сама убивает Печорина «Она достала из-за картины в углу давно припрятанный там тонкий клинок – отцовский подарок Печорину, и подошла к своей жертве. Жорж спал на боку, ничего не подозревая. Его тонкая, беспомощно выставленная и слегка искривленная шея почему то вызывала ассоциацию с птичьей. Рука Бэлы занеслась над ней и на секунду застыла. Зажмурив глаза, как учила бабушка Халимат, когда режешь курицу, она, наконец, нанесла удар. Жорж издал странный булькающий звук, и Бэлу обдало теплой кровью, хлеставшей из сонной артерии. Тщедушный маленький офицерик с рябым лицом и рыжими усиками не успел ничего понять, не успел даже вскрикнуть. Он только конвульсивно взмахнул руками и как-то сразу опал. А Бэла ошарашенно глядела на него, застыв голая над этим уже начинавшим остывать телом, что еще недавно приносило ей столько страданий [2, с. 81].

В приведенном отрывке все смешалось: тут и пародийное начало («как учила бабушка Халимат»), зооморфное снижение образа (режешь курицу») и элементы высокой трагедии.

Дальнейшие метаморфозы, связанные с переодеванием Бэлы в парадный мундир своего несостоявшегося мужа, с одной стороны, подключают сознание читателя к существующему в мировой и национальной культурах архетипу «девушки-кавалериста», а с другой, показывают «равновеликость» женщины и мужчины. Неспроста автор подчеркивает, что мундир «тщедушного маленького офицера» оказался впору хрупкой тоненькой девушке-горянке.

Ассоциации, связанные с архетипическим мотивом амазонок, подчеркивают дальнейшие действия Бэлы, которая «взяла ножницы, отрезала косы одним отчаянным движением, сунула руку в печь и, достав уголек, нарисовала себе «маленькие усики» [2, с. 81].

Безудержное карнавальное мироощущение Дины заводит ее настолько далеко, что в одной из картин кисти Лермонтова в Пятигорском доме-музее поэта она явственно начинает различать «Бэлу, переодетую в Печорина» [2, с. 83]. На наш взгляд, при всей второстепенности, данная картина служит кодом к пониманию художественной концепции «обновленной повести» Лермонтова, особенно если учесть, что на картине изображена «узкая дорожка, по которой идет человек» [2, с. 83]. Как все это расшифровывается с гендерной точки зрения? По нашему мнению, дамиановская Бэла, убившая Печорина, в высшем символическом смысле убила не человека. Она убила собственные психологические комплексы, свое женское закрепощенное сознание и внутренние страхи перед будущим.

По всему тексту книги красной нитью проходит тема дороги, путешествий. Описывая детские годы героини, автор пишет: «Бэла закрывала глаза и тыкала пальцем в карту и находила потом, как называется это удивительное место. Для нее все места были удивительными. Она мечтала, как уедет отсюда далеко-далеко. Она жадно слушала рассказы путешественников – тех, кто побывал хотя бы в России, в Турции, в Сирии или совершил хадж» [2, с. 77]. В финальных страницах произведения мы видим Бэлу-борца, которая «достала билет любой ценой» [2, с. 77]. Подкрепляя символический уровень повествования конкрет-

но-событийным, автор уточняет, что ее героиня, переодетая в мужчину, «тайно села в поезд на станции Кума и отправилась, куда глаза глядят, безо всякой надежды на успех» [2, с. 83].

Высшим смыслом и назначением многочисленных испытаний Бэлы является трансформация ее личности, обретение ею нового

экзистенциального статуса. Она, являющаяся воплощением современной женщины, вышла на дорогу, которая не будет легкой, но подарит полноту бытия со всеми его радостями и горестями. Выход Бэлы на дорогу – знак общечеловеческого прогресса и эмансипации личности.

Использованная литература:

1. Горлова И. И. «Люблю я Кавказ...» (Вместо предисловия) // *Лермонтов в исторической судьбе народов Кавказа: сб. науч. ст. по итогам Всерос. науч. конф. с междунар. участ.* Краснодар: ООО «Экоинвест», 2014. Ч. 1. С. 9–14.
2. Дамиан Дина. В вашем мире я – прохожий... М.: КомКнига, 2006.
3. Зумакулова Танзиля. Избранное: Стихотворения; Поэмы. [Пер. с балк.] / Предисл. Кайсына Кулиева. М.: Худож. лит., 1983.
4. Куянцева Е. А. Бэла. Этногендерный аспект // *Лермонтов в исторической судьбе народов Кавказа: сб. науч. ст. по итогам Всерос. науч. конф. с междунар. участ.* Краснодар: ООО «Экоинвест», 2014. Ч. 1. С. 266.
5. Шоре Э. Феминистское литературоведение на пороге XXI века. К постановке проблемы (на материале русской литературы XIX века) // *Литературоведение на пороге XXI века: Сб. ст. М.: Рандеву-АМ, 1998.*

References:

1. Gorlova I. I. «Lyublyu ya Kavkaz...» (Vместo predisloviya) («I Love the Caucasus ...» (Instead Preamble)), in *Lermontov v istoricheskoy sud'be narodov Kavkaza* (Proc. National Sci. Conf.), Krasnodar: ООО «Ekoinvest», 2014, vol. 1, pp. 9–14.
2. Damian, D., *V vashem mire ya – prokhozhiy...* (In Your World I Am a Passer ...) Moscow: KomKniga, 2006.
3. Zumakulova, T., *Izbrannoe: Stikhotvoreniya; Poemy* (Selected Works: Poems) [transl. from Balkarian language], Kuliev, K., Foreword, Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1983.
4. Kuyantseva, E. A., *Bela. Etnogendernyy aspekt* (Bela: an Ethno-Gender Aspect), in *Lermontov v istoricheskoy sud'be narodov Kavkaza* (Proc. National Sci. Conf.), Krasnodar: ООО «Ekoinvest», 2014, vol. 1, pp. 266.
5. Cheaure, E., *Feministskoe literaturovedenie na poroge XXI veka. K postanovke problemy* (na materiale russkoy literatury XIX veka) (Feminist Literature on the Threshold of the 21st Century. To the Formulation of the Problem (Based on the Russian Literature of the 19th Century)), in *Literaturovedenie na poroge XXI veka*. Moscow: RandeVu-AM, 1998.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Хараева, Л. Ф. Гендерная деконструкция образа Бэлы в женской литературе Северного Кавказа [Электронный ресурс] / Л.Ф. Хараева // *Наследие веков.* – 2015. – № 2. – С. 86-90. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/10/2015_2_Kharayeva.pdf. (дата обращения дд.мм.гг).

Full bibliographic reference to the article:

Kharaeva, L. F., *Gendernaya dekonstruktsiya obraza Bely v zhenskoy literature Severnogo Kavkaza* (Gender Deconstruction of the Image of Bela in the Women's Literature of Northern Caucasus), *Naslediye Vekov*, 2015, no. 2, pp. 86-90. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/10/2015_2_Kharayeva.pdf. Accessed Month DD, YYYY.

НА ПЕРЕКРЕСТКАХ КУЛЬТУР: МАРКО ВОВЧОК

С Северным Кавказом тесно связаны жизнь и творчество классика русской, украинской и французской литературы, писательницы Марко Вовчок (1833–1907). В г. Нальчике в бывшем доме этой выдающейся женщины, расположен сегодня мемориальный музей её имени. Здесь, на территории усадьбы, согласно завещанию, она и похоронена. «Наследие веков» посвящает выдающейся землячке цикл исследовательских материалов.

ТРЕТЬЯКОВА Елена Юрьевна

доктор филологических наук, профессор кафедры русского и иностранного языков и литературы
Краснодарского государственного университета культуры и искусств, г. Краснодар, Россия

Elena Yu. TRET'YAKOVA

Dr. Sci. (Journalism), Prof.,

Department of the Russian and Foreign Languages and Literature,
Krasnodar State University of Culture and Arts, Krasnodar, Russia

drevo_rechi@mail.ru

Этнографический реализм: к проблеме творческого метода (на примере произведений Марко Вовчок)

Рассматривая вопрос о специфике и месте творчества Марии Вилинской, писавшей под псевдонимом Марко Вовчок, в русско-украинской литературной традиции середины XIX в., автор статьи выдвигает идею принадлежности ее наиболее значительных произведений к этнографическому реализму. Показан объем понятия «этнографический реализм»: его связь с устойчивыми опорами христианской духовности, близость к сентиментализму и отличие от романтизма.

Ключевые слова: творчество Марко Вовчок, русско-украинская литературная традиция XIX в., сентиментализм, этнографический реализм.

Ethnographic Realism: to the Problem of the Creative Method (On the Example of Works by Marko Vovchok)

Considering the question about the nature and place of art by Mary Vilinska (who wrote under the pseudonym Marko Vovchok) in Russian-Ukrainian literary tradition of the mid-nineteenth century, the author of the article puts forward the idea of belonging of its most important works to the ethnographic realism. The content of the concept of "ethnographic realism" is shown through its link to sustainable pillars of Christian spirituality, closeness to the sentimentalism and distinction from romanticism.

Keywords: creativity of Marko Vovchok, the Russian-Ukrainian literary tradition of the 19th century, sentimentalism, ethnographic realism.

Выход из постмодернистского кризиса не будет найден, пока понимание книжных / некнижных явлений не изъято из понятийных рамок, вычерченных европейским рацио-

нализмом и учениями, скрещивавшими с ним шпаги на поле эстетических боев. Надо восстановить созерцательный способ культурной самоидентификации, который формирует от-

ношения будущего с прошлым эпически – непосредственно через повествования на живом языке, без менторской указки научных систем и методик. При правильной постановке соответствующего комплекса проблем сложится более глубокий взгляд на наследие русского сентиментализма. В частности, – на его ветвь, связанную с вовлечением в литературный оборот живого простонародного слога, сочно и ярко характеризовавшего носителей диалектной речи (украинцев, казаков, жителей русской глубинки).

Под знаком интереса к таким явлениям и взошла на горизонт русско-украинского литературного процесса счастливая звезда писательницы, о псевдониме которой читаем у Н. С. Лескова: «Девушка Вилинская стала г-жою Маркович, из чего потом сделан ее псевдоним Марко Вовчок» (цит. по: [1, с. 64]).

Мария Александровна Вилинская
(Марко Вовчок) (1833-1907)

Личность и литературную судьбу Марии Александровны Вилинской-Маркович-Лобач то превозносили, то ниспровергали, укоряя писательницу в отсутствии авторского стиля. Наша попытка очертить объем понятия «этнографический реализм» (установить его близость к сентиментализму и его отличие от романтизма) имеет не столько эстетическую, сколько этическую направленность. Эта попытка, как думается, может способствовать нахождению баланса – уравновесит крайности, чтобы не расшатывать устойчивые опоры христианской духовности.

Мы системно разграничим идеальную суть / мифологическую оболочку, чтобы отдельно увидеть язык и речь. В речи целостное предстает как эпос (нарративное проявление духовной субстанции языка). Под мифом мы подразумеваем тип глобального выражения языковой способности народа, формируемый при устном (бесписьменном) развитии этнического языка. Этот способ обобщения информации после изобретения письменности перешел в феномен Вечной Книги народов – книги, концентрирующей в себе качества *духовной родины* носителей многих языков.

В какой мере такая концентрация может называться *литературной*? К ответу на этот вопрос нас приближает то обстоятельство, что миф русской культуры XIX в. *литературоцентричен*: литературный язык смог стать частью того же процесса, которым несколькими веками ранее обеспечивался *религиоцентризм* православной книжности. Книжности, тысячелетие передававшей матрицу древнего (архаического) родового мифа в составе письменного предания аналогично бесписьменно му мифу и фольклору.

На интересующий нас вопрос достаточно полно ответила книга Александра Афанасьевича Потебни «Мысль и язык» (ее фрагменты «Журнал Министерства народного просвещения» печатал с 1864 г., целиком книга вышла в 1995 г.). Ученый разделил национальные языки на два типа: органично развитые и амальгамированные. В отличие от русского языка (органически развитого и давшего золотой век отечественной культуры), национальные языки народов Западной Европы, указал Потебня, на протяжении нескольких столетий подвер-

гались амальгамированию. Их естественному развитию в Новое время мешала вторичная переработка продуктов языковой деятельности. Почему мешала и как? – Дело в том, что пропаганда и систематизация идей *вторична*. Соответствующий тип языковой деятельности начинает господствовать в тех культурах, где преобладают индивидуалистические представления о мире, и это препятствует архаическому *древлению*, которое когда-то сделало миф колыбелью этносов и их природных языков. Когда выработка идей и концепций захватывает всю языковую практику, скопление индивидуализированных дискурсов начинает диктовать свои законы речи устной (**П>У**). В результате этого, примерно через век – около ста лет, за которые истекает жизнь трех физически сопричастующих поколений, – носители национальных языков становятся гораздо беднее своих прадедов. Причиной утрат оказывается сам тип образованности (его называют *западным*) – индивидуалистский, при котором шлейф эклектично переработанных концепций подменяет, заслоняет собой *первичную* передачу культурно-языковой способности народов, прерывая естественное саморазвитие языка как эпического по своей природе, стихийно очищающегося от последствий индивидуализма.

Архаичный фонд мифологии не приспособлен к передаче чего-либо менее емкого, нежели устойчивая матрица рода в целом. Стихии исконных языковых сил древнего мифа нет никакого ущерба, пока письменно закрепляемое книжными памятниками речи знание о мире остается верно эпическим законам. То есть не сковывает приволье неиндивидуалистического самосознания и не отлучает потомков от устной народной поэзии предков.

Достижения просвещенных реформ, в результате которых возник классически совершенный русский литературный язык XIX в., вернули в действие формулу **У>П**. Реалистический ответ на эстетические искания западноевропейской литературы приобщил русский язык Нового времени к неиндивидуалистическому воззрению на мир. Была восстановлена эпическая переработка языкового материала – неиндивидуалистическая куль-

тивация богатств живого языка народа, потенциал которой начал заметно угасать.

И сотни лет не истекло с тех пор, как в русские книги XVIII столетия пришли европейские идеи и нововведения, стало модным воспитывать молодежь на иностранный манер. Уже участники «Полярной звезды», будущие декабристы, горячо заговорили о том, что за поверхностную образованность приходится расплачиваться немалыми утратами. Главную из них так и назвали – *безнародность литературы*. «У нас есть критика и нет литературы, – писал А. А. Бестужев в статье «Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начале 1825 г.», – мы пресытились, не вкушая, мы в ребячестве стали брюзгливыми стариками! <...> Первая заключается в том, что мы воспитаны иноземцами. Мы всосали с молоком безнародность и удивление только к чужому <...> К довершению несчастья мы выросли на одной французской литературе, вовсе не сходной с нравом русского народа, ни с духом русского языка. Застав ее, после блестящих произведений, в поре полемических сплетней и приняв за образец бездушных умников века Людовика XV, мы и сами принялись толковать обо всем вкривь и вкось» [2, с. 548].

Это произошло на почве словесности русской, но оказало благотворное влияние на становление словесности народов, с которыми у русского народа в Средние века была общая вероисповедная традиция. (Не случайно тогда «Мать русских городов» Киев и ряд других университетских и провинциальных городов Украины в XIX в. вышли на передовую линию фольклорно-этнографической деятельности.)

По мнению Л. Я. Гинзбург (глава «Школа гармонической точности» книги «О лирике», объединившей ее работы 1964–1974 гг.) установку на гармоничное равновесие письменных / устных моментов речевого развития начали выдерживать писатели, у которых учился Н. М. Карамзин (Ю. А. Нелединский-Мелецкий, И. И. Дмитриев и др.). Принцип «Пиши, как говоришь, и говори, как пишешь» был последовательно применен при карамзинско-пушкинских реформе литературного языка. Его освоили столь гибко, он заработал столь естественно, что занятые тео-

риями умы, даже не будучи в силах постигнуть суть, признали «пушкинское начало» пульсом жизни, примером для создания лучших образов отечественной словесности.

Ученые-позитивисты не преуспели в объяснении этого начала, поскольку были безразличны к апофатическим компонентам культурного бытия. Преемственность русско-го сентиментализма с христианским онтологическим реализмом не была ими замечена. Они смотрели на сентиментализм либо как на что-то малозначимое, либо как на подвид романтизма. «Сентиментализм (сентиментальный романтизм) принес внимание к внутреннему миру человека, проникновенный лиризм и “смятенность” чувств» [3, с. 3] – вот характерный пример контаминации, в результате которой окрашенная индивидуализмом (и более поздняя по времени возникновения) система представлений заслоняет собою представления неиндивидуалистические (возникшие гораздо ранее нее). Получается эклектика и анахронизм.

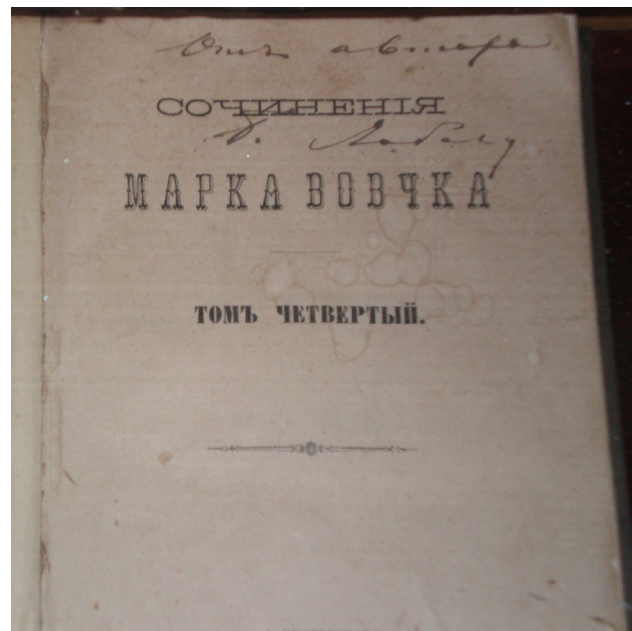
Анахронизмов желательно избегать и при анализе творчества писательницы, корень лучших литературных достижений которой связан с творческим методом русского сентиментализма.

М. А. Вилинская (1834–1907) – уроженка Орловского края. В 17 лет она вышла за Афанасия Васильевича Марковича и была увезена им на Черниговщину, где с жаром разделила любимейшее увлечение, дело всей жизни своего мужа – собиранье украинского фольклора. Ее успехи в овладении украинской мовой не прошли незамеченными. Молодая «пані родилась у Московщині», но «так врозумила <...> красоту нашего слова і наче піснею заговорила!» – восхищался П. А. Кулиш тем, как быстро она научилась изъясняться на малороссийском наречии. Эти полные искреннего удивления строки мы взяли из его письма к жене (А. Стороженко, литературный псевдоним – Ганна Барвинок), тоже писавшей рассказы под влиянием «Вечеров на хуторе близ Диканьки».

Само желание автора «Записок о Южной Руси» поставить в пример Ганне Барвинок успехи госпожи Вилинской-Маркович показывает, что ее «оповідання» он находил более удачными. В отзывчивой душе Марии сказывалось

более тонкое чутье к прозрачно-чистой речи, к оттенкам человеческих эмоций, которыми пропитан живой народный язык.

У скольких людей такое чутье, даже будучи довольно сильным, не переходит в позыв к литературному делу, оставаясь просто талантом рассказчика... У скольких чутье притупляется, когда ослабла острота этнографической новизны! Обычному человеческому уху, как только оно свыклось с повседневным фоном речи, особенности произношения слов перестают быть слышны. Чуткость не притупляется лишь у писателя, – и то не всякого, а того, кто носит в себе и пестует слуховой дар, как музыкант носит и пестует дар мелодического слуха. Осмелимся высказать предположение о том, почему позыв живой речи не угас в душе Марии Маркович, как эхо в пустом доме, а дал домашнее тепло, загудел-запылал, как разгоревшийся очаг.

Титульный лист четвертого тома прижизненного издания сочинений Марко Вовчок с дарственной надписью автора

«Тебе ж нет отзыва. Таков и ты, поэт», – изрек Пушкин, характеризуя поэта-романтика. Эхо без отзыва – тема элегий об одиночестве. А любовь к простонародному слогу развеивает и печаль, и даже само чувство одиночества. Услышанный строй народной речи и мысли нес к «молодой пани» не волны романтической тоски, а живую воду сострадания.

Эту чистую колодезную воду ей хотелось черпать и нести в своих ладонях так, чтобы она не утекала сквозь пальцы; чтобы поила человеческую душу, а не горячий песок.

Любовная привязанность росла и крепла именно оттого, что Мария Александровна пыталась импровизировать в том же духе. Пером водили разные чувства. Но это не был холодный элегизм или буйное бунтарство, воспетое в стихах Н. А. Некрасов: «У каждого крестьянина / Душа, как туча черная. / Громам греметь оттудова, / Кровавым лить дождям». В рассказах молодой писательницы теплился внутренний свет симпатичного ей разговора, душевный склад которого дороже всего тем, что прозрачен и безоблачен, как синее небо.

«Ничего подобного еще не было в литературе нашей». Письмо Пантелеймона Кулиша, из которого мы взяли это утверждение, переполняла радость: «...Какой язык! Какие формы! Чудо, чудо!<...> это золотое дно для будущих малороссийских писателей. Вот этнография – вот она! Так должно рассказывать о народе! Так надо сочувствовать народу!<...> Но главное – как почувствовано достоинство характера народного! Одни только песни лучше этих речей!» [4, т. 1, с. 8].

Опытный литератор заметил отсутствие установки на вымысел: «Важно здесь то, что нет вымысла, *все было, все случилось* и рассказано именно так, как было и случилось». Но вопреки своему пронизательному наблюдению сам не мог окончательно отрицать понимание литературного творчества как авторского. Поэтому добавил, что «жена Марковича – это гениальная актриса, которая принимает на себя образ молодыц и бабушек наших и лицедействует за них так, что не везде угадаешь, что взято с натуры, а что при сочинено в порыве авторского вдохновения». Однако, как мы уже сказали, не актерство (романтическая поза или игра), а стремление всецело раствориться в сочувствии и научиться говорить о милосердии не ради себя самой возобладало в рассказах Марко Вовчка, написанных на украинском языке. В пролившейся как бы с чьих-то хорошо знакомых, но не твоих собственных уст речи была особая степень искренности: концентрация ничем

не разбавленного сострадания к ближним оказалась более высокой, чем в жанрово-стилевых разновидностях собственно-авторского слова.

Русский читатель познакомился с этими вещами, очень близкими к устному народному сказу, благодаря И. С. Тургеневу («Украинские народные рассказы» вышли в мае 1859 г.). Личные впечатления Ивана Сергеевича от встречи с автором переведенных им произведений показали, что и в жизни она чужда искусственности. «...Г-жа Маркевич (писавшая малороссийские рассказы под именем Марко Вовчка), премилая женщина, которая так *выглядит* (как говорят петербуржцы), как будто не ведает, какую рукою берется перо» [1, с. 96] (Подчеркнуто автором. – Е. Т.). Такой манерой окрашены и письма Марии Александровны. Отсылая в 1878 г. переводные и оригинальные произведения Н. А. Александрову, она потребовала не печатать придуманное издателями «Русской газеты» оповещение, что «литератор путешествует с специальной целью»: «Зачем непременно “литераторы”? Чем не рекламнее объявление, тем, по-моему, это лучше» [5, с. 184].

С годами способность всецело жить делами и заботами ближних в ее характере нарастала. Она была стойким героическим борцом за судьбы тех, кому приходилось матерью, женой, другом или просто случайно встреченным благодетелем. Марию Вилинскую-Маркович-Лобач не страшило бремя хлопот о больных, страждущих от нужды, гонимых за свои убеждения людях. Заботливость и большую самоотверженность подтверждают эпизоды, отраженные в письмах И. С. Тургенева, в горячих излияниях души Д. И. Писарева, в проникнутых огромным почтением к ней посланиях П.-Ж. Этцеля (Сталя). Непомерную щедрость госпожи Маркович, ее всегдашнюю нерасчетливость в деньгах, отдаваемых всякому, кто просит, не могли отрицать даже ее соперники и недоброжелатели.

Не так важно, из книг ли, от встреченных ли в жизни людей были впитаны эти личностные качества. Обобщенные самобытно-русским манером, они сблизили ее «этнографический реализм» с реализмом эпическим. То, что в основе обоих методов лежит апофатический

компонент (самое ценное, сокровенное люди понимают без слов и воспроизводят, не называя), следует по достоинству оценить и разъяснить в литературоведении.

Итак, первая книга украинских рассказов молодой писательницы увидела свет в ноябре 1857 г. В январе 1859 г. Мария Маркович приехала в Петербург, где состоялась ее первая встреча с Т. Г. Шевченко. В стихотворении «Марко Вовчку» (17 февраля 1859 г.) Тарас Григорьевич приветствовал ее словами: «Моя ти доне!». Мы вновь обращаемся к знаменитому, многократно упоминавшемуся произведению, чтобы добавить не совсем верно оцененную в советском литературоведении ранее деталь. Шевченко сказал: «Из домовини воззову» (из гроба) «думу вольную на волю». Заметим: воскресить думу, по Кобзарю, может лишь «кроткий пророк» («Твоею думу назову»). Он энергично и безоговорочно подчеркнул, что не «побите / Убоге сердце неукрите, / Голоднее», а «виблаганне сердце» обличителя «людей неситих» (в том числе и его самого, бунтаря) – наиболее верный залог того, «Щоб наша правда не пропала, / Щоб наше слово не вмирало». Как высоконравственна эта черта широкой души – мудрое преклонение бунта перед смирением!

В ту зиму интерес к произведениям Марко достиг апогея. «...Марко Вовчок коло мене. Він сизим голубом гуде і соловейком співає. Він <...> мені на світи задержує», – признавался Кулиш в письме к А. Г. Милорадович [1, с. 96]. Полгода спустя Тургенев напишет Марии Александровне: Костомаров (тогда активный член Кирилло-Мефодиевского братства, в будущем автор большого труда по истории России) «жил Вами и для Вас», а теперь испытывает «душевный голод», который нельзя обмануть, «наполняя себя какой-нибудь посторонней пищей» [Там же]. 15 февраля Иван Сергеевич (письмо В. И. Павлову) подчеркнул, что повести «Институтка» присуща сила и свежесть, какой, «кажется, не было – и все это растет само из земли, как деревцо» [1, с. 95]. Автор «Записок охотника» сделал перевод и этой повести. В годы «либеральной весны» власти умов русской публики приветствовали «этнографический реализм» как предвестье благих перемен.

Новый повествователь из гущи народной дорисовал «сестринскую» (сказительницами часто выступали женщины) ипостась к образу Рудого Панька и иных повествователей из «Вечеров на хуторе близ Диканьки». И эта ипостась выдержала сравнение как с лапидарными образцами литературного языка, так и с живыми образцами чистой народной речи. Такой как в рассказе «Сестра».

Цитируя этот очень характерный для стиля народных рассказов писательницы фрагмент, мы выделим части, обнаруживающие такой же расклад речевых проекций, как и в эпосе. Нарратив стереоскопически совмещает разные одновременные и не одновременные (с дистанции лет) срезы восприятия событий. Речь ведется с позиции первого (Я, МЫ), третьего (ОН, ОНИ), второго лица (ТЫ, ВЫ), что проработано особенно широко. Это и понимающий слушатель, зритель, и читатель – все добрые люди. Речь от первого лица мы подчеркнем одной чертой, от третьего – выделим курсивом, наиболее емкие «нейтральные» фрагменты, объединяющие слово, поданное от второго лица и от *всего мира* (подразумевая мир станичников, соотечественников, мир добрых людей), дадим без особых графических выделений. Пояснения в фигурных скобках послужат перечислению видов речевой проекции.

«Только и в мыслях, что Павло; только и думки в голове, как бы поскорей с ним увидеться.<...> Опоздает на гулянье – я все глаза выплачу {субъективная речь с позиции Я}.

А тут после Семенова дня, на другой же день – мне и не гадалось, и не снилось {субъективная речь с позиции Я} – он посватался за меня. Отец благословил. Даром, что захожий {субъективная речь с позиции МЫ и ОН говорят героиня и отец героини}, а такой славный хозяин Павло, что и на стороне всякий его знал. {объективная речь с позиции ОНИ – от всех мирян} Привез меня муж на свой двор, – и Боже мой, как же мы с ним хорошо, дружно жили!<...> Бывало, к нам в хату заглянуть весело {объективная речь с позиции односельчан, навещавших дом героини}. Сидим, словно в веночке; сидим, работаем, или так себе разговариваем всегда вместе {объединение всех речевых позиций: Я – героиня, ОН – Павло, «веночек» над их головами видят захожие гости}.

Вдруг – о горе мое несказанное {субъективная речь с позиции Я} – разнемогся мой Павло! Чего я не делала: и к знахарям, и к лекарям кидалась, – никто пособить не мог. *Смерти, говорят, не отперти* {объединение всех речевых позиций в обобщенно-личностном значении пословицы, подчеркнутое словом «говорят»}. Умер Павло» [4, т. 1, с. 24].

Неизбежные сопоставления с Гоголем обязывали «поддерживать планку», но Марко Вовчок никогда не гналась за сугубо-литературными приемами мастерства. С 1860-х гг. и далее, в своих «Сказках», в переводах (особенно произведений для детского чтения) она тяготела к манере, свойственной приверженцам устного рассказа. Этой манере свойственны прямые обращения к читателю-слушателю: «Кто бывал на Украине? Кто знает Украину? Кто бывал и знает, тот пусть вспомнит, а кто не бывал и не знает, тот пусть себе представит, что там везде в деревнях белые хаты при вишневом садике и весною... весною там очень хорошо, когда все садики зацветут и все соловьи запоют» [4, т. 2, с. 59]. Этот заповедь к сказке «Кармелюк» являет собой такой же «балет слов», как в средневековых балладах (жанровое понятие «баллада» по происхождению родственно слову «ballitmo» – «старинный хороводный танец»). Многочисленные повторы, волновой наплыв-откат фигур речи (вязь приемов синтаксического параллелизма) и вправду делают течение слов в рассказе хороводным.

Все, что выходило из-под пера более узким, нежели поток разговорной речи на органично развитом языке, казалось этой писательнице «голым». Именно такое слово употребила она, обсуждая в сентябре 1905 г. с Богданом Афанасьевичем Марковичем возможность публикации рассказа «Встреча» в какой-нибудь из столичных газет. Мария Александровна разрешила сыну: «Можешь сократить рассказ, как найдешь нужным» и тут же добавила: «...Хотя как бы не было голо. Я посмотрю и сама, и попробую сократить. Голо, модно, но... голо» [5, с. 289].

Вторая половина 1860-х принесла на смену «этнографическому реализму» иные веяния. Издания на украинском языке были запрещены. Резкая перемена обстоятельств

пресекла возможность публиковать в России украиноязычные повести и рассказы. На стержне литературных споров маячил критический реализм. Будучи искренним другом «журнальных бунтарей», настоятельно обращавших ее в свою веру (ее собственные слова о Н. А. Добролюбе), Мария Маркович по неосознанному внутреннему убеждению не перечеркнула прежнего своего писательского кредо.

Была ли это верность самой себе? – Скорее, чуткость доброго сердца к эпической энергетике фольклорного предания.

Не науки (сколь бы ни старались философы и ученые), а эпическая поэзия передает механизм саморазвития этносов, на котором искони зиждется живой язык. Матрица эпоса – скрижаль, на которой запечатлен код жизни рода человеческого. И она сохранена наследием славянских литератур, широко объемлющим перспективу / ретроспективу устойчивой передачи словесно-жизненного наследия из века в век: не отменившим формулу развития У>П, не подчинившимся псевдомифологии (научным идеям позитивизма, практике модернистского искусства).

Постановка соответствующей проблемы не будет расплывчатой, если опереться на прочную огранку христианской духовности. Такая огранка присутствовала в «философии сердца», которую русские сентименталисты черпали из учения Григория Сковороды, тоже критиковавшего западный просветительский рационализм. На наш взгляд, интуитивное объединение «этнографического реализма» с сентиментализмом в произведениях Марко Вовчка тоже по-своему обнаружило, что кристаллизация нравственных начал очищает книжный опыт от слоев «песка», под которыми скрыты скрижали.

В «Народніх оповіданнях» восторжествовал не романтический (назовем его центробежным, так как он предполагает *излияние*, самовыражение страстей), а сентиментальный (назовем его центростремительным, так как он требует вникнуть в душевные глубины, для которых *нет слов*) тип отношения к изображаемому. Представив эти типы отношения как крайние точки вектора-радиуса в шаре, можно убедиться в том, что вектор

смысла идет от поверхности к середине сферы – к сердцевине *заговорившего народного мира*, который *услышан совестью* (рассказчика, читателя). При сочувственном понимании оповідань становится очевиден эпический характер присущего им метода изображения. Метода не авторского, а общенародного, фольклорного.

Таким образом, мы опробовали инструментарий научных представлений, отделяющих тип развития речевой культуры, в котором преобладает письменное начало (П>У), от типа развития, поддерживающего естественное древление мифа (У>П). Соответствующий теоретико-методологический подход к книжным /некнижным компонентам мифа национальной культуры не противоречит тезису о том, что религия – вечный источник поэзии у всех народов. Так говорил А. С. Пушкин. Гармония «пушкинского нача-

ла» зеркально передала в будущее многовековой опыт, аккумулированный средневековой книжностью славян.

Эта книжность до XVII в. была общим достоянием ныне обособленных народов: русского, украинского, белорусского (Великой, Малой и Белой Руси). Эстетические концепции западноевропейского Просвещения стремились отмежевать Новое время от *единого* в религиозно-философском смысле достояния. Но религиозный центризм средневековой книжности и литературоцентризм (точнее сказать – опора на эпический стержень языкового сознания и эпическую литературу) русской культуры золотого века воспрепятствовали этому.

Мы полагаем, что проделанное соотношение категорий «этнографический реализм» и «русский сентиментализм» полезно для уточнения состава явлений эпического реализма.

Использованная литература:

1. Брандис Е. П. Марко Вовчок. М.: Молодая гвардия, 1968.
2. Бестужев-Марлинский А. А. Сочинения: в 2-х т. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1958. Т. 2. С. 548.
3. Минералов Ю. И. История русской словесности XVIII в.: учеб. пособ. М.: Владос, 2003.
4. Марко Вовчок. Собрание сочинений: в 3-х т. М.: Известия, 1957.
5. Марко Вовчок. Твори: в 7 т. Київ: Наукова думка, 1964–1967. Т. 7. Кн. 2.

References:

1. Brandis, E. P., *Marko Vovchok* (Marko Vovchok), Moscow: Molodaya gvardiya, 1968.
2. Bestuzhev-Marlinskiy, A. A., *Sochineniya* (Writings), in 2 vols., Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoy literatury, 1958, vol. 2, p. 548.
3. Mineralov, Yu. I., *Istoriya russkoy slovesnosti XVIII veka* (History of Russian Literature 18th Century), Moscow: Vlados, 2003.
4. Vovchok, Marko, *Sobranie sochineniy* (Collected Works), in 3 vols., Moscow: Izvestiya, 1957.
5. Vovchok, Marko, *Tvori* (Works), in 7 vols, Kiev: Naukova dumka, 1964–1967, vol. 7, book 2.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Третьякова, Е. Ю. Этнографический реализм: к проблеме творческого метода (На примере произведений Марко Вовчок) [Электронный ресурс] / Е. Ю. Третьякова // Наследие веков. – 2015. – № 2. – С. 91-98. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/10/2015_2_Tretyakova.pdf. (дата обращения дд.мм.гг).

Full bibliographic reference to the article:

Tretyakova, E. Yu., *Etnograficheskiy realizm: k probleme tvorcheskogo metoda* (Na primere proizvedeniy Marko Vovchok) (Ethnographic Realism: to the Problem of the Creative Method (On the Example of Works by Marko Vovchok), *Naslediye Vekov*, 2015, no. 2, pp. 91-98. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/10/2015_2_Tretyakova.pdf. Accessed Month DD, YYYY.

ВЕТОШКИНА Зинаида Анатольевна

кандидат филологических наук, доцент,
эксперт учебно-консультативного центра «Ракурс»

г. Краснодар, Россия

Zinaida A. VETOSHKINA

Cand. Sci. (Theory of Language), Assos. Prof.,
Expert, Training and Consulting Center «Perspective»,

Krasnodar, Russia

petr-pervy@yandex.ru.

Лирическая основа прозаического цикла «Рассказы из народного русского быта» Марко Вовчка

Автор анализирует «Рассказы из народного русского быта» М. Вовчка с точки зрения поэтики лирического цикла как целостный художественный текст.

Ключевые слова: Марко Вовчок, циклическая форма, лирический сюжет, циклообразующие факторы.

The Lyrical Basis of the Poetic Cycle «Tales from the Russian Folk Life» by Marko Vovchok

The author analyzes the «Tales from Russian Folk Life» by Marko Vovchok as a complete literary text from the point of view of the poetics of lyrical cycle.

Keywords: Marco Vovchok, cyclic form, lyrical theme, cycle-forming factors.

Мария Александровна Вилинская, творившая под псевдонимом Марко Вовчок, известна прежде всего как украинский автор. На вопрос И. С. Тургенева, какого писателя ему читать, чтобы «поскорее выучиться малороссийскому языку», Т. Г. Шевченко ответил: «Марко Вовчка! он один владеет нашей речью!» [2, с. 76]. Но молодую, демократически настроенную писательницу интересовала не только украинская, но и русская народная жизнь. Оказавшись в Украине, Мария Александровна хорошо помнила родные, услышанные ею в Орловской губернии народные песни, пословицы, поговорки. Русский фольклор стал одним из источников цикла «Рассказов из народного русского быта», которые имели успех не меньший, чем «Народні оповідання». «Не успели еще украинские читатели проникнуться поэтической прелестью и осознать в полной мере общественное значение рассказов

Марко Вовчка, как новое имя засверкало и в русской литературе», – пишет по этому поводу исследователь творчества писательницы Е. П. Брандис [2, с. 76].

Рассказы, входящие в цикл, объединяет, в первую очередь, сказовая манера повествования. Задушевная речь рассказчицы, простой крестьянки (в качестве повествователя выступают разные личности, обладающие, однако, сходными качествами), позволяет читателю сразу настроиться на лирическую волну восприятия очередной истории о горькой женской доле: «Не родись ты пригож, а родись счастлив, говорят, и правду говорят истинну! Меня в молодости красавицею величали, а счастье-то моё какое?» («Маша» [3, с. 17]). Рассказчица всегда говорит о тех, кого лично знала, чья жизнь проходила у нее перед глазами: «Я ее давно, давно знаю: мы из одной деревни; вместе в куклы играва-

ли» («Саша» [3, с. 42]); «Работница она была славная, никто ею не тяготился, всякий еще рад был; потом мы ее просили, она к нам перешла» («Надежда» [3, с. 3]) (только в «Игрушечке» пожилая крестьянка рассказывает о себе самой, но это произведение по всем качествам несколько отличается от остальных). Она обычно сочувствует героине («Надежда», «Саша», «Катерина»), стремится ей помочь, а если поступает по отношению к ней несправедливо, то признает это и старается исправить. Так, в рассказе «Катерина» дети жестоко подшутили над девочкой, которая, разглядывая вышивку на своей рубашке, настолько оказывается погруженной в одинокую тоску по родной стороне, что не замечает происходящего вокруг: «Мы ухнули на нее – и не дослышала; а как с хохотом вбежали, испугалась и заплакала...» [3, с. 32]. И тут же героиня, от лица которой ведется повествование, подчиняется иному порыву: «Жалко мне ее тогда стало; я обнимаю ее, а она меня тихонько отталкивает, отталкивает» [3, с. 32].

Примечательно, что и в характере главных героинь, при всем их разнообразии, много общего. Каждая из них – натура сильная, с чувством собственного достоинства, мужественно принимающая свою судьбу, не ожидая ни от кого ни помощи, ни жалости. Крепостная крестьянка Маша, рискуя навлечь на себя и на близких немилость барыни, много лет отказывается от подневольного труда; Катерина, едва не погибшая на чужбине, находит себя в том, что начинает лечить людей – становится знахаркой; купеческая дочь, героиня одноименного рассказа, внешне подчиняясь мужу, простому работнику, духовно не покоряется ни ему, ни обстоятельствам.

Каждая история, рассказанная Марко Вовчком, по-своему трагична (за исключением, может быть, рассказа о Маше, добившейся освобождения от крепостной зависимости). Предательство любимого человека приводит Сашу и Надежду к гибели, не складывается семейная жизнь у Катерины и Анны Акимовны. Причину всех несчастий автор видит в «уродливых социальных отношениях», которые наиболее ярко показаны в «Игрушечке». Являясь собственностью господ – вовсе не злых людей, – превращаясь в их забаву, Грушечка

лишается надежды на личное счастье: ее жених продан другому хозяину, ей же приходится оставаться с прежними. И хотя героиня не умирает от горя, жизнь ее напоминает смерть: «Много времени с той поры прошло, ... много тоски, много скуки едкой пережито... Только сердце забьется, только душа повлечет – видится мне впереди пустая степь безбрежная, дальняя дорога, да тоска жгучая, да слеза одинокая» [3, с. 120].

Последовательность рассказов в сборнике также не случайна. Начинаясь с несколько условных, явно перекликающихся с фольклорными сюжетами «Надежи», «Маши», «Катерины», цикл продолжается произведениями, образы героев которых становятся все более реалистичными, автор показывает в них эволюцию характеров, обладающих яркими индивидуальными особенностями. В финальном рассказе «Игрушечка» психологизм повествования достигает своей кульминации: объем произведения, приближающегося к небольшой повести, позволяет автору не ограничиваться скупыми характеристиками персонажей; выбранная же форма исповеди главной героини отражает не только все ее душевные переживания, но и верные наблюдения незаурядной крестьянской девушки, умеющей по достоинству оценить человеческие качества всех, кто встречается на ее жизненном пути. Следовательно, все шесть рассказов объединяются в цикл, который имеет свой внутренний лирический сюжет.

Таким образом, можно сказать, что «Рассказы из народного русского быта» – не просто сборник, а циклическая форма, целостный художественный текст более высокого уровня, циклообразующими факторами которого являются общие характерные черты повествователя [это простая крестьянка, обладающая тонкой наблюдательностью, высокими нравственными принципами, поэтической натурой, сказывающейся на манере повествования], сходство индивидуальных особенностей главных героинь [отличающихся чувством собственного достоинства, самодостаточности], совпадение основного конфликта между личностью и социальным окружением, а также – наличие общего внутрициклового сюжета.

Использованная литература:

1. Афолина Е. Ю. К определению понятий «цикл» и «циклизация» // *Парадигмы*. Сб. ст. молодых филологов. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2003. Вып. 2. С. 17–25.
2. Брандис Е. П. Марко Вовчок. М.: Молодая гвардия, 1968.
3. Вовчок М. Рассказы из народного русского быта. Симферополь: Крымиздат, 1956.
4. Сухорукова Н. В. Тайноведческий сюжет цикла-раздела «Звезда полынь» М. Волошина // *Литература в диалоге культур-2*. М-лы междунар. науч. конф. Ростов-на-Дону: Комплекс. 2004. С. 94–97.

References:

1. Afonina, E., Yu., K opredeleniyu ponyatiy «tsikl» i «tsiklizatsiya» (To the Definition of «Cycle» and «Cyclization»), in *Paradigmy. Sbornik statey molodykh foilologov*, Tver: Tverskoy gosudarstvennyy universitet, 2003, vol. 2, pp. 17–25.
2. Brandis, E. P., *Marko Vovchok* (Marko Vovchok), Moscow: Molodaya gvardiya, 1968.
3. Vovchok, M., *Rasskazy iz narodnogo russkogo byta* (Tales from the Russian Folk Life), Simferopol: Krymizdat, 1956.
4. Sukhorukova, N. V., *Taynovedcheskiy syuzhet tsikla-razdela «Zvezda polyn'» M. Voloshina* (The Mystery-Study Plot of the Cycle-Section «Star Wormwood» by Max Voloshin), in *Literatura v dialoge kul'tur-2* (Proc. International Sci. Conf.), Rostov-on-Don: Kompleks, 2004, pp. 94–97.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Ветошкина, З. А. Лирическая основа прозаического цикла «Рассказы из народного русского быта» Марко Вовчка [Электронный ресурс] / З.А. Ветошкина // *Наследие веков*. – 2015. – № 2. – С. 99-101. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/10/2015_2_Vetoshkina.pdf. (дата обращения дд.мм.гг).

Full bibliographic reference to the article:

Vetoshkina, Z. A., *Liricheskaya osnova prozaicheskogo tsikla «Rasskazy iz narodnogo russkogo byta» Marko Vovchka* (The Lyrical Basis of the Poetic Cycle «Tales from the Russian Folk Life» by Marko Vovchok), *Naslediye Vekov*, 2015, no. 2, pp. 99-101. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/10/2015_2_Vetoshkina.pdf. Accessed Month DD, YYYY.

НОВИКОВА Валерия Юрьевна
кандидат филологических наук, доцент,
кафедра русского и иностранных языков и литературы
Краснодарского государственного университета культуры и искусств
г. Краснодар, Россия
Valeriya Yu. NOVIKOVA
Cand. Sci., (Theory of Language), Assoc. Prof.,
Department of Russian and Foreign Languages,
Krasnodar State University of Culture and Arts, Krasnodar, Russia
gandzi@yandex.ru

Литературная полемика вокруг сборника Марко Вовчок «Рассказы из русского народного быта»

В статье рассматривается специфика литературной полемики вокруг сборника Марко Вовчок «Рассказы из русского народного быта» и анализируется реакция русской журнальной среды на ее раннее творчество в 60-е гг. XIX в.

Ключевые слова: литературная критика, идея, художественные достоинства текста.

Literary Dispute Revolving About Marko Vovchok's «Tales from the Russian Folk Life»

The article deals with peculiarity of literary dispute over Marko Vovchok's collection of «Folk Stories». The reaction of Russian journalistic sphere on her early works (60s of 19th century) is also analyzing.

Keywords: literary criticism, idea, artistic merit of the text

История развития литературной критики – это гигантское поле боя представителей разных эстетических, художественных и политических концепций. Объективность желанна, как прекрасный дантовский Рай, но недостижима для критика. Золотая середина – не для критика. Его труд всегда был осложнен проблемой выбора между двумя равновеликими задачами, стоящими перед литератором. Что первостепенно для оценки литературного произведения – идейная составляющая, помимо всего прочего демонстрирующая без прикрас психологический портрет самого автора, или художественные достоинства текста, демонстрирующие уровень писательского таланта?

Первый рассказ из будущего сборника – «Маша» – появился в начале 1859 г. в славянофильском журнале «Русская беседа». В том же 1859 г. «Рассказы из русского народного быта»

вышли из печати в Москве отдельной книжкой, где под одной обложкой были собраны уже шесть рассказов. Это издание вызвало нешуточную литературную полемику. Автором книги была писательница Мария Вилинская-Маркович, публиковавшаяся под псевдонимом Марко Вовчок. Но характерной особенностью споров, развернувшихся вокруг этого издания, стал тот факт, что личность автора и принципиальный уровень его литературного дарования беспокоили критику в меньшей степени, чем баланс между художественными достоинствами и идейностью текста. Проблема заключалась в различии эстетических взглядов на искусство в целом, сами же произведения Марко Вовчок, рассматриваемые критикой противоположных лагерей, волновали спорящих намного меньше.

Молодое поколение «утилитаристов», возглавляемых Н. А. Добролюбовым, рассказы

Марко Вовчок заинтересовали прежде всего как литературное отражение лелеемой ими позиции относительно остатков крепостничества в общественной жизни России конца 1850-х гг. Вопрос о «свободе мужика», волновавший демократически настроенные круги русской интеллигенции середины XIX в., и споры вокруг «готовности мужика» к раскрепощению и «самостоятельности» к тому времени уже давно и неоднократно поднимались на страницах русской прогрессивной прессы. Появившиеся в печати «Рассказы из русского народного быта», как и предшествующий сборник «Украинские народные рассказы Марка Вовчка» («Народні оповідання») в переводе И. С. Тургенева, предоставили «утилитаристам» возможность на конкретном примере доказать свою правоту при анализе шести рассказов, входящих в сборник.

В 1860 г. в некрасовском «Современнике» выходит статья Н. А. Добролюбова «Черты для характеристики русского простонародья («Рассказы из народного русского быта» Марка Вовчка. Издание К. Солдатенкова и Н. Щепкина. М., 1859)». Эта публикация стала одной из типичных добролюбовских статей, где автор разбираемого им произведения остается почти в стороне, и вся задача критика заключается в том, чтобы на основании анализа прочитанного текста обсудить проблемы общественной жизни России. Идеиная позиция, занятая Марко Вовчок в этой книге, волнует его куда больше, чем художественные достоинства самих рассказов; Добролюбов одобрительно отзываясь об авторе как о «почти первом и весьма искусном» борце с крепостничеством. «Именно, пользуясь книгою Марка Вовчка, мы хотели привлечь внимание людей пишущих на вопрос о внешнем положении и внутренних свойствах народа [готового теперь вступить в новый период своей жизни]. До сих пор мы слышали самые разноречивые отзывы о нашем простонародье, и – нечего скрывать – всего громче высказывались [самые] невежественные и враждебные мнения», – пишет Добролюбов. – «Литература, по своему существу долженствующая быть проводником идей просвещенных, а не невежественных, сделала, однако, очень мало по этому вопросу... мало наберем мы людей, которые

бы с любовью и знанием дела старались восстановить пред публикой достоинство народа и защитить его [полное] право на [участие во всех преимуществах гражданской жизни]. Против мракобесия и палки восставали много; но и тут самые блестящие статьи были написаны с точки зрения отвлеченного права и общих требований цивилизации [, и едва ли была хоть одна статья, в которой бы толково разбиралось, до какой степени и при каких условиях наш народ может обойтись без палки и не получить вреда от грамоты]. Видно, к сожалению, что литература наша еще мало имеет общего с народом. Участь рассказов Марка Вовчка служит новым тому доказательством; уже около двух лет они известны публике из «Русского вестника»; в начале нынешнего года вышли они отдельной книжкой, а журналы наши до сих пор едва сказали о них “несколько теплых слов”, по журнальной рутине» [1, с. 224–225].

Добролюбов отмечает, что в «Рассказах из народного русского быта» Марко Вовчок даже не старается, как в прежних, выставлять перед читателями преимущественно то, что называется обыкновенно «злоупотреблением помещичьей власти» и является сюжетной основой произведений из первого сборника рассказов. Автор теперь рассматривает обычные, по его словам, ситуации, составляющие нормальное положение крестьянина у помещика, не злоупотребляющего своими правами над ним, и «кратко, без гнева, без горечи рисует нам это [грустное, безотрадное] положение» [1, с. 225]. В результате из этих очерков восстает перед читателями характер русского простолюдина, сохранивший основные черты свои посреди всех обезличивающих, давящих и убивающих отношений, которым он был подчинен в течение нескольких столетий.

Что до анализа художественных достоинств текста и авторского дарования, то Добролюбов оговаривает этот аспект сразу: «Прочитав наши отрывочные и несвязные замечания [(которые в печати представляются еще более несвязными, нежели как были в рукописи)] одни, конечно, найдут их давно знакомыми и излишними, а другие – неосновательными, преувеличенными и неправдоподобными.

Большая часть людей, любящих литературу, заметит при этом, что в статье нашей вовсе нет критики Марка Вовчка» [Там же]. Это объясняется утилитарно-практической позицией автора критической заметки по отношению к искусству вообще и литературе в частности. Однако если в начале статьи Добролюбов говорит о том, что в своем втором сборнике Марко Вовчок не дает целостного полотна народной жизни, что у него видны только намеки, абрисы, а не полные, отделанные картины, то позже еще более ясно обозначает свое отношение к тексту: «Нужно было показать, в какой степени ясны, живы и верны эти намеки и в какой мере важны те явления жизни, к которым они относятся. Мы и обратились к этому пути: мы анализировали характеры, изображенные Марком Вовчком, приводили обстоятельства, способствовавшие правильному или ложному ходу их развития, припоминали русскую действительность и говорили, насколько, по нашему мнению, верно и живо воспроизведены автором русские характеры, насколько обширно значение тех явлений, которых он коснулся. По нашим соображениям вышло, что книжка Марка Вовчка верна русской действительности, что рассказы его касаются чрезвычайно важных сторон народной жизни, и что в легких набросках его мы встречаем штрихи, обнаружившие руку искусного мастера и глубокое, серьезное изучение предмета. Для подтверждения этих выводов мы пускались в довольно пространственные рассуждения о свойствах нашего простонародья и о разных условиях нашей общественной жизни» [там же]. Теперь, по словам Добролюбова, читателю самому предоставляется решить, верно ли, во-первых, он истолковал основную задачу рассказов Марко Вовчок, а во-вторых, справедливы ли и насколько справедливы его замечания о русском народе. Добролюбов полагает, что, решая эти два вопроса, читатель тут же решит для себя и вопрос о степени достоинства книги Марко Вовчок. Далее критик изящно отрешивается от возможного истолкования его молчания относительно художественного дарования автора: если он искажил смысл произведений или «наговорил небывальщины» о народной жизни, то есть если явления и лица, изображенные в сборнике, вовсе не

рисуют реально возможных случаев из жизни народа, а просто рассказывают исключительные, курьезные случаи, не имеющие никакого значения, то очевидно, что и литературное достоинство «Народных рассказов» совершенно ничтожно. «Если же читатель согласится с нами во взгляде на смысл разобранных нами книги, если он признает общность и великое значение тех черт, какие нами указаны в книге Марка Вовчка, то, разумеется, он не может не признать высокого достоинства в литературном явлении, так разносторонне, живо и верно изображающем нашу народную жизнь, так глубоко заглядывающем в душу народа. Таким образом, литературно-критическая цель наша будет достигнута без помощи эстетических туманностей, всегда очень скучных и бесплодных» [1, с. 228].

Следовательно, избегнув «скучных и бесплодных» туманностей, Добролюбов анализирует рассказы Марко Вовчок, исходя из их функциональной полезности в области продвижения определенной идеи – несомненно, авторской, оказавшейся, по счастливому совпадению, созвучной его взглядам. Взглядам, скорее, критика-публициста, а не литературного критика.

Представителей противоположного лагеря сложно упрекнуть в возмущении тем, насколько односторонне Н. А. Добролюбов подошел к истолкованию целей литературной критики. В 1861 г. вышла статья Ф. М. Достоевского «Г-н -бов и вопрос об искусстве», в которой также поднимался вопрос о художественной ценности рассказов Марко Вовчок. Однако автор статьи тоже не ставил собой задачу оценить творчество Марко Вовчок: Ф. М. Достоевский писал ответ г-ну – [Добролю]бову. Рассмотренная в статье Достоевского борьба между сторонниками «чистого искусства» и «утилитаристами» требовала примера, подтверждающего аномальное отношение «утилитаристов» к литературной критике. И таким примером стал краткий анализ им одного текста из сборника «Рассказы из русского народного быта» – «Маша». Впрочем, трудно назвать анализом лишь попытку оценить адекватность разбора сочинений Марко Вовчок, «помещенного г-ном -бовым в IX № “Современника” за прошлый год. Мы делаем это

особенно потому, что в этом разборе довольно ярко выказывается характер литературных убеждений г-на -бова, а вместе и взгляд его на искусство. А г-н -бов есть, как мы уже сказали, один из предводителей утилитаризма. Следовательно, изучив хоть отчасти г-на -бова, мы поймем и то, как поставлен в настоящую минуту вопрос об искусстве в нашей литературе» [2, с. 60]. Достоевский цитирует Н.А. Добролюбова, чтобы оспорить практически каждое его высказывание относительно текста Марко Вовчок, но рассматриваемые Добролюбовым рассказы его мало интересуют. По его собственным словам: «О самом же Марке Вовчке мы в настоящей статье не намерены говорить подробно. Скажем только, что признаем за автором большой ум и превосходные побуждения, в сильном же литературном таланте его сомневаемся» [2, с. 61].

Отзываясь таким образом о Марко Вовчок и ее сочинениях, Ф. М. Достоевский огорчает масштабы своей критики, поясняя, что имеет в виду только первую повесть в рассказах из великорусского быта – «Маша». «Мы не можем не согласиться, что в других его рассказах есть много чрезвычайно талантливых страниц, хотя в целом ни один рассказ не выдержан. Действительность часто идеализирована, представлена неправдоподобно, а между тем вы сами знаете, что все это, представленное неправдоподобным, действительно может быть в жизни, и досадуете, что оно не оправдано. Мы, впрочем, говорим об одних великорусских рассказах и не трогаем рассказов из малороссийского быта» [2, с. 65].

Высокая идейность художественного произведения ценима Ф. М. Достоевским, по его собственным словам, не менее чем художественность. Однако он осуждает автора народных рассказов за то, что он не умел хорошо сделать свое дело, сделал его дурно и тем повредил делу, а не принес ему пользу. «Чему вы сами радуетесь в этих рассказах?» – спрашивает Ф. М. Достоевский своих читателей. – «Что в них дельные мысли; виден ум, хороший, правдивый взгляд на вещи? так? Но предположив только, что ваша идея справедлива, то есть что защитники настоящего крестьянского быта, как говорите вы, не веруют, что мужику хочется на свободу, повторяем: неужели вы убедите

их этим рассказом?.. Уж если вы, для доказательства вашей идеи, не нашли способа выразить ее в русском духе и русскими лицами, то, согласитесь сами, ведь позволительно заключить, что и факта такого нет в русском духе и невозможен он в русской действительности... Когда надо было указать, как осуществляется ваша мысль на деле, в жизни, русский человек ускользнул от вас. Вы принуждены были одеть в русские кафтаны и сарафаны каких-то швейцарцев из балета; это пейзажи и пейзажки, а не крестьяне и крестьянки» [2, с.74].

Иными словами, по мнению Ф. М. Достоевского, если в произведении, претендующем на реализм, нет реальности, оно не может считаться реалистическим. Полемизируя с Н. А. Добролюбовым, Ф. М. Достоевский писал, что никакие благородные соображения не могут оправдать художественное несовершенство произведения. Рассказы Марко Вовчок вопреки их «хорошему направлению» и «превосходным побуждениям» автора не достигают, по его убеждению, своей цели, так как действительность в них часто идеализирована, представлена неправдоподобно. Сравнивая оценку рассказа «Маша», сделанную Добролюбовым, с собственными впечатлениями об этом произведении, он особенно резко подчеркивает искусственность и манерность авторского воплощения той заветной идеи, которую Марко Вовчок делит с Добролюбовым.

На наш взгляд, Ф. М. Достоевский верно подметил основные недостатки «Рассказов из русского народного быта». Психологическая неопределенность и недостаточная обрисованность характеров, свойственная, скорее, народной байке, чем реалистическому произведению, парадоксально часто превращают главных героинь (Машу, Грушу, Сашу, Надёжу, Катерину) в сентиментальных институток, наряженных в крестьянские рубахи. Сюжеты построены так, что читателю впору не сопереживать персонажам, а плакать над их злоключениями. Речь героев щедро усыпана псевдонародными выражениями; в ней нет той жизненной правды, наличие которой тот же Н.А. Добролюбов считал краеугольным камнем доверия к автору-реалисту.

Ирония заключается в том, что авторы обеих критических статей вместо того, чтобы

указать автору на подобные неточности и мотивировать их неприемлемость для реалистического произведения, избирают «Рассказы из русского народного быта» Марко Вовчок в качестве полигона для разрешения собственных конфликтов, возникших из-за разницы взглядов на эстетические задачи искусства. На наш

взгляд, всесторонний и объективный анализ критикой ранних произведений Марко Вовчок позволил бы автору намного раньше совершенствовать свой индивидуальный стиль и намного раньше подняться до тех высот ответственности, которых Марко Вовчок достигнет уже позже в романе «Записки причетника» [3].

Использованная литература:

1. Добролюбов Н. А. Черты для характеристики русского простонародья (Рассказы из народного быта Марка Вовчка. Издание К. Солдатенкова и Н. Щепкина. М. 1859) // Собр. соч.: в 9-ти т. М.; Л.: Гослитиздат, 1963. Т. 6. С. 221–228.
2. Достоевский Ф. М. Г-н –бов и вопрос об искусстве // Собр. соч.: в 15-ти т. СПб.: Наука, 1993. Т. 11. С. 47–87.
3. Кедрова М. М. Марко Вовчок // Русские писатели. Биографический словарь. М.: Просвещение, 1990.

References:

1. Dobrolyubov, N. A., Cherty dlya kharakteristiki russkogo prostonarod'ya (Rasskazy iz narodnogo russkogo byta Marka Vovchka. Izdanie K. Soldatenkova i N. Shchepkina., Moscow, 1859) (Features for the Characteristics of the Russian Hoi Polloi (Tales from the Russian Folk Life by Marko Vovchok. Soldatenkova, K., and Shchepkin N. . M. 1859)), in *Sobranie sochineniy*, in 9 vols., Moscow; Leningrad: Goslitizdat, 1963, vol. 6, pp. 221–228.
2. Dostoevskiy, F. M., G-n –bov i vopros ob iskusstve, in *Sobranie sochineniy*, in 15 vols., Saint-Petersburg: Nauka, 1993, vol. 11, pp. 47–87.
3. Kedrova, M. M., Marko Vovchok, in *Russkie pisateli. Biograficheskiy slovar'*, Moscow: Prosveshchenie, 1990.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Новикова, В. Ю. Литературная полемика вокруг сборника Марко Вовчок «Рассказы из русского народного быта» [Электронный ресурс] / В. Ю. Новикова // Наследие веков. – 2015. – № 2. – С. 102-106. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/10/2015_2_Novikova.pdf. (дата обращения дд.мм.гг).

Full bibliographic reference to the article:

Novikova, V. Yu., Literaturnaya polemika vokrug sbornika Marko Vovchok «Rasskazy iz russkogo narodnogo byta» (Literary Dispute Revolving About Marko Vovchok's «Tales from the Russian Folk Life»), *Naslediye Vekov*, 2015, no. 2, pp. 102-106. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/10/2015_2_Novikova.pdf. Accessed Month DD, YYYY.

ЛИТЕРАТУРА РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

ПРАЙС Наталья Юрьевна

преподаватель Кембриджской академии русского языка,
преподаватель EF колледжа,
г. Кембридж, Великобритания

Natalia Yu. PRAYS

Teacher, Cambridge Russian Academy,
Teacher, EF College,
Cambridge, UK,
smart345w@hotmail.com

Эпистолярное наследие Д. П. Святополк-Мирского: результаты изучения, новые разыскания (медийный аспект)

Статья посвящена эпистолярному наследию князя Д. П. Святополк-Мирского, представителя русской эмиграции первой волны, журналиста, литературного критика и историка, хорошо известного в Великобритании. Автором статьи проанализированы, наряду с другими, несколько писем князя Д. П. Святополк-Мирского сэру Б. Пэрсу, не публиковавшихся ранее в России и тесно связанных с литературно-журналистским творчеством князя.

Ключевые слова: князь Д. П. Святополк-Мирский, эмиграция первой волны, эпистолярное наследие, журналистика, периодические издания.

The Epistolary Heritage of Prince D. P. Svyatopolk-Mirsky: the Results of Research and New Findings (Media Aspect)

The article is dedicated to the epistolary heritage of Prince D. P. Svyatopolk-Mirsky, a representative of the first wave of Russian literary émigré, a well-known Russian literary critic, journalist and historian in Great Britain. The author of the article has analysed some letters including several of Prince D. S. Mirsky's ones to Sir B. Pares unpublished in Russia before and closely connected with the Prince's literary-journalist activity.

Keywords: Prince D. P. Svyatopolk-Mirsky, Russian émigré of the first wave, epistolary heritage, journalism, periodicals.

Многие литераторы русского зарубежья первой волны оставили после себя огромное эпистолярное наследие. Среди них З. Гиппиус, В. Ходасевич, А. Ремизов, Д. Мережковский, И. Бунин, М. Алданов, М. Цветаева, Н. Берберова, М. Слоним и др. Однако в случае с выдающимся литературным критиком и журналистом русского зарубежья первой волны князем Д.

П. Святополк-Мирским (известным также как князь Д. С. Мирский) ситуация несколько иная. Исследователи полагают, что в силу личностных особенностей, а также из-за сложной ситуации перед возвращением в сталинский СССР, он уничтожил весь свой архив и переписку.

И всё же частично эпистолярное наследие Д. С. Мирского исследователям удалось

обнаружить. Значительная его часть уже опубликована.

Основные вехи жизни князя Д. П. Святополк-Мирского до эмиграции изложены им на английском языке в автобиографии при поступлении на работу в Королевский колледж Лондонского университета в 1922 г.: «Родился в семье предводителя дворянства Харьковской губернии в России в 1890 г. Образование получил дома и в 1-й гимназии Санкт-Петербурга (1908). Окончил Санкт-Петербургский университет, факультет классической литературы весной 1914 г. по курсу профессоров Ростовцева и Жилинского. Закончил факультет истории Харьковского университета в 1918 г.» [7]. Он сообщает, что был офицером Русской армии в 1912–1914 гг. и офицером Добровольческой Армии генерала Деникина в 1919–1920 гг., и что в то время им уже был закончен труд по филологии под названием «Система русской прозы», утерянный во время Гражданской войны. Мирский упоминает о своей работе в качестве корреспондента нескольких британских периодических изданий, таких как «The London Mercury», «The Outlook», «The Quarterly Review», а также некоторых газет и журналов русской эмиграции [7]. Среди СМИ русского зарубежья он указывает лондонский англоязычный журнал «Russian Life».

Параллельно с работой в периодических изданиях князь Д. С. Мирский преподавал курс русской литературы в Королевском колледже Лондонского университета с 1922 по 1932 г. В 1924 г. был опубликован составленный Мирским сборник русской поэзии. Ещё через год на английском языке вышла его монография по истории современной русской литературы, базой для которой послужили читанные им лекции в университете. В 1926 г. на английском языке вышла книга князя Д. С. Мирского «Пушкин» – одно из лучших исследований о великом русском поэте на английском языке по мнению многих англоязычных литераторов того времени. У американского литератора и журналиста Эдмунда Уилсона эта книга пробудила желание выучить русский язык для того, чтобы прочитать Пушкина в оригинале [см. 21, с. 271, 276].

Вскоре после «Пушкина» на английском языке выходят два тома «Истории русской

литературы» Д. П. Мирского (в 1926 и 1927), в 1931 г. – его «Россия: социальная история», а также огромное количество текстов в периодических изданиях Великобритании, Франции, Италии, США и других стран. Большинство работ князя Д. П. Святополк-Мирского вызвало большой исследовательский интерес, а «История русской литературы» стала настольной книгой английских студентов, специализирующейся в области русской литературы.

Литературная деятельность князя Д. С. Мирского нашла отражение в его эпистолярном наследии. Одно из ранних писем Мирского эмигрантского периода, адресованное Морису Бэрингу, было отправлено из Афин в сентябре 1920 г. Именно из этого письма мы узнаём о намерениях Д. С. Мирского заняться литературной критикой в эмиграции: «<...> Мне пришло в голову, что может мне следует попробовать заняться литературным делом за границей: в Англии или во Франции <...>» [13, с. 27]. Впервые данное письмо было опубликовано на английском языке Н. Лаврухиной в журнале Лондонского университета «Slavonic and East European Review» в 1984 г. [13]. В 2002 г. оно появилось уже в русском варианте вместе с некоторыми переведёнными на русский язык литературными трудами Д. С. Мирского в сборнике, подготовленном В. В. Перхиным, профессором Санкт-Петербургского университета [6, с.240-244]. Несколько позже были опубликованы письма князя Д. С. Мирского П. П. Сувчинскому [17], которые удалось разыскать Дж. С. Смит, профессору Окфордского университета в Великобритании. Дж. С. Смит является также автором единственного на сегодняшний день наиболее полного исследования жизни и творчества князя Д. С. Мирского [16]. Письма П. П. Сувчинскому охватывают практически весь эмигрантский период князя Д. С. Мирского (1922–1931) и освещают важные исторические вехи его деятельности в эмиграции – создание журнала «Весты» (1926–1928), издание газеты «Евразия» (1928–1929), период противостояния литературной «элите» эмиграции и другие.

Находкой Дж. Смита были также письма князя Д. С. Мирского М. Флоринскому [19], рус-

скому историку, проживавшему тогда в США и организовавшему летом 1928 г. поездку князя с лекциями в Колумбийский, Корнельский и Чикагский университет, о которой Д. С. Мирский сообщает в одном из своих писем П. П. Сувчинскому: «В Америке: Columbia University, New York City. <...> Дорогой Сувчинский, завтра еду в Америку <...>» [20, с. 107].

В 1905 г., будучи ещё подростком, Мирский участвовал в протесте против ареста Максима Горького царскими властями. В январе 1928 г. в Сорренто состоялось личное знакомство князя Д. С. Мирского (где он находился тогда вместе с П. П. Сувчинским) с М. Горьким. Оно оказало огромное влияние на князя и практически изменило всю его последующую жизнь. Вскоре после этой встречи, ставшей роковой для Мирского, началась их переписка. Известны шестнадцать писем к М. Горькому (1928-1934), содержание которых свидетельствует о всё более возрастающем восхищении князя Д. С. Мирского личностью и творчеством «буревестника революции». Однако, это не прослеживается в содержании писем Мирского за 1928 г. Сувчинскому. Встреча с Горьким практически не нашла в них отражения. Только в одном из писем Мирский упоминает о списке литературы, который, видимо, рекомендовал ему в Италии Горький [20, с. 96]. Теперь известно, что Горький оказал решающее влияние на решение Д. С. Мирского вернуться в Россию, даже несмотря на то, что перед князем открывались новые возможности для литературной деятельности в Англии, о которых он сообщает М. Горькому: «<...> думаю, что в Англии можно будет ещё поработать. Там вдруг открылись такие перспективы, о которых ещё три месяца назад можно было только гадать. <...>». [9, с. 100] Судя по этому письму, князь Д. С. Мирский всё-таки колебался с решением о возвращении на Родину. Двенадцать из писем князя М. Горькому были отправлены им из эмиграции и четыре – после возвращения Д. С. Мирского в Россию. Эта переписка была подготовлена и опубликована совместными усилиями проф. Дж. С. Смита и О. А. Казниной [11]. Письма Горького к Мирскому не сохранились по причинам, указанным выше.

Архивариусом библиотеки в Лидсе (Англия) Р. Дэвисом и профессором Дж. С. Смитом были обнаружены 22 письма князя Д. С. Мирского к Соломее Халперн (в девичестве княгиня Андронникова)¹ и 7 писем Вере Александровне Сувчинской (в девичестве Гучковой) [8]. Это были, в основном, письма личного характера. Одной из тем переписки с С. Халперн была финансовая помощь М. Цветаевой.

Д. С. Мирского и В. Сувчинскую связывали близкие отношения. Помимо чисто частных сюжетов, в одном из писем раскрывается текущее новое научное и мировоззренческое увлечение Мирского; «<...> Занятия мои коммерческой географией идут успешно, и я серьёзно подумываю, не написать ли мне эту книжечку поэпохендмахенднее [sic]. Я хочу ввести вообще марксистский метод в географию <...>» [8, с. 120]. Мирский ходатайствовал о российском паспорте для В. Сувчинской в надежде на то, что она выйдет за него замуж и поедет с ним в Советскую Россию [см. 9, с. 101–102]².

Одно из писем князя Д. С. Мирского, опубликованных В. В. Перхиным, адресовано К. И. Чуковскому. В этом письме он обещал «подвигнуть литературно англичан» в области русской литературы [4, с. 147] [6, с. 245], чем, собственно, князь Д. С. Мирский и занимался в течение более десяти лет своей эмиграции в Англии. О его деятельности в этом направлении свидетельствуют восемь писем за 1924–1926 гг. редакторам английских издательств Ч. Прентису и Л. Вулфу. Письма были опубликованы А. Рогачевским на русском и английском языках в одном из выпусков альманаха «Диаспора» [3]. Из содержания письма Ч. Прентису явствует, что князь Д. С. Мирский вёл с ним переговоры о публикации произведений А. Ремизова «Повести о Иване Семёновиче Стратилатове» (в переводе А. Брауна) и «Часы» (в переводе Дж. Курноса) в издатель-

¹ С. Халперн (Андронникова) была известной красавицей своего времени, О. Манделштам посвятил ей стихотворение «Соломинка», её портреты писали художники К. Петров-Водкин, З. Серебрякова, К. Сомов, А. Яковлев, Б. Григорьев и др. В 1916 г. она эмигрировала в Париж, позже – в Лондон. В середине 1920-х она познакомилась с М. Цветаевой и оказывала ей финансовую поддержку.

² Позже В. Сувчинская-Трейлл сообщила профессору Д. С. Смит, что Мирский скорее всего остался бы в Англии, если бы они поженились.

стве «Chatto and Windus». В них также шла речь о готовящемся переводе «Пятой язвы» Ремизова и о произведениях Андрея Белого. В письмах Л. Вульф, бывшему в то время редактором издательства «Hogarth Press». Мирский пытается заручиться его поддержкой для того, чтобы начать издавать отдельный журнал («Версты») в Европе, где могли печатать свои произведения талантливые русские литераторы, например, А. Ремизов и М. Цветаева. По мнению Мирского, у этих писателей не было возможности печататься в русских эмигрантских журналах из-за препятствий со стороны русской литературной «элиты» [4; с. 364–365]. Другим ярким подтверждением активного участия князя в поддержке писателей русской эмиграции, и особенно Ремизова, служат тридцать четыре письма князя Д. С. Мирского за 1922–1929 гг. А. М. Ремизову. Они опубликованы американским исследователем Робертом Хьюзом [5]. А. Рогачевский писал, что роль Мирского «<...> в деле пропаганды творчества Ремизова в англоязычном мире трудно переоценить <...>» [3; с. 353]

Известны четыре письма князя Д. С. Мирского А. В. Тырковой-Уилльямс [13], которая была довольно известной личностью как в дореволюционной России, так и в среде русской эмиграции первой волны. Она являлась одним из организаторов Комитета помощи русским беженцам, редактором Бюллетеней Комитета, а также периодического издания «Русская жизнь». Муж А. Тырковой-Уилльямс Гарольд Уилльямс был в то время корреспондентом газеты «Таймс». Отметим, что в годы Гражданской войны супруги, находясь на Юге России, активно поддерживали Добровольческую армию, в рядах которой сражался Мирский [3]. Его письма, адресованные А. В. Тырковой, в основном касались организации вечера поэзии М. Цветаевой в Англии. В одном из посланий Мирский пишет: «Я осмеливаюсь рассчитывать на вашу помощь в одном деле <...>: устройство вечера Марины Цветаевой в Англии. Она находится в очень бедственном положении (двое детей), и при нынешнем состоянии книжного рынка трудно рассчитывать [sic] на его поправлении» [15, с. 484]. Из писем мы также узнаём, что поэтический вечер Марины Цветаевой состоялся 12 марта 1926 г. в

помещении Королевского колледжа Лондонского университета. Позже А. В. Тыркова-Уилльямс тепло отзывалась о поэтессе и ее стихах.

Кроме упомянутых выше, известны также письма Мирского за 1925–1926 гг. будущему Архиепископу Иоанну Шаховскому [1, с. 197–217]. Тогда ещё все знали его как князя Дмитрия Алексеевича Шаховского. Он являлся редактором двух выпусков журнала «Благонамеренный», выходившего в 1926 на русском языке в Брюсселе. Журнал быстро получил широкую известность за счет публикаций произведений И. Бунина, В. Ходасевича, Д. С. Мирского, Г. Струве, Д. Шаховского и других. Однако после пострижения князя Шаховского в монахи во второй половине 1926 г. журнал прекратил своё существование. Письма князя Д. С. Мирского князю Д. А. Шаховскому в большинстве своём были посвящены журналу «Благонамеренный» и его авторам.

В период эмиграции в Англии у князя Д. С. Мирского сложились дружеские отношения с уже немолодой тогда Джэйн Еллен Харрисон, профессором Кембриджского университета. Она сразу поддержала его издательскую идею и в некоторой мере спонсировала создание журнала «Версты». Д. Е. Харрисон также способствовала вхождению князя Д. С. Мирского в круг видных представителей европейской интеллигенции: писателей, философов, учёных, собиравшихся тогда на интеллектуальные беседы в Понтигни на юге Франции. На этих встречах присутствовали А. Моруа, П. Жанет, В. Янкевич, М. Арланд, А. Гайд, Р. Фернандес, Ф. Мориак, Э. Куртис и многие другие. Из русских интеллектуалов на них были представлены философ Н. Бердяев (постоянный гость) и князь Д. С. Мирский. Последний упоминает о Понтигни в одном из писем князю Д. Шаховскому от 9 сентября 1925 г.: «Милый Князь, простите, что так долго не отвечал: я был в Pontigni где французы занимаются умными разговорами и где очень трудно заниматься чем-нибудь» [1, с. 201].

Из писем Д. Е. Харрисон Мирскому [18] мы узнаём, что между ними существовало тесное творческое сотрудничество – взаимная помощь в переводах и редактировании литературных трудов. Письма Д. Е. Харрисон,

адресованные Мирскому, были переданы им в Кембриджский университет.

В отделе рукописей Британской библиотеки находятся несколько неопубликованных писем князя Д. С. Мирского на английском языке, адресованных сэру Б. Пэрсу, бывшему тогда директором Королевского колледжа Лондонского университета. Часть из них упоминается в исследованиях Д. С. Смита и О. А. Казниной.

По содержанию писем можно судить, что карьера Мирского в качестве преподавателя, а также журналиста, литературного критика и историка литературы началась стремительно сразу после его приезда в Англию. Он активно включается в работу, предлагая темы, с которыми намеревался выступить перед студентами Королевского Колледжа Лондонского университета. Так, в одном из своих первых писем сэру Б. Пэрсу (в котором он называет его «Дорогой сэр Бернард») от 14 мая 1922 г. князь Д. С. Мирский сообщает, что «<...> будет рад прочитать три публичные лекции <...>», о которых они говорили ранее и предлагает прочитать их на темы «Пушкин», «Лесков» и «Блок». «Есть какие-нибудь возражения? Я также сделаю некоторые наброски по поводу книги (фактически, я их уже начал) и могу её подготовить к следующему году» – пишет он [7]. Таким образом, уже из первого письма становятся очевидными его литературные предпочтения, а также планы по поводу его литературно-журналистской деятельности, причём не только в британских, но и в русских эмигрантских изданиях. С этой целью он предпринял поездку в Берлин, о которой сообщил в октябрьском письме 1922 г. сэру Б. Пэрсу: «Я ездил в Берлин в прошлом сентябре для того, чтобы войти в контакт с русскими литературными кругами и приобрести последние публикации из России» [7]. Видимо, результатом этой поездки стало появление литературно-критических статей князя Д. С. Мирского в «Днях», «Современных записках», «Числах».

Князь Д. С. Мирский был постоянным корреспондентом и одним из редакторов академического журнала «The Slavonic Review», который издавался сотрудниками Славянско-

го отделения Королевского колледжа Лондонского университета. Регулярно писать для этого журнала было обязанностью каждого слависта колледжа. Сэр Б. Пэрс писал по этому поводу князю Д. С. Мирскому: «"Обозрение" является наиболее важной частью работы преподавателей колледжа и сотрудничество в нём – это часть работы каждого штатного преподавателя. Вряд ли мы держали бы какого-нибудь преподавателя, если бы он отказался сотрудничать в "Обозрении"» [7].

В неопубликованных письмах князя Д. С. Мирского сэру Б. Пэрсу мы находим подтверждение роли первого в качестве активного корреспондента и редактора журнала «The Slavonic Review». Так, например, в письме от 19 мая 1924 г. он сообщает: «<...> у меня есть план, выполнение которого доставит мне огромное удовольствие: я запланировал серию подборок по литературе русских писателей XVIII в. с введением, а также биографическими и критическими заметками о каждом из них» [7]. И дальше Мирский указывает список русских литераторов, о творчестве которых он собирался писать. Это же письмо подтверждает более широкий спектр его журналистской деятельности не только в английских, но также и в американских периодических изданиях: «Мои публикации: о современной русской литературе в «Лондонском Меркурии» (февраль и июль), «Современном Обозрении» (август), Литературном приложении к «Таймс», в нью-йоркской газете «Вечерний Пост» (Литературное приложение)» [7].

В следующем письме сэру Б. Пэрсу (датируется тем же числом, что и предыдущее) Мирский сообщает о причине своего нежелания переводить произведения А. М. Ремизова и намерении именно в США опубликовать несколько томов написанной им истории русской литературы. Князь Д. С. Мирский говорит о том, что первый том будущей истории литературы практически готов, а второй предположительно будет закончен к маю 1925 г.: «<...> Писатели, которых я собираюсь включить (в «Славянское Обозрение») Иван Тимофеев, <...> царь Алексей и Аввакум <...>. Затем пойдут рецензии Лаврина и всё остальное. Что касается Ремизова, я пытался это сделать, но понял, что для

меня это невыполнимая задача. Я не могу предпринять перевод его произведений без систематической и постоянной помощи какого-нибудь компетентного стилиста (не просто просмотра им моего перевода, но на основе полного сотрудничества). Я был бы очень Вам благодарен, если бы Вы помогли поспособствовать с публикацией в Америке моих лекций. Первый том почти готов <...>. Я прилагаю к письму краткий конспект каждого из двух томов. Если они будут успешными после публикации, то я хотел бы добавить третий том <...>» [7]. Как известно, «История русской литературы» оказалась успешным проектом.

Нам также удалось обнаружить одно письмо князя Д.С. Мирского от 15 апреля 1924 г, адресованное Гарольду Васильевичу (как называли его русские друзья) Уилльямсу. Из содержания письма становится очевидным, что между ними существовала творческая переписка. В этом письме, в частности, идет речь о публикации литературоведческих работ Мирского и его общении с писателями: «С “Ахматовой” мне больше нечего делать и если я её не потеряю, пошлю опять в “...” (название журнала неразборчиво. – Авт.). “Ремизова” для “Quarterly” думаю почтовым отправить. Самого Ремизова видел на днях, были в обществе английских и французских писателей. Очень было забавно» [7]. Письмо Мирского было датировано апрелем 1924 г. Видимо, речь в нем шла ещё об одной его статье о Ремизове, поскольку в февральском номере Литературного приложения к газете «The Times» от 21 февраля 1924 г. уже вышло эссе Мирского под названием «Алексей Ремизов». В нем рассмотрены произведения «Пятая язва», «Крестовая сестра» и «Сказки русского народа, пересказанные Ремизовым». Мирский констатировал, что в английском обществе русская литература до сих пор остается неизвестной большинству читателей. Он отмечал наличие разнообразия стилей в произведениях Ремизова и то, что тот унаследовал все лучшие черты творчества Достоевского и Гоголя. Подчеркивается, что последние 10–12 лет творчество самого Ремизова оказывало огромное влияние на молодых русских литераторов, в т. ч. Е. Замятина и Б. Пильняка.

Не так давно были опубликованы третий и четвертый тома переписки Т. С. Элиота под редакцией его второй жены Валери Элиот и Дж. Хаффендена. Несколько писем адресованы князю Д.С. Мирскому. Письма Т. С. Элиота дают представление об общении Мирского с представителями лондонского литературного общества в Блумсбери, такими как В. Вулф, В. Элиот, Дж. Муррей, К. Белл, Д. Лоренс и др. Переписка отражает также сотрудничество Мирского в журнале «The Criterion», редактором которого был Т. С. Элиот, она демонстрирует востребованность творчества русского князя в периодических изданиях Великобритании. В письме от 12 ноября 1926 г. Элиот пишет: «Я бы с удовольствием принял для своего журнала Ваше эссе и вообще все, что Вы предложите. Кстати, я как раз собирался написать Вам, чтобы спросить, нет ли у Вас чего-нибудь, что Вы могли бы нам предложить» [9, р. 305]. Видимо, Т. С. Элиот написал это в ответ на сообщение князя Д. С. Мирского о своей работе над двумя статьями – «Чехов и англичане» и «Современное состояние русского мышления и его отношение к Западу». В следующем письме, датированном 15 декабря 1926 г., Т. С. Элиот уже выражает свою благодарность за присланное эссе и сообщает об интересе к Мирскому со стороны одного из редакторов французского журнала «Commerce» Маргариты Каэтани (известной также как княгиня Бассиано): «Благодарю за то, что Вы прислали “Чехов и англичане”. Я с огромным удовольствием опубликую его в “The New Criterion”. В настоящий момент не могу сказать точно, в каком именно номере выйдет это эссе; Я могу только сообщить, что оно будет опубликовано в самое ближайшее время в начале 1927 г. <...> мне бы очень хотелось встретиться с Вами на ланч <...> надеюсь, Вы сможете это сделать в начале следующего года. Я думаю, что у нас есть несколько общих знакомых, и особенно мадам Бассиано очень часто о Вас говорит» [с. 345]. 16 декабря Мирский ответил согласием: «<...> я долго искал встречи с Вами и буду чрезвычайно счастлив встретиться на ланч, как Вы предлагаете» [9, р.345]. Следующее письмо Т. С. Элиота князю Д. С. Мирскому датируется 14 октября 1927 г. Элиот выражает сожаление по поводу того, что князь передаёт

свою статью «Толстой» для публикации в «The Observer», а не в «Criterion» (к тому времени он стал называться «The Monthly Criterion»): «Я очень расстроен, что Вы пишете своего “Толстого” для “Обозревателя”, но я опасался, что подобное может случиться, поскольку на Вас большой спрос. <...>. Кстати, есть ли у Вас хоть что-нибудь – любая книга на любую тему, над которой Вы собираетесь вскоре работать? Мне бы так хотелось, чтобы Вы писали для моего журнала более-менее регулярно» [9, p.753].

Помимо журнала «The Criterion», Т. С. Элиота и князя Д. С. Мирского связывали также деловые отношения в издательстве «Blackamoor Press». 20 июня 1929 г. Мирский сообщает Элиоту о том, что французский издатель Дж. Потерман открывает своё издательство в Лондоне и хотел бы пригласить Элиота написать введение к английскому переводу Бодлеровских журналов. На это письмо Т. С. Элиот отвечает только месяц спустя, мотивируя задержку болезнью своей жены: «Очень сожалею о задержке с ответом <...>. Я буду очень рад обсудить это интересное предложение с Вашим другом Потерманом, и надеюсь, что он сможет приехать в Лондон. <...> надеюсь увидеть также Вас осенью, когда Вы вернётесь» [10, p. 544] (видимо, Элиот имеет в виду, возвращение князя Д. С. Мирского из поездки в США). На это письмо 20 июля князь Д. С. Мирский ответил, что Потэрман вскоре будет в Лондоне. В результате, в 1930 г. в издательстве «Blackamore Press» в Лондоне появилась книга «Intimate journals by Charles Baudelaire» («Интимные журналы Шарля Бодлера») в переводе К. Ишавуда с введением, написанным Элиотом.

В эпистолярном наследии Т. С. Элиота находятся также несколько писем, адресованных Маргарите Каэтани, из которых мы узнаем информацию о князе Д. С. Мирском. Например, 18 ноября 1926 г. Элиот пишет: «Кстати, я общался с Мирским и намереваюсь пригласить его на ланч, как только

освобожусь. Я не получил нового номера “Commerce”»³ [9, p. 315]. 15 июня 1928 г. Элиот сообщает М. Каэтани: «Вчера вечером у нас обедал Мирский, как раз перед его отъездом, он чрезвычайно приятен в общении. Он и Клайв Белл⁴, похоже, очень хорошо поладили» [10, p.184]. Нужно отметить, что в том же году в журнале «Commerce» появляется эссе князя Д. С. Мирского на французском языке «Пушкин» («Sur Pouchkine»), а в 1930 г. – «Осип Мандельштам» («Osip Mandelshtam») в соавторстве с Г. Лимбу (G. Limbour). Последнее эссе князя Д. С. Мирского «Г. Д. Уэллс и история» было опубликовано в журнале Элиота «The Criterion» в октябре 1932 г., однако письма по поводу данной публикации пока не обнаружены.

В 2015 г. в изучении эпистолярного наследия князя Д. П. Святополка-Мирского был сделан еще один важный шаг – в итальянском издательстве «Storia e Letteratura» под редакцией Дж. С. Смита и С. Леви опубликованы 26 писем князя Д. С. Мирского и 3 письма переводчицы Е. Извольской, адресованные княгине М. Каэтани, за 1924–1932 гг. [14]. Данная переписка связана с изданием «Commerce».

Таким образом, эпистолярное наследие князя Д. С. Мирского представляет собой важный источник его литературно-журналистской деятельности в Великобритании. Оно также даёт картину научных и социальных контактов не только самого князя, но и некоторых других видных представителей литературных кругов русской эмиграции первой волны, а также английской интеллигенции, отражает особенности издания и циркуляции книг и периодики того времени. Эпистолярное наследие князя Д. П. Святополк-Мирского является ярким подтверждением его востребованности в качестве журналиста и литературного критика, а также его значительной роли в пропаганде творчества современных ему русских литераторов и русской литературы вообще в Западной Европе и США.

³ Журнал «Commerce» выходил в Париже, М. Каэтани была одним из его редакторов наряду с П. Валери, Л. Фаргом и В. Ларводом.

⁴ Клайв Белл – художественный критик, муж сестры В. Вулф.

Использованная литература:

1. Архиепископ Иоанн Шаховской. Биография юности. Установление единства. Париж: YMCA-PRESS, 1977.
2. Еремеева А. Н., Крюков А. В. Британская тема в культурной жизни и периодике Юга России (1914–1920) // Британцы и народы Юга России: проблемы взаимовлияния: сб. науч. ст. Краснодар: Экоинвест, 2015. С. 208–218.
3. Неизвестные письма Д. П. Святополка-Мирского середины 1920-х гг. / вступ. ст., публ. и коммент. А. Б. Рогачевского // Диаспора. Новые материалы. Paris: Atheneum; СПб.: Феникс, 2001. Вып. 2. С. 349–367.
4. Русские литераторы в письмах (1905–1985): исследования и материалы / под ред. В. В. Перхина. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2004.
5. «...С Вами беда – не перевести»: Письма Д.П. Святополк-Мирского к А. М. Ремизову. 1922–1929 / публ. Р. Хьюза // Диаспора. Новые материалы. Paris: Atheneum; СПб.: Феникс, 2001. Вып. 5. С. 337–401.
6. Святополк-Мирский Д. П. Поэты и Россия: Статьи. Рецензии. Портреты. Некрологи / сост., подг. текстов, примечания и вступ. статья В. В. Перхина. СПб.: Алетейя, 2002.
7. British Museum, London, Add MS, 44644.
8. Davies R., Smith G. S. D. S. Mirsky: Twenty-two Letters (1926–34) to Salomeya Halpern; Seven Letters to Vera Suvchinskaya (1930) // Oxford Slavonic Papers. Oxford: Clarendon Press, 1997. Pp. 89–120.
9. The Letters of T.S. Eliot. Vol. 3. 1926–1927 / V. Eliot, J. Haffenden, Eds. London: Faber and Faber, 2012.
10. The Letters of T.S. Eliot. Vol. 4. 1928–1929 / Eliot V., Haffenden J., Eds. London: Faber and Faber, 2013.
11. Kazina O. A., Smith G. S. D. S. Mirsky to Maksim Gor'ky: Sixteen Letters (1928–1934) // Oxford Slavonic Papers. Oxford: Clarendon Press, 1993. Pp. 87–103.
12. Lavroukine N., Chertkov L., Clémentine R. D. S. Mirsky: profil critique et bibliographique. Paris: Institut d'études slaves, 1980.
13. Lavroukine N. Maurice Baring and D. S. Mirsky: A Literary Relationship // The Slavonic and East European Review. Vol. 62. № 1 (Jan., 1984). Pp. 25–35.
14. Levie S., Smith G. S. La rivista «Commerce» e Marguerite Caetani. Vol. 3: Letters from D. S. Mirsky and Helen Iswolsky to Marguerite Caetani. Roma: Storia e Letteratura, 2015.
15. Smith G. S. D. S. Mirsky and Ariadna Tyrkova-Williams // The Slavonic and East European Review. Vol. 71. № 3 (Jul., 1993). Pp. 482–489.
16. Smith G. S. D. S. Mirsky: a Russian-English life, 1890–1939. N. Y.: Oxford University Press, 2000.
17. Smith G. S. D. S. Mirsky to Dorothy Galton: Forty Letters from Moscow (1932–1937) // Oxford Slavonic Papers. Oxford: Clarendon Press, 1996. Pp. 93–131.
18. Smith G. S. Jane Ellen Harrison: Forty Seven Letters to D. S. Mirsky, 1924–1926 // Oxford Slavonic Papers. Oxford: Clarendon Press, 1995. Pp. 62–98.
19. Smith G. S. The correspondence of D. S. Mirsky and Michael Florinsky, 1925–32 // The Slavonic and East European Review. Vol. 72. № 1 (Jan., 1994). Pp. 115–139.
20. Smith G. S. The Letters of D. S. Mirsky to P. P. Suvchinskii, 1922–31. Birmingham: University of Birmingham, 1995.
21. Wilson E. Letters on Literature and Politics, 1912–1972. Introduction by D. Aaron. Foreword by L. Edel. N.Y.: Farrar Straus Griroux, 1977.

References:

1. *Arkhiepiskop Ioann Shakhovskoy. Biografiya yunosti. Ustanovlenie edinstva* (Archbishop Ioann Shakhovskoy. Biography of the Youth. The Establishment of Unity), Paris: YMCA-PRESS, 1977.
2. Eremeeva, A. N., Kryukov, A. V., Britanskaya tema v kul'turnoy zhizni i periodike Yuga Rossii (1914–1920) (British Theme in Cultural Life and Periodicals of the South of Russia (1914–1920)), in *Britantsy i narody Yuga Rossii: problemy vzaimovliyaniya* (Collected Articles), Krasnodar: Ekoinvest, 2015, pp. 208–218.
3. Neizvestnye pis'ma D. P. Svyatopolka-Mirskogo sere diny 1920-kh godov (Unidentified Letters by D. P. Svyatopolk-Mirsky of the Mid-1920s.), Rogachevsky, A. B., Foreword, Publ., Comments in *Diaspora. Novye materialy*, Paris: Atheneum; Saint-Petersburg: Feniks, 2001, vol. 2. pp. 349–367.
4. *Russkie literatory v pis'makh (1905–1985): issledovaniya i materialy* (Russian Writers in Letters (1905–1985): Research and Materials), Perkhin, V. V., Ed., Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2004.
5. «...S Vami beda – ne perevesti»: Pis'ma D. P. Svyatopolk-Mirskogo k A. M. Remizovu. 1922–1929 («... the trouble is with you - it is untranslatable»), Kh'yuz, R., Publ., in *Diaspora. Novye materialy*, Paris: Atheneum; Saint-Petersburg: Feniks, 2001, vol. 5, pp. 337–401.
6. Svyatopolk-Mirskiy D. P. *Poety i Rossiya: Stat'i. Retsenzii. Portrety. Nekrologi* (Poets and Russia: Articles. Reviews. Portraits. Obituaries), Perkhin, V. V., Comp., Publ., Notes, Foreword, Saint-Petersburg: Aleteyya, 2002.
7. British Museum, London, Add MS, 44644.
8. Davies, R. and Smith, G. S., D. S. Mirsky: Twenty-two Letters (1926–34) to Salomeya Halpern; Seven Letters to Vera Suvchinskaya (1930), in *Oxford Slavonic Papers*, Oxford: Clarendon Press, 1997, pp. 89–120.
9. The Letters of T. S. Eliot, Eliot V., Haffenden J., Eds., London: Faber and Faber, 2012, vol. 3: 1926–1927.
10. The Letters of T. S. Eliot, Eliot V., Haffenden J., Eds., London: Faber and Faber, 2013, Vol. 4: 1928–1929.
11. Kazina, O. A. and Smith, G. S., D. S. Mirsky to Maksim Gor'ky: Sixteen Letters (1928–1934), in *Oxford Slavonic Papers*, Oxford: Clarendon Press, 1993, pp. 87–103.
12. Lavroukine, N., Chertkov, L. and Clémentine, R., *D. S. Mirsky: profil critique et bibliographique*, Paris: Institut d'études slaves, 1980.
13. Lavroukine, N., Maurice Baring and D. S. Mirsky: A Literary Relationship, *The Slavonic and East European Review*, vol. 62, no. 1 (Jan., 1984), pp. 25–35.
14. Levie, S. and Smith, G. S., La rivista «Commerce» e Marguerite Caetani, Roma: Storia e Letteratura, 2015, vol. 3: *Letters from D. S. Mirsky and Helen Iswolsky to Marguerite Caetani*.
15. Smith, G. S., D. S. Mirsky and Ariadna Tyrkova-Williams, *The Slavonic and East European Review*, vol. 71. no. 3 (Jul., 1993), pp. 482–489.
16. Smith, G. S., *D. S. Mirsky: a Russian-English life, 1890–1939*, N. Y.: Oxford University Press, 2000.
17. Smith, G. S., *D. S. Mirsky to Dorothy Galton: Forty Letters from Moscow (1932–1937)*, in *Oxford Slavonic Papers*, Oxford: Clarendon Press, 1996, pp. 93–131.
18. Smith, G. S., *Jane Ellen Harrison: Forty Seven Letters to D. S. Mirsky, 1924–1926*, in *Oxford Slavonic Papers*, Oxford: Clarendon Press, 1995, pp. 62–98.
19. Smith, G. S., *The correspondence of D. S. Mirsky and Michael Florinsky, 1925–32*, in *The Slavonic and East European Review*, vol. 72, no. 1 (Jan., 1994), pp. 115–139.
20. Smith, G. S., *The Letters of D. S. Mirsky to P. P. Suvchinskii, 1922–31*, Birmingham: University of Birmingham, 1995.
21. Wilson E., *Letters on Literature and Politics, 1912–1972*. Introduction by D. Aaron. Foreword by L. Edel. N.Y.: Farrar Straus Griroux, 1977.

22. Smith, G. S., *The Letters of D. S. Mirsky to P. P. Suvchinskii, 1922–31*, Birmingham: University of Birmingham, 1995.

23. Wilson, E., *Letters on Literature and Politics, 1912–1972*, Aaron, D., Introduction, Edel L., Foreword, N.Y.: Farrar Straus Giroux, 1977.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Прайс, Н. Ю. Эпистолярное наследие Д. П. Святополк-Мирского: результаты изучения, новые разыскания (медийный аспект) [Электронный ресурс] / Н. Ю. Прайс // Наследие веков. – 2015. – № 2. – С. 107-115. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/10/2015_2_Prays.pdf. (дата обращения дд.мм.гг).

Full bibliographic reference to the article:

Prays, N. Yu., Epistolary heritage D. P. Svyatopolk-Mirskogo: rezul'taty izucheniya, novye razyskaniya (mediynny aspekt) (The Epistolary Heritage of Prince D. P. Svyatopolk-Mirsky: the Results of Research and New Findings (Media Aspect)), *Naslediye Vekov*, 2015, no. 2, pp. 107-115. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/10/2015_2_Prays.pdf. Accessed Month DD, YYYY.

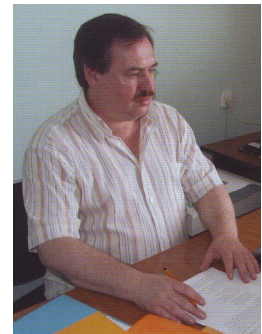
ГОРЛОВА Ирина Ивановна
доктор философских наук, профессор,
директор Южного филиала Российского научно-исследовательского
института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева,
г. Краснодар, Россия

Irina I. GORLOVA
Dr. Sci. (Theory and History of Culture), Prof., Director,
Southern Branch of Russian Research Institute for Cultural and Natural
Heritage, Krasnodar, Russia
ii.gorlova@gmail.com

ЧУМАЧЕНКО Виктор Кириллович
кандидат филологических наук, профессор,
старший научный сотрудник отдела экспертно-консультативной
деятельности и проблем культурного и природного наследия
Российского научно-исследовательского института культурного
и природного наследия имени Д. С. Лихачева, г. Краснодар, Россия

Victor K. CHUMACHENKO
Cand. Sci. (Theory of Literature), Prof., Senior Researcher, Department of the
Expert Advisory Activities and Problems of Cultural and Natural Heritage,
South Branch Russian of the Research Institute for Cultural and Natural
Heritage, Krasnodar, Russia
vchum@rambler.ru

Казачье литературное зарубежье

Статья посвящена литературным традициям казачьей эмиграции, а также их издательской, библиографической и архивной деятельности в довоенный период.

Ключевые слова: казачье литературное зарубежье, литературные объединения, издательства, казачья периодика.

Cossack Literary Abroad

The article is devoted to the literary traditions of the Cossack emigration, as well as publishing, bio-bibliographical and archival activities in the pre-war period.

Key words: Cossack literary abroad, literary associations, publishing houses, Cossack periodicals.

Революция и Гражданская война огненным клинком разрубили надвое еще недавно единое и цельное тело южнороссийского казачества. Оригинальный субъэтнос, зародившийся на стыке проживания нескольких народов, служилое сословие, верно служившее царю и отечеству, под влиянием кровавых событий трагической междуусобицы вновь занялось поиском своей идентичности и осознанием своего исторического предназначения. Этот процесс привел одну его часть в стан красных, а другим предопределил долгую дорогу на чужбину. Покидая родимый дом, они

искренне верили, что это не навсегда, а потому и в чужие края шли не с надеждой раствориться в других народах, а сберечь свой язык, свою культуру, свой бытовой и семейный уклад, который, как им виделось, неизбежно подвергнется на родине всяческому поруганию и запрету. Эти задачи предстояло решать разными способами. Важная объединяющая роль отводилось и казачьей литературе, с её обостренным вниманием к проблемам духовности, патриотизма и просветительства.

История литературного казачьего зарубежья пока не написана, хотя предпосыл-

ки для создания такого обобщающего труда имеются. Закладывались они уже в первые годы эмиграции путем создания и активного пополнения зарубежных казачьих войсковых архивов, организации литературных объединений с задачей воспитания новой «казачьей литературной семьи», основания первых книжных издательств и периодических изданий и первых робких попыток биобиблиографического описания всего этого разрастающегося на глазах литературного хозяйства.

Первыми побудили казаков к описанию полученного жизненного опыта, свидетельствованию о ярких исторических событиях, участниками которых они были, вновь возрождаемые в эмиграции казачьи архивы. Они не просто собирали исторические документы, а регулярно обращались с призывом к казакам передавать свои воспоминания к себе на хранение. В эти же годы вкус к собиранию документов, связанных с российской историей, казачьей стариной прорезался и у заокеанских университетских архивариусов, смекнувших, что выдалось удачное время, когда за смешные деньги можно создать богатейшие исторические коллекции. И действительно, среди лавины нахлынувших рукописей засверкали бриллиантами чистейшей воды сочинения отдельных авторов, у которых необычный социальный заказ пробудил в душе дремавшие до срока творческие способности и умения ярко и живо рассказывать о прошедшем. Именно они стали питательной почвой для зарождения впечатляющей по своему объему журнальной традиции литературного казачьего зарубежья и до сих пор заполняют страницы современной отечественной периодики, ориентированной на соответствующую тематику.

Широко известна судьба Донского архива, который, возникнув еще в 1919 г., был вывезен затем в Белград, в 1925 году переправлен в Прагу, где широко использовался при издании «Донской летописи» и различных книг по истории Дона [8, с. 10]. На его основе был образован Донкой казачий архив, который в 1927 году начал свое самостоятельное существование. Даже после его передачи в 1934 г. (из-за финансовых трудностей и по настоятельной рекомендации страны пребывания) в Русский заграничный архив, он сохранял свой авто-

номный статус. Накануне известных событий 1938 года, приведших к аннексии Чехословакии, в архиве содержалось уже помимо прочих документальных богатств 902 названия рукописных мемуаров и дневников объемом около 4 тысяч печатных листов [8, с. 12]. В 1945 г. Донской архив в составе Русского заграничного архива был вывезен в СССР в качестве так называемого подарка чехословацкого правительства Академии наук СССР и ныне доступен исследователям.

Менее известна судьба Кубанского заграничного архива. Некоторые исследователи казачьей эмиграции даже не подозревают о его существовании. Так краснодарец О. В. Ратушняк утверждает даже, «что у кубанцев не было за границей своего архива и его функции были возложены на Историческую комиссию Кубанского казачьего войска», образованную в 1938 г. во главе с атаманом В. Г. Науменко, [6, с. 54]. Очевидно, исследователя подвело недостаточное знакомство с чехословацкой казачьей периодикой той поры, которая подробно освещала историю создания Кубанского заграничного архива, его работу и самые яркие достижения. Возник архив в 1925 году по решению Общего собрания Общества кубанцев в ЧСР. В его задачу входили сбор, хранение, приведение в порядок и научная разработка материалов, которые касаются истории Кубани и кубанской эмиграции. Заведующим архивом стал П. Л. Макаренко, а председателем Совета избрали историка, профессора Ф. А. Щербину. С сентября 1929 г. архив находился под протекторатом Министерства иностранных дел Чехословацкой Республики, который оплачивал аренду помещения, его освещение и отопление. Работал архив по адресу Praha IV. Loretanske, n. 109. В 1931 г. архив рапортовал, что уже собрано «много ценных материалов по истории Кубани до революции 1917 г., а также о жизни Кубани под московской большевистской властью», что «поступила значительное количество материалов о пребывании кубанцев в Крыму, на о. Лемносе и т. д.». Пользуясь случаем, Управа Общества кубанцев и Рада Кубанского Закордонного Архива вновь обращалась ко всем кубанцам с призывом о поддержке этой очень полезной для родного края работы и просила присылать новые материа-

лы, и опять таки акцент делается на воспоминания и дневники [2. С. 24]. Эти материалы очень скоро пошли в дело, когда пражский журнал «Вольное казачество» стал из номера в номер публиковать историческое исследование в пяти частях под названием «Трагедия казачества» (1933–1939). Грандиозный труд печатался без указания на авторство. Никто не решился поставить имя под текстом, рожденным на основе сотен воспоминаний других свидетелей недавних исторических событий. Лишь в послевоенное время этот вопрос дискутировался в казачьей печати. Выдвигались различные версии, но точку в этом вопросе поставил кубанец Ф. В. Пухальский, доказавший [5], что всю работу по своду воспоминаний земляков едино осуществил Председатель общества кубанцев, заядлый библиофил и талантливый историк-самоучка, бывший член Кубанской казачьей Рады П. Л. Макаренко (1884–1970). Ряд ценных фактов о деятельности архива, персональном составе его сотрудников и сети корреспондентов доносит до нас недавно изданный сборник документации Русского заграничного архива, по-прежнему хранящейся в Праге [7]. А сам архив, его фонды, нам удалось обнаружить в Киеве в Центральном государственном архиве высших органов власти (ф. 3979). В его составе: первые два тома «Воспоминаний» Ф. А. Щербины, Воспоминания И. Бойко «В стане бело-зеленых», воспоминания Ф. Удовико о восстании на Кубани под предводительством генерала Пржевальского и многое другое.

Актуализация жанра воспоминаний была лишь частью литературного процесса в эмиграции. Молодежь была готова на большее. Многие увлекались поэзией С. Есенина, были поклонники и у В. Маяковского, Б. Пастернака, А. Ахматовой. Ощущалась тяга к объединению и профессиональному общению. Так 9 июня 1925 г. в Праге было создано объединение «Семья молодых казачьих литераторов». В него вошли поэты Борис Кундрюцков Николай Келин, Павел Поляков, Юрий Гончаров, Алексей Персидсков, Константин Поляков, Любовь Самсонова, Петр Крюков, прозаики Михаил Самсонов и Терентий Стариков. Все – донцы. Учредительное собрание проходило

«у Флека», знаменитого пивовара, заведение которого насчитывало несколько столетий – излюбленное место сходов студенческой молодёжи. Эту знаменитую «пивницу» украшали знамена старого пражского студенчества, бившегося под ними за свободу и честь отчизны, здесь за одним из столов по преданию писал своего «Фауста» Й. Гёте, поэтому акция получилась торжественной и пафосной. Ведь перед молодыми литераторами стояла грандиозная, по их мнению, задача создать казачью литературу, поскольку предшественников у них на родине, даже до революции, практически не было. Родившийся на собрании девиз гласил: «Движение вперед! Казачья краевая литература! Во всем красота и художественность!» В принятом по этому случаю «Акте» говорилось «Озаренные любовью к Казачеству, мы смело поднимаем Вольное знамя, знамя художественной казачьей литературы и будем биться за него до последней капли крови. Убывающие из строя будут передавать его преемникам, но ни на минуту не свернется и не падет на землю его широкое полотнище!» [1, с. 7]. 31 декабря 1925 г. на очередном собрании объединения было решено поменять название и с сего дня именоваться «Литературной казачьей семьёй». Так создавалась зарубежная литературная страничка словесности Дона. Судьба её была благоприятной, ибо с первых шагов молодых литераторов взял под свою опеку журнал-долгожитель «Вольное казачество» (1927–1939), выходящий к тому же дважды в месяц. Он регулярно публиковал новые произведения членов этого литературного объединения, печатал их портреты, сообщал о выходе их первых книг, публиковал некрологи и странички памяти о тех, кто ушёл из жизни молодым. В наше время большая часть перечисленных литераторов, взывавших когда-то к духам Гете и Федора Крюкова, вернулись своими книгами на родину, и, в первую очередь, – самые талантливые: Ю. Гончаров, П. Поляков. Н. Келин и др. Правда, особой заслуги государства в этом нет, ибо издателем выступил краевед-энтузиаст, неутомимый собиратель казачьих архивов К. Н. Хохульников, которому удалось охватить своим поиском не только зарубежный Дон, но и по существу весь закордонный Терек.

Гораздо труднее пришлось кубанским литераторам. Войсковой официоз «Кубанский казак» (он же «Кавказский казак») хоть и выходил в Белграде ежемесячно, но тоненькой тетрадкой и весьма скупо выделял странички под художественное слово, делая исключение разве что для стариков: А. Пивня, Г. Шевеля, Ф. Щербины. Пишущая молодежь и её творческие проблемы в нём никого не волновали. Кому-то удавалось опубликоваться в пражском информационном журнале «Про Кубань» (1925–1931), кто-то лелеял надежды на «Наш край» (1927–1928), задуманный как принципиально двуязычный, русско-украинский орган, объединяющий творческие силы черноморцев и линейцев (скончался на следующий год после выхода второго номера) [10].

1931–1932 гг. – это пик деятельности в эмиграции Союза кубанских писателей и журналистов. В 1931-м в нем состояло 20 членов, проживавших в Чехословакии, Франции, Югославии, Болгарии и Румынии. Возглавлял Союз главный редактор уже знакомого нам двуязычного журнала «Вольное казачество – Вільне козацтво» И. А. Билый. В следующем году председателем был избран Ф. А. Щербина, товарищем председателя – Г. В. Омельченко, а членами правления Ф. К. Воропинов и А. С. Медяник. Смена руководства оказалась фатальной для судьбы самого Союза и для его печатного органа – парижского журнала «Кубанское казачество». Обиженный И. А. Билый повел раскольническую политику, потребовав, чтобы постоянные авторы возглавляемого им «Вольного казачества» вышли из писательского объединения. В противном случае им грозило отлучение от журнала. Писатели застались между двух огней. Некоторые (Г. Шевель, А. Пивень) выступили в печати с публичным осуждением неприкрытого шантажа и были лишены возможности печататься в самом «литературном» из всех журналов казачьего зарубежья, выходившем два раза в месяц и, что немаловажно, выплачивавшем авторам гонорары. В конце концов, основные силы перешли все-таки на сторону И. А. Билого. Однако «прощенному» А. Пивню разрешили печататься впредь только под новым псевдонимом О. Ходькевич-Сапсай [12].

Коротко остановимся на характеристике «историко-литературного и иллюстрированного журнала» «Кубанское казачество», который позиционировал себя как печатный орган кубанского литературного сообщества. Среди впечатляющего обилия казачьей периодики двух межвоенных десятилетий он выгодно отличался хорошим подбором авторов, качественными материалами и общей высокой культурой издания. Объясняется это тем, что в качестве издателя выступило Общество ревнителей Кубани, объединявшее в эмиграции кубанских военных историков-любителей, а выпускался журнал под редакцией «коллегии кубанских казаков» при деятельном участии международного Союза Кубанских писателей и журналистов.

Программа журнала изложена в «Обращении к кубанскому казачеству», опубликованном на последних страницах двух первых номеров. В нем говорится: «Общество ревнителей Кубани, имеющее свой центр в Париже, задалось целью – в своем журнале «Кубанское казачество» историко-литературным материалом, историческими и характерными снимками, гравюрами, рисунками – воскрешать в памяти родных казаков былое нашей Матери-Кубани, освещая и воспевая Ее, родную нашу Кубань-Отчизну, наше дорогое нам, растерзанное, обескровленное и распятое на кресте Кубанское казачество, наше славное и незаменимое ничем Кубанское Казачье Войско, – распятое, но еще живое и в муках нечеловеческих страданий – горящего «Жить».

Ко всем Кубанским Казакам – от высоких до рядовых рангов, от ученых до землеробов, от богатых до «сиромы», от Вольных до Императорских казаков – наш призывный голос – кто живет мыслью о Родине, кто не ушел в житейское море обывательщины и безразличия, кому дорог путь «Туда, к родным Казачьим берегам – принять живое участие в нашем стремлении».

Редакция призывала казаков писать «статьи, заметки, воспоминания, описания, бытовые эпизоды», писать на чём попало и как попало. «За бедностью – пишите кровью и на сахарной бумаге, лишь был бы в писанном смысл, душа, казачий взлет, песнь и тоска, плач и жарт, лишь бился б пульс жизни и болезни

по нашему милому и загубленному Казачеству Кубанскому...». Земляков просили присылать «характерные бытовые и исторические Войсковые снимки, гравюры, портреты, картины, рисунки».

Обращение заканчивалось словами: «Все будет принято, просмотрено, использовано и возвращено с благодарностью. В добрый час – Родные Кубанцы – отзовитесь!» В подписи под обращением раскрываются имена тех, кто непосредственно занимался журналом. Это председатель Правления Общества Ревнителей Кубани полковник Ф. И. Елисеев и члены Правления: полковник И. В. Белый, подъяесаулы А. Н. Толбатовский и Е. М. Якименко.

Все три номера Кубанского казачества оформлены однотипно. Верхняя часть обложки представляет собою логотип. На нем изображена эмблема: в круге на фоне условного кубанского пейзажа изображена сторожевая вышка, ниже две перекрещенные сабли и надпись полукругом: «Кубанское Казачье войско». Позади круга перекрещиваются знамена двух старейших кубанских полков: 1-го Хоперского и 1-го Черноморского. Центральную ось создает атаманская булава, также находящаяся позади круга, из-за которого видна лишь верхняя и нижняя часть символа атаманской власти. Под рисунком дается название журнала на русском и французском языках, его почтовый адрес и сведения об издании, издателе и редакторах. Нижнюю часть каждого титула занимает групповое фото: Хоперцы (№ 1), Таманцы (№ 2) или рисунок: Пластуны 1854–1855 гг. – из коллекции лейб-гвардии Атаманского полка подъяесаула Семенченкова (№ 3). В конце каждого номера публикуется список изданий, которые можно приобрести через редакцию журнала: книги членов Общества ревнителей Кубани, Союза Кубанских писателей и журналистов, вышедший при их поддержке «кубанский» номер журнала «Россия». Начиная со второго номера, также в конце, дается роспись содержания всех вышедших до этого номеров, с тем, чтобы новые читатели при желании могли восполнить недостающие [11].

В журнале опубликованы очерки С. Федорова (Лантуха) «Великое войско Кубанское» (1688–1872) (№ 2), «Пластуны» (№ 1, 3), «Атаман Кухаренко» (№2), а также статья, по-

священная 20-летию его журналистской деятельности (с фотографией), и воспоминания сотника А. Медяника «Первые казаки-воздухоплаватели (Кубанский Казачий Воздухоплавательный дивизион)», первым командиром которого был полковник С. А. Федоров, затем выпускник Подебрадской хозяйственной академии и философского факультета Украинского вольного университета в Праге, доктор прав, инженер-экономист (№ 3). Таким образом, по количеству публикаций и материалов о нем уроженец станицы Лабинской С. А. Федоров может быть назван основным автором данного издания. Определенный исторический интерес представляют также записки кубанского войскового протоиерея Гр. Ломако «Церковная жизнь на Кубани со времен прибытия запорожцев до последних дней» (№ 1), Ф. Елисеева «Лабинцы и последние дни на Кубани» (№ 2), воспоминания генерала П. Кокунько о ставропольском казачьем юнкерском училище (№ 1), С. Мащенко о екатериндарской военно-фельдшерской школе (№ 2) и Ф. Елисеева об оренбургском казачьем военном училище (№ 3). Особо стоит отметить публикацию отрывка «Битва казаков с черкесами» из обширных воспоминаний Ф. А. Щербины (№ 3), публикация которых в полном объеме осуществилась на родине лишь теперь [13]. Из-за финансовых трудностей и идейной борьбы, раздиравшей первую волну российской эмиграции, «Кубанскому казачеству» было суждено продержаться лишь три номера. На третьем номере закончилась жизнь и другого интересно задуманного журнала «Черноморец», печатавшегося на «кубанской мове». Но причиной его смерти, как и десятков других казачьих изданий, стало начало Второй мировой войны. К сожалению, однотомник в многотомной серии «Кубанская библиотека», посвященный казачьей литературной эмиграции, до сих пор не вышел. Но вот уже 17 лет для кубанских читателей открывает имена казачьего литературного зарубежья журнал «Родная Кубань», редактируемый известным русским писателем В. И. Лихоносовым. У нас с журналом хорошие партнерские отношения, многие знаковые публикации подготовлены при участии наших сотрудников.

И совсем коротко о казачьей библиографии. Много о том, что, когда и где выходило, кто эти авторы мы знаем благодаря тому, что первая волна казачьей эмиграции выделила из своей среды двух талантливых казаков: кубанца Михаила Хомича Башмака [9] и донца Александра Константиновича Ленинова. С первых эмиграционных дней они вели свою библиографическую летопись. Но если первый из них был сосредоточен на росписи книжно-журнальной продукции, то второго больше интересовали авторы, их судьбы и, конечно, все что написано ими и о них. Результатом деятельности Башмака стала «Казачья библиография» за 1920–1941 гг., публиковавшаяся с продолжением на страницах «Казачьего вестника» с 15 марта 1942 по 1 марта 1944. А. К. Ленинов опубликовал десятки библиографических очерков в американском журнале «Казачья жизнь», которые затем было объединены в двухтомнике «Галерея казачьих писателей» [3, 4].

Использованная литература:

1. Колесов И. Литературная казачья семья (к трёхлетию юбилею) // Вольное казачество. 1928. № 13. С. 7–9.
2. Кубанський архів // Про Кубань. Видання Громади Кубанців в ЧСР. Прага. Квітень. № 43. С. 24.
3. Ленинов А. К. Галерея казачьих писателей: историческое исследование: в 2-х т. Нью-Йорк: Изд. Казачье-Американского народного союза, 1968. – 366 с. Т. 1.
4. Ленинов А. К. Галерея казачьих писателей: в 2-х т. Нью-Йорк: Изд. Казачье-Американского народного союза, 1970. Т. 2.
5. Пухальский Ф. В. Необыкновенная история (К вопросу авторства «Трагедии казачества»). Лос-Анджелес, Калифорния, 1972.
6. Ратушняк О. В. Культура казачьего зарубежья (1920–1930) // Культурная жизнь Юга России. 2015. № 2. С. 52–56.
7. Русский заграничный архив в Праге – документация. Каталог собраний документов, хранящихся в пражской Славянской библиотеке и в Государственном архиве Российской Федерации / сост. Л. Бабка, А. Копрошипова, Л. Петрушева. Прага, 2011.
8. Фонды русского заграничного исторического архива в Праге. Межархивный путеводитель / ред. Т. Павлова. М.: РОССПЭН, 1999.
9. Чумаченко В. К. Библиограф казачьей эмиграции М. Х. Башмак // Информационная культура личности: прошлое, настоящее и будущее: тез. докл. междунар. науч. конфер. Краснодар: Краснодарская гос. академия культуры и искусств, 1996. С. 432–434.
10. Чумаченко В. К. К истории казачьей периодики. Журнал «Наш край» (1927–1928 гг.) // Региональные аспекты информационно-культурологической деятель

Литература казачьего зарубежья – сравнительно новое направление в научно-исследовательской деятельности Южного филиала Института Наследия, но оно уже хорошо зарекомендовало себя в работах наших сотрудников. Налажены хорошие рабочие отношения с крупнейшим хранилищем эмигрантской литературы – Славянской библиотекой в Праге. Но пока не было ни одной научной конференции на эту тему ни в Краснодаре, ни в Ростове-на-Дону, ни во Владикавказе. У нас уже сформулированы интересные предложения о её проведении коллегам из названных регионов. Имеется большая заинтересованность и со стороны исследователей из Калмыкии. Думается, участие в данной конференции, обмен опытом с крупнейшими отечественными и зарубежными специалистами позволит нам сделать новые шаги в правильном направлении.

References:

1. Kolesov, I., Literaturnaya kazach'ya sem'ya (k trekhletnemu yubileyu) (Literary Cossack Family (To the Three-Year Anniversary)), *Vol'noe kazachestvo*, 1928, no. 13, p. 7–9.
2. Kubans'kiy arkhiv (Kuban Archive), *Pro Kuban'. Vidannya Gromadi Kubantsiv v ČSR, Praga, Kviten'*, no. 43, p. 24.
3. Leninov, A. K., *Galereya kazach'ikh pisateley: istoricheskoe issledovanie* (The Gallery of Cossack Writers: Historical Research), in 2 vols., vol. 1, New-York: Izdatel'stvo Kazach'e-Amerikanskogo narodnogo soyuza, 1968.
4. Leninov, A. K., *Galereya kazach'ikh pisateley* (The Gallery of Cossack Writers: Historical Research), in 2 vols., vol. 2, New-York: Izdatel'stvo Kazach'e-Amerikanskogo narodnogo soyuza, 1970.
5. Pukhal'skiy, F. V., *Neobyknovennaya istoriya (K voprosu avtorstva «Tragedii kazachestva»)* (Extraordinary story (On the Question of the Authorship of «The Tragedy of Cossacks»)), Los-Angeles, CA, 1972.
6. Ratushnyak, O. V., *Kul'tura kazach'ego zarubezh'ya (1920–1930)* (The Culture of the Cossack Émigré (1920–1930)), *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii*, 2015, no. 2, p. 52–56.
7. *Russkiy zagranichnyy arkhiv v Prage – dokumentatsiya. Katalog sobraniy dokumentov, khranyashchikhsya v prazhskoy Slavyanskoy biblioteke i v Gosudarstvennom arkhive Rossiyskoy Federatsii* (Russian Foreign Archives in Prague: Documentation. Catalogue of the Collections of Documents Stored in the Prague Slavonic Library and in the State Archives of the Russian Federation), Babka, L., Koproshipova, A., Petrusheva, L., Comps., Praga, 2011.
8. *Fondy russkogo zagranichnogo istoricheskogo arkhiva v Prage. Mezharhivnyy putevoditel'* (Funds of the

ности: тез. докл. междунар. науч. конфер. Краснодар: Краснодарская гос. академия культуры и искусств, 1998. С. 174–175.

11. Чумаченко В. К. К истории периодики казачьей эмиграции (парижский журнал «Кубанское казачество». 1931–1932 гг. // Культура и образование в информационном обществе: материалы междунар. науч. конфер. Краснодар: Краснодарский гос. ун-т культуры и искусств, 2003. С. 196–200.

12. Чумаченко В. К. Нарис про життя і творчість Олександра Юхимовича Півня, українського фольклориста і кубанського козачого письменника // Донецький вісник наукового товариства ім. Шевченка. Донецьк: Східний видавничий дім, 2003. Т. 4. С. 79 – 88.

13. Щербина Ф. А. Собрание сочинений. Сер. первая: неизданные сочинения: в 6-ти т. / сост., науч. ред., вступ. ст., коммент. В. К. Чумаченко. М.; Краснодар, ст. Новодеревянковская, 2008–2014. Т. 1–4: Пережитое, передуманное и осуществленное (воспоминания).

Russian Foreign Historical Archive in Prague. Interarchival Guide), Pavlova, T., Ed., Moscow: ROSSPEN, 1999.

9. Chumachenko, V. K., Bibliograf kazach'ey emigratsii M. Kh. Bashmak (Bibliographer of the Cossack Emigration Mikhail H. Bashmak), in *Informatsionnaya kul'tura lichnosti: proshloe, nastoyashchee i budushchee: tezisy dokladov mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*, Krasnodar: Krasnodarskaya gosudarstvennaya akademiya kul'tury i iskusstv, 1996, pp. 432–434.

10. Chumachenko, V. K., K istorii kazach'ey periodiki. Zhurnal "Nash kray"(1927–1928 gody) (On the History of the Cossack Periodical Press. The «Our Land» Magazine (1927–1928)), in *Regional'nye aspekty informatsionno-kul'turologicheskoy deyatel'nosti: tezisy dokladov mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*, Krasnodar: Krasnodarskaya osudarstvennaya akademiya kul'tury i iskusstv, 1998, pp. 174–175.

11. Chumachenko, V. K., K istorii periodiki kazach'ey emigratsii (parizhskiy zhurnal «Kubanskoe kazachestvo». 1931–1932 gody (On the History of the Periodical Press of the Cossack Émigré (The Parisian Magazine «Kuban Cossicks» (1931–1932))), in *Kul'tura i obrazovanie v informatsionnom obshchestve: materialy dokladov mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*, Krasnodar: Krasnodarskiy gosudartvennyy universitet kul'tury i iskusstv, 2003, pp. 196–200.

12. Chumachenko, V. K., Naris pro zhittya i tvorchist' Oleksandra Yukhimovicha Pivnya, ukrains'kogo fol'klorista i kubans'kogo kozachogo pis'mennika (Essay on the Life and Work of Alexander Ye. Piven', Ukrainian and Kuban Cossack Folklore Writer), in *Donets'kiy visnik naukovogo tovaristva imeni Shevchenka*. Donets'k: Skhidniy vidavnichiy dim, vol. 4, 2003, pp. 79 – 88.

13. Shcherbina, F. A., *Sobranie sochineniy. Seriya pervaya: neizdannye sochineniya* (Selected Works. First Series: Unpublished Works), in 6 vols., Chumachenko, V. K., Comp., Ed., Foreword, Comment., Moscow; Krasnodar, st. Novoderevyankovskaya, 2008–2014., vols. 1–4: *Perezhitoe, peredumannoe i osushchestvlennoe (vospominaniya)*.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Горлова, И. И. Казачье литературное зарубежье [Электронный ресурс] / И. И. Горлова, В. К. Чумаченко // Наследие веков. – 2015. – № 2. – С. 116-122 . URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/10/2015_2_Gorlova_Chumachenko.pdf (дата обращения дд.мм.гг.).

Full bibliographic reference to the article:

Gorlova, I. I., and Chumachenko, V. K., Kazach'e literaturnoe zarubezh'e (Cossack Literary Abroad), *Naslediye Vekov*, 2015, no. 2, pp. 116-122. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/10/2015_2_Gorlova_Chumachenko.pdf. Accessed Month DD, YYYY.

ЖАЧЕМУК Зарима Рамазановна

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
отдела литературы Адыгейского республиканского института
гуманитарных исследований им. Т. Керашева
г. Майкоп, Россия

Zarima R. ZHACHEMUK

Cand. Sci. (Literature of the Peoples of the Russian Federation), Senior
Researcher, Department of the Literature, Adyghe Republican Institute of
Humanitarian Studies, Krasnodar, Russia
arigi@mail.ru

Литература адыгской диаспоры и художественное своеобразие романа «Отчужденные» Кадыра Натхо

The Adyghean Diaspora Literature and Artistic Originality in the Novel “Estranged” by Kadyr Natho

В статье прослеживаются судьбы северокавказской послевоенной эмиграции в странах Европы. Анализируется творческое наследие представителя адыгского литературного зарубежья К. Натхо. Герои его произведений, отчужденные от своей родины, проходят через тяжелые нравственные и психологические потрясения, но сохраняют глубокое чувство внутреннего духовного родства с родной землей.

Ключевые слова: литература, роман, образ, адыгское литературное зарубежье.

The article traces the fate of the North Caucasus postwar emigration to Europe. The creative legacy of Kadyr Natho the representative of foreign Adyghean literary is analyzed. The heroes of his works, alienated from their homeland, pass through heavy moral and psychological shock, but retain a deep sense of inner spiritual relationship with their native land.

Keywords: literature, novel, immigration, refugees, image, Circassian abroad.

Адыгские эмигранты проживают в Европе, Турции и странах Ближнего Востока. Живут наши соотечественники в США, Канаде, Австралии. Среди адыгской эмиграции за океаном можно встретить выдающихся людей своей эпохи. Среди них – военные, бизнесмены, ученые, писатели. Благодаря Абу Схалыхо мы знаем адыгских писателей, проживающих в зарубежье. Он отмечает, что «зарубежные адыгские писатели XIX в. выросли в атмосфере исконного адыгского воспитания, строгого соблюдения национального этикета адыгэхабзэ, свободного владения родным адыгейским языком. Несмотря на разбросанность творцов литературы адыгского зарубежья, связующей и цементирующей силой их художественной деятельности

является образ мышления народа, выработанный их предками с незапамятных времен» [2, с. 543].

В результате эмиграционного процесса за границей оказались тысячи адыгов. Они оказались оторванными от привычных социальных форм существования. Им приходилось бороться за свою индивидуальность, обычаи и традиции. Сохранение и развитие национального художественного и духовно-нравственного мировидения – одно из главных достижений черкесской диаспоры. «Литература адыгского зарубежья разноязычна, но она пронизана животворящей мыслью об этнической родине, о самосохранении – это душа, это жизнь, смысл, сущность всей литературы адыгского зарубежья. Боль души от потери

родины – основная тема творчества всех зарубежных адыгских авторов. Большинство народа было отчуждено от отчей земли и выброшено за ее пределы», – пишет А. Схаляхо [2, с. 542].

Произведения писателей, черкесов по национальности, А. Мидхата, О. Сейфеддина, Р. Рушди, Ч. Онера, Ш. Кубова, К. Натхо и других известны широкому кругу читателей разных государств, прежде всего благодаря тому, что творили они на языке среды проживания и в немалой степени работали не только для своих соплеменников, но и для представителей той самой иной языковой среды.

Адыги, живущие на исторической родине, в последние годы стали больше узнавать о творчестве наших соотечественников за рубежом. В последние годы в книжных издательствах Нальчика и Майкопа увидели свет избранные произведения Ш. Кубова «Пою мою песню», роман К. Натхо «Отчужденные», романы М. Кандура («Кавказ», «Черкесы. Балканская история», повести Р. Рушди «Жан», «Это моя нация» и др.

В литературе адыгского зарубежья одним из самых замечательных её представителей является Кадыр Натхо, живущий в Америке. Главным его творческим достижением является роман «Николас и Надюша». К. Натхо известен адыгам также как автор романа «Отчужденные», написанного на английском (английское название произведения «Nicholas and Nadiusha»), переведенного и опубликованного в Майкопе в 1992 г. Произведение многосюжетное, роман о беженцах из Советского Союза в период Великой Отечественной войны. Читателю сразу запоминаются образы центральных героев: Николаса, Надюши, Марфы Любенцовой, американского полковника Коллинза и других. Кратко, но емко даны образы адыгов Дамада, Камгаза, грузина Казбека. В романе мы узнаем острые драматические ситуации, раскрывающие трудные судьбы послевоенной эмиграции в странах Европы, в данном случае в Италии. Адыги и русские, белорусы и украинцы, лишившиеся в силу сложившихся обстоятельств своей родины, проходят через череду нравственных и психологических потрясений. Но герои произведения К. Нат-

хо сохраняют глубокое чувство внутреннего духовного родства с родной землей, что и помогает им вместе перенести всяческие испытания и унижения. Вместе с этим роман повествует и о высокой любви.

К. Шаззо пишет: «Роман о драматических судьбах людей, отчужденных от своей земли и находящихся очень трудный приют на чужбине. Он о любви – тоже трудной, но красивой, судьбоносной, жизнетворящей, о любви, которая способна вернуть человека из огня насилия, из всепожирающей сухой пустыни к оазису счастья и радости. Он – о сильном, прекрасном человеке, о мужчине, который сумел пронести красиво, сквозь бури невзгод и испытаний свою честь, совесть, мужское достоинство, не уронить их...» [3, с. 573]. Автор показывает образы, как положительные, так и отрицательные, которые связаны с главным нравственным центром романа – Николасом и Надюшей. Эти герои как будто имеют что-то общее. Сочетание имен почти очевидно. Оба чужестранцы среди итальянцев, одного возраста, обоим суждено преодолеть препятствия на своем пути.

Николас – главный герой романа. Он рос сиротой, не помнит родителей, с малых лет его воспитывал старый черкес Дамад, не по своей воле оказавшийся на чужбине. После страшной бомбардировки в суматохе Дамад увидел на вокзале беспризорного плачущего ребенка, взял его и воспитал как своего сына, в лучших традициях своего народа. С огромной любовью и теплотой он передавал ребенку все, что знал сам, чтобы он мог стоять на собственных ногах и бороться за свою жизнь как человек. На протяжении всего повествования наблюдаем методы воспитания, применяемые Дамадом. В характере Николаса мы видим адыгское воспитание: терпение, умение переносить любые муки, выдерживать любые испытания. Оказавшись на чужбине, Дамад не теряет чувство собственного достоинства. «Я не для того родился, – говорит он, – чтобы мной распоряжались как скотом. Я хочу быть свободным и самим собой» [1, с. 178].

С Николасом впервые мы встречаемся в начале романа, когда он был обманут и изранен в Форчела. Убив двоих из нападавшей на него шайки и ранив несколько человек, сам

раненный ими, оказался в госпитале Руно, в одном из городов Италии. Здесь он и познакомился с медсестрой Надюшей, которая помогла ему, преследуемому полицией, убежать из госпиталя и долечиваться дома, у нее. Вот так в жизнь Николаса входит Надюша. Хрупкое, божественное создание наполняет его до этого пустую жизнь великим смыслом и значением, исцеляет его сердце пониманием, состраданием и милосердием. Надюша спасает Николаса, заброшенного судьбой в мир преступников и насильников. Спасает своей чистой, искренней любовью, своим благородством. Человек, выросший в мире воров и грабителей, в мире, где нет места таким понятиям, как дружба, верность, милосердие, благодаря Надюшиной любви Николас задумывается над смыслом своей жизни и понимает, что раньше он воспринимал жизнь совсем иначе: «Жизнь... жизнь имеет магическую власть. Она может одного погубить немедленно или... обогатить другого тем же образом. Она может засыпать тебя любовью, богатством и счастьем или... она может бросить тебя в пучину нищеты, разочарования и ненависти... Она может уничтожить одного и возродить другого» [1, с. 165]. Благодаря Надюше он открывает для себя новую жизнь.

Мистер Коллинз, сотрудник американского дипломатического корпуса в Италии, делает все от него зависящее, чтобы помочь русской женщине Марфе Любенцовой, мужа которой насильно вернули в Россию. Он помогает, потому что она покоряет его своей человечностью, благородством, женственностью и добротой. Из-за таких прекрасных качеств Коллинз и полюбил прекрасную русскую женщину. Впоследствии мистер Коллинз и Марфа поженились, стали всем известны как счастливая идеальная пара.

В романе мы видим весьма колоритную фигуру итальянки синьорины Банини, который автор уделил значительное внимание. Есть в человеке хорошее начало, но желание всем угодить, а главное – во чтобы то ни стало быть первой во всех делах – чувство зависти и карьеризма раздваивают личность Банини. Синьорина Банини часто бывала большой эгоисткой, даже безжалост-

ной по отношению к другим, но она всегда была преданной доктору Руно и любила его. Она помнила, как нашла его лежащим на земле, политой кровью, среди раненых и убитых. И затем она вся была поглощена этим ребенком. Банини пошла на фронт медсестрой, чтобы погибнуть, думая, что на войне самая легкая смерть. Но она нашла на ней ребенка, и желание умереть сменилось у нее другим – любовью к малышу, заботами о нем, для которого она должна была жить дальше. Она стала снимать часы с рук убитых и тяжело раненных, обручальные кольца, все, что могло стоить хоть что-то, воровала лекарства и продавала их – все для него, для его будущего. Она назвала ребенка Джиовани Руно, новые знакомые стали считать их матерью и сыном... После окончания войны они уезжают в Бари, потом переехали в Рим... Вырастила и воспитала дитя, сделав из него образованного доктора Руно. Она была одинокой, когда мальчик вошел в ее жизнь. И теперь, когда она была счастливой, оказалось, что он готовился уйти от нее навсегда.

Появление в клинике, а затем и в мыслях доктора Руно Надюши означало, что Банини была на грани его потери и должна была предотвратить эту несправедливость. Но, как говорится, бог справедлив, он уберет Надюшу от гибели, хотя синьорина дала полмиллиона лир вору и убийце Гардо, чтобы тот убил избранницу сына. Киллер решил по-своему: лучше расправиться с самой Банини, чем убивать невинную молодую девушку.

Своим романом автор сумел достучаться до многих читателей, донести до них биение сердца отчей земли. «Роман, воссоздающий сложный, трагический жизненный срез человеческого бытия, несомненно, удался автору и стал одним из значительных достижений литературы адыгейского зарубежья», – пишет А. Схалыхо [2, с. 554]. Время расставило все на свои места, и пусть не сразу, но мы сегодня, благодаря Кадыру Исхаковичу, имеем возможность быть свидетелями тех событий.

Литература адыгского зарубежья является одной из важнейших частей, составляющих духовное богатство адыгов, где бы они ни находились.

Использованная литература:

1. Натхо К. И. Отчужденные. Майкоп: Меоты, 1992.
2. Схалыхо А. А. Художественное наследие адыгской диаспоры // История адыгейской литературы. Майкоп: Адыгея, 2006. Т. 3. С. 481–557.
3. Шаззо К. Г. XX в.: Эпоха и человек. Майкоп: Адыгея, 2006.

References:

1. Natkho, K. I., *Otchuzhennyye* (Astranged), Maykop: Meoty, 1992.
2. Skhalyakho, A. A., *Khudozhestvennoe nasledie adygskoy diaspory* (Artistic Heritage of the Adyghe Diaspora), in *Istoriya adygeyskoy literatury*, Maykop: Adygeya, 2006, vol. 3, pp. 481–557.
3. Shazzo, K. G., *XX vek: Epokha i chelovek* (The Twentieth Century: Era and People), Maykop: Adygeya, 2006.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Жачемук, З. Р. Литература адыгской диаспоры и художественное своеобразие романа «Отчужденные» Кадыра Натхо [Электронный ресурс] / З. Р. Жачемук // Наследие веков. – 2015. – № 2. – С. 123-126. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/10/2015_2_Zhachemuk.pdf. (дата обращения дд.мм.гг).

Full bibliographic reference to the article:

Zhachemuk, Z. R., *Literatura adygskoy diaspory i khudozhestvennoe svoeobrazie romana «Otchuzhennyye» Kadyra Natkho* (The Adyghean Diaspora Literature and Artistic Originality in the Novel “Estranged” by Kadyr Natho), *Naslediye Vekov*, 2015, no. 2, pp. 123-126. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/10/2015_2_Zhachemuk.pdf. Accessed Month DD, YYYY.

КНИЖНОЕ ДЕЛО ЮГА РОССИИ

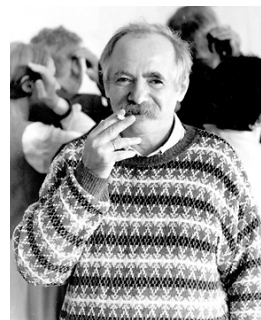
Экслибрис (exlibris, книжный знак) в переводе с латинского «из книг» – знак владения книгой, принадлежности ее к какой-нибудь личной или общественной библиотеке, традиционный элемент книжной культуры. Историки считали, что на Руси начало книжному знаку положили вкладные и дарственные надписи на книгах монастырских библиотек. В эпоху Петра I в России появился гравированный тиражный экслибрис. Развитие книгопечатания, техники гравирования, интерес к книге, демократизация читателя и библиофила – все это так или иначе формировало (и изменяло) облик книжного знака. Сначала рисованный от руки, потом ксилографический или офортный, сейчас для его изготовления достаточно широко используют фотомеханические печатные формы. Сначала геральдический (гербовый), в середине XIX в. он становится лаконичным ярлыком-печаткой. В начале XX в. им заинтересовались не только владельцы библиотек, но и профессиональные художники. Из функционального знака принадлежности книги, экслибрис превратился в вид малой графики, в небольшую сюжетную гравюру. Его стали не только приклеивать к внутренней стороне книжного переплета (традиционное место), но и коллекционировать, устраивать выставки. Но, по сути, у библиотечной печати, наборного ярлыка, геральдического или сюжетного экслибриса природа одна – знак принадлежности.

СЛУЦКИЙ Аркадий Иосифович

кандидат педагогических наук, профессор,
ассоциированный научный сотрудник Южного филиала Рос-
сийского научно-исследовательского института культурного и
природного наследия имени Д. С. Лихачева, г. Атланта, США

Arkady I. SLUTSKY

Cand. Sci. (Library Science, Bibliography and Bibliology), Prof.,
Associated Researcher, Southern Branch of the Russian Research
Institute for Cultural and Natural Heritage, Atlanta, USA
aiskiev@yandex.ru

Биография одной коллекции (материалы к истории кубанского экслибриса)

Статья посвящена истории уникальной коллекции книжных знаков, собранной и подаренной автором Краснодарскому художественному музею имени Ф. А. Коваленко.

Ключевые слова: культура, история, Кубань, коллекционирование, книга, экслибрис, библиотека.

The Biography of a Collection (the Materials for the History of the Kuban Bookplates)

The article is dedicated to the history of a unique collection of bookplates, collected and presented by the author to the Kovalenko Krasnodar Art Museum.

Key words: culture, history, Kuban, collecting, book, bookplate, library

Настоящим коллекционером я никогда не был. В школьные годы, от случая к случаю, пробовал собирать все: марки, значки, монеты, спичечные этикетки, календарики... Но очень быстро остывал... Человек я, пожалуй, стихийный, «несосредоточенный». Меня уводило то в

поэзию, то в социологию, то в историю книжного дела... Я никогда в жизни не формулировал для себя долгосрочных «целей». Для меня главным был «процесс». А такие люди плохие коллекционеры. Единственное, что я собирал долго, были экслибрисы. Правда и тут случа-

лись периоды полнейшей апатии, но временами они сменялись активной деятельностью, перепиской с коллекционерами, изучением всевозможных справочников, общением с художниками.

1

Коллекционировать я начал в 60-е гг. XX в. Было это время увлечения библиофильством, собирания личных библиотек, повышенного интереса ко всему, что связано с книгой.

Мой интерес к экслибрису сформировался в Воронеже во время учебы в университете. Однокурсник-прибалт несколько раз привез мне в подарок, непонятно по какому поводу, десятка два тиражных (цинкографских) экземпляров. Подарок приворожил. Захотелось собирать. Кто-то подсказал, что в Воронеже живет серьезный коллекционер книжных знаков – Олег Григорьевич Ласунский, кто-то (уже не помню, кто и как) познакомил с ним. Знакомство продолжилось на многие десятилетия. После первой встречи он подарил (я тогда к обмену не был готов) десяток знаков. Среди них несколько дореволюционных экслибрисов, несколько работ Н. А. Никифорова. Так начинала формироваться коллекция. В библиотеке Воронежского университета работал мой друг – тоже студент филологического факультета – Лев Константинович Коськов. Ласунский предложил нам интересный проект: подготовить каталог книг с дореволюционными отечественными книжными знаками из фондов библиотеки ВГУ. Это была долгая (и прекрасная) работа. После занятий я шел в библиотеку, нас закрывали в хранилище, и мы фронтально перебирали дореволюционный фонд. Выявляли и регистрировали книги с экслибрисами. Фонд библиотеки был хороший, формировался сложно, в него вошли многие «исторические», «знаковые» библиотеки. Одни фрагментами, другие почти целиком. Каталог (под редакцией О. Г. Ласунского) вышел, когда я уже переехал (после окончания университета) в Краснодар. Сейчас таких каталогов (альбомного типа, красиво оформленных) разных библиотек много. Но тот был первым, тоненьким, маленьким, где-то в полтора печатных листа [31]. О том, как мы над ним работали О. Ласунский вскользь расска-

зал в последнем издании своей книги «Власть книги» [15, с. 534].

Готовя к изданию каталог, мы не смогли в Воронеже атрибутировать десяток геральдических знаков. В Москву во времена студенчества я выбирался сравнительно часто, и Олег Григорьевич снабдил меня телефоном Юрия Петровича Шмарова, специалиста по русской геральдике. Хождение в гости к библиофилам всегда предполагает какие-то книжные подарки. У меня случайно оказался томик по английской геральдике, и я прихватил его с собой. Встретил меня Шмаров прохладно. Он был человеком, пережившим репрессии, скорее всего, сторонился неожиданных знакомств. Лаконично сказал, что принадлежность знаков (я привез фотографии) он должен проверить по справочникам, но сделать это сразу сложно. Справочники, мол, ему нужно еще найти (библиотека у него действительно была огромная). Я, конечно, был расстроен, но, прощаясь, геральдический томик ему подарил. Он моментально преобразился, нашел не только время определить владельцев знаков, но начал показывать библиотеку, и тут же подарил мне десятка два дореволюционных геральдических знаков, все больше прибалтийских баронов.

Понятное дело, что собрание дореволюционных знаков у меня формировалось помалу. От случая к случаю покупал экслибрисы в поездках в Москву – в антикварном магазине в здании Метрополя. Благодаря этим покупкам у меня, например, собралась почти полная коллекция книжных знаков семьи Всеволожских (от XVIII и до начала XX вв.), отдельные экслибрисы Е. Лансере, Н. Уткина, Л. Бакста, Т. Бьюика. Насколько я понимаю, в этом магазине обычно продавались и покупались целые коллекции, я был покупателем случайным, не денежным, появлялся эпизодически, но что удивило: продавец меня запомнила. И во второе или третье посещение уже знала, что меня интересуется. Очень редко старый геральдический знак приходил в порядке обмена.

2

Страсть Ласунского к экслибрису в те времена (60-е гг. XX в.) была всепоглощающая. Человек известный в городе, работник обкома партии, он своими энтузиазмом и связями

сумел организовать в Воронеже несколько персональных выставок художников-экслибрисистов (Г. Кравцова, А. Калашникова, Н. А. Никифорова, А. Юпатова и других). К выставкам ему удавалось издавать симпатичные каталоги. В благодарность художники гравировали для Ласунского экслибрисы, иногда в подарок оставляли знаки из экспозиции, иногда дарили не отдельные оттиски, а часть тиража. Я общался с Ласунским, если не регулярно, то часто, скитался по выставкам (вместо того, чтобы ходить на лекции), несколько раз писал заметки в «Молодой коммунар» (воронежская газета, с которой я в студенческие годы сотрудничал). Какие-то экслибрисы Ласунский выделял и для моей коллекции. Именно тогда сформировались подборки экслибрисов А. Калашникова, Г. Кравцова. По почте я связался с А. Юпатовым и купил несколько его малотиражных рижских альбомов; в бандеролях с книгами он всегда присылал и авторские оттиски книжных знаков. В эти же годы Ласунский издал пару книг, которые для меня дороги по сей день. Глубоко убежден, что его «Книжный знак» [12] – одна из лучших книг по экслибрису, где (что особенно важно для меня) он в большей мере останавливается на исторической и источниковедческой стороне вопроса, а не на искусствоведческой. В те же времена вышли его первое издание «Власти книги» [11], библиографические указатели публикаций Н. М. Смирнова-Сокольского, трудов РОДК [19]. Потом я из Воронежа уехал, и мы расстались на очень долгие годы. Редко при okazji пересекались на каких-нибудь книговедческих конференциях (в Москве, 1988; Перми, 1992; Петербурге, 2003), обменивались нечастыми письмами и бандеролями. Как-то раз в Краснодаре я опубликовал газетную рецензию на сборник рассказов В. Дмитриевой [6], отредактированных О. Г. Ласунским [24]. Вообще стоит заметить, что Олег Григорьевич после любой своей серьезной публикации сам заботился, чтобы на нее обязательно появилась рецензия. Едва ли его стоит в этом упрекать, работал он много, самозабвенно, и издания его были хороши, а порой и неожиданны. Я поверхностно знаю историю воронежского краеведения, но убежден, что фигура Ласунского в нем едва ли не ключевая. Он был редактором (и скорее всего инициатором)

воронежской энциклопедии. Думаю, что я в нее попал, только благодаря его доброму отношению, так же как попал несколькими абзацами и стихотворными строчками в его путеводитель по мандельштамовским местам Воронежа. Одной из лучших его работ мне представляется «Литературно-общественное движение в русской провинции (воронежский край в «эпоху Чернышевского»)» [13]. Всю свою жизнь (во многих публикациях) он обращается к теме психологии библиофильства и собирательства. Да и еще: он непревзойденный мастер всевозможных инскриптов и дарственных стихотворных посвящений.

Со временем экслибрисная тема из нашего общения ушла, оно больше касалось историко-книжных и книговедческих проблем. В 2002 г. Галина Митрофановна Умывакина (председатель Воронежского отделения Союза российских писателей) предложила мне провести поэтический вечер в Воронеже. Предложению я был рад необыкновенно и, конечно же, возможной встрече с Ласунским. Я, естественно, вез какие-то книжные подарки. Мы с ним провели полдня у меня в гостинице, потом он приехал на мой вечер, принес несколько киевских библиофильских экслибрисных изданий (подготовленных совместно с М. А. Грузовым).

В 2006 г. небольшим тиражом был издан прекрасный каталог его книговедческой библиотеки, подаренной в отдел редкой книги научной библиотеки Воронежского государственного университета [30]. Он мне его прислал. Спустя несколько дней вечером раздался телефонный звонок. Звонил Олег Григорьевич. После традиционных приветствий сказал, что сборник «Книга: исследования и материалы», а точнее, заместитель его главного редактора Леонид Иванович Фурсенко, предлагает/просит меня написать рецензию на вышедший каталог его (О. Г. Ласунского) библиотеки. Признаюсь, я не очень отказывался. «Каталог...» мне нравился. «Книга...» – издание достойное. Время на рецензию было. Мне вообще в тот период работалось хорошо и комфортно. Я избавился от заведования (очень кратковременного) кафедрой, редактировал свое любимое «Книжное дело на Северном Кавказе», сравнительно много публиковался. Пришло решение на пару дней съездить в

Аркадий Сурцалу -
на память о совместных
жизненных делах.
А. Ласунский
г. Воронеж
19/11/16.

Воронеж. Хотелось поговорить с Ласунским, вновь почувствовать его в личном общении, обсудить каталог. День и ночь провел у него в разговорах на историко-книжные темы. В далекие студенческие годы я несколько раз бывал у него в гостях. Помню, как меня тогда поражало обилие книг: выставленные аккуратно в ряд старинные тома, переплетенные (под заказ) конволюты всевозможных экслибрисных брошюр-каталогов. Мы сидели за столом, в бутылке было что-то кроме книг, но именно книги правили здесь пир. Они сменяли друг друга, рассказы о них были торопливы, потому что библиофилу Ласунскому (как и каждому библиофилу) хотелось рассказать едва ли не о каждой как можно подробней. В приезд 2006 г. меня поразило практическое отсутствие книг в доме. Мне сразу стало неуютно. Библиотека была уже подарена в отдел редкой книги Воронежского университета. Я всё понимал, но неуютно мне было. Я задался вопросом, а каково должно быть ему? Незадолго до этого друзья сделали подарок: издали небольшой сборник статей к моему юбилею. Тогда Олег Григорьевич посвятил мне достаточно грустное эссе под название «Расставание с книгами». Там были такие строки: «Удивительное дело, – писал Ласунский, – у меня абсолютно отсутствует желание видеть книги, переданные мной в общественные хранилища. Не знаю, испытывают ли это странное ощущение другие библиофилы, оказавшиеся в сходном положении, но меня самого оно поражает. Я спрашиваю себя: не боишься ли ты лицезреть своих «деток» в роли несправдлив-

во обижаемых пасынков? Однако я уверен, что с ними обходятся вполне по-родительски (ну разве что не так берегут от пыли, как это делал ваш покорный слуга; да ведь и то верно: от книжной пыли никогда не избавиться, и она к тому же, как утверждают старые авторы, вовсе не вредна). Тогда почему же я не жажду встреч с волюмами, прежде меня волновавшими? Не потому ли, что они уже не мои, а чужие: в тайниках библиофильской природы глубоко спрятан собственнический инстинкт. А, может, я страшусь не за книги, а за себя самого: не хочу расстраиваться, заново переживать всплески эмоций. Я как бы оторвал от себя кусок естества – и заостенел в таком состоянии» [14, с. 57]. Цитата большая, но для характеристики Ласунского очень точная и необходимая. В тот вечер, продумывая будущую рецензию, я записал на диктофон наш многочасовой разговор. Он до сих пор хранится у меня. Рецензию опубликовали [28]. Последний раз мы общались в Воронеже на открытии памятника Осипу Мандельштаму. А потом я уехал в Атланту. Переписка стала совсем редкой, но сотрудничество продолжили.

3

Живя в Воронеже и Краснодаре, я практически ежегодно посещал Киев. Там оставался жить отец. В один из приездов позвонил Якову Исааковичу Бердичевскому. В «киевской молодости» я о нем слышал, но знакомы мы не были. В коллекционировании Яков был «ассом», «метром». Во всяком случае, в моем представлении, он был неким воплощением

«коллекционерства». По телефону был сдержан, но пригласил домой. Много лет спустя, в Атланте, я листал интернет-страницы, посвященные Я. И. Бердичевскому (их много) и завидовал (завидую) постоянству его призывания («коллекционер, библиофил, собиратель, систематизатор, специалист по графике и книжным знакам»). И ни о чем больше. Как же нужно быть преданным своей страсти, насколько нужно быть «человеком цели», чтобы прожить жизнь и ни разу не свернуть со своего собирательского пути. Мне сейчас трудно представить, что его заинтересовало во мне. Рядом с ним, моя коллекция, мое собирательство – чистейшей воды дилетантизм. Я тогда сидел у него до ночи (курить можно было в комнате), все он мне что-то показывал, рассказывал. Поразил факт двух экземпляров справочника У. Иваска: один рабочий, с пометами, закладками, другой коллекционный, неразрезанный. Он демонстрировал из коллекции рисунки русских художников начала XX в. (помнится А. Бенуа, экземпляр прижизненного издания Марины Ивановны Цветаевой с первыми авторскими оригинальными рисунками Юрия Анненкова). Уникумов было много, но так запомнилось. Жена его Лидия Борисовна коллекционировала фаянс. В ее коллекции был и межигорский. Это меня интересовало

ревнивы, жадны и расточительны. Я говорю в целом, не об исключениях. Иногда номера телефона не допросишься, какой-то вырезки из газеты, которая и копейки не стоит. А иногда вдруг под настроение подарят такой раритет, что диву даешься. Бердичевский был расточительно щедр. Всякий раз, как только я попадал к нему в Киев, моя коллекция пополнялась существенно. Во многом благодаря ему сформировалась «украинская» часть моей коллекции.

В один из приездов разыскивал киевское издание Я. Г. Кухаренко. Я тогда по просьбе Ю. Г. Макаренко занимался переводом для краснодарского издательства этнографических очерков Кухаренко. Бердичевский меня познакомил с киевским врачом Михаилом Андреевичем Грузовым. У того была богатейшая библиотека, собираемая многими поколениями. Именно у него я тогда купил пискуновское издание Кухаренко в прекрасном состоянии [7]¹. Грузов вообще повел себя очень отзывчиво: выяснив, что меня интересует, помог сделать и привезти в Краснодар несколько ксерокопий с очень редких изданий о Кухаренко и Межигорском монастыре. Он же собирал и экслибрисы. Да и Кухаренко (по рассказу Я. И.) он продал мне только потому, что хотел купить какую-то коллекцию экслибрисов. Общение с ним пополнило мою коллекцию. Но прочных

тоже как веточка сюжета судьбы межигорской библиотеки, перевезенной на Кубань. Ушел я нагруженный подарками: по крайней мере, полусотней авторских оттисков различных украинских экслибрисов и стопой всевозможных библиофильских изданий. Вообще коллекционеры одновременно непостижимо

¹ Спустя некоторое время Я. И. Бердичевский и М. А. Грузов прислали мне письмо с рассказом о судьбе этого экземпляра, приобретенным для собственной библиотеки предком М. А., известным русско-украинским художником, пейзажистом Владимиром Донатовичем Орловским (1842—1914). Потом в один из библиотечных юбилеев я подарил это издание отделу редкой книги Краснодарской краевой библиотеки имени А. С. Пушкина.

коллекционерских связей у нас с М. Грузовым не установилось. Обменялись несколькими письмами и бандеролями. Уже в начале XXI в. М. Грузов и О. Ласунский начали издавать милые номерные (чисто библиофильские издания), в том числе об экслибрисах. Эти издания мне презентовал Ласунский.

Потом Бердичевский уехал в Германию и наша связь прервалась. Но в 1999 г. раздался телефонный звонок, прозвучал вопрос о том, жив ли я и здоров ли? А вскоре пришла бандероль с книгой, изданной в Германии к 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина, рассказывающей о пушкинских материалах, хранящихся в немецких архивах. В основном это были материалы русской эмиграции. С тех пор связь наша восстановилась. Стали регулярным электронное эпистолярное общение, телефонные звонки. Поговорить по телефону он любит. Достаточно задать какой-нибудь вопрос, как он начинает подробнейшим образом отвечать. Его ответ, как правило, перетекал в рассказ о старом Киеве, об обстоятельствах жизни самого Бердичевского, о его литературных и книжных знакомствах. Можно удивляться его работоспособности: перевалив за восемьдесят лет, он продолжает (насколько я понимаю издавая) активно писать, издавать свои работы на библиофильские и экслибрисные темы, печататься в «Библиофилах России», «Библиофильских известиях». Мне он регулярно присылает свои «экслибрисные» издания. Это небольшие (на мой взгляд очень изящные) книжки о русском и украинском (в том числе «эмигрантском») экслибрисе, сборник экслибрисов, посвященных Т. Г. Шевченко, сборник экслибрисов лермонтовского окружения. Полстранички текста (несколько романтизированного) обо мне Бердичевский поместил в своем берлинском справочнике «Народ книги (к истории еврейского библиофильства в России)» [2, с. 241–242], там же воспроизвел мой экслибрис, работы краснодарского художника Юрия Осипова. Уже из Германии прислал необходимое мне для работы факсимильное издание «Временника общества друзей русской книги» [4]. Однажды я его уговорил написать статью в сборник «Книжное дело на Северном Кавказе» о ростовском коллекционере П. Б. Горцеве [1]. Он в свою очередь долго и безнадежно уговаривал меня писать для

«Библиофилов России». Я на этот подвиг так и не решился. Объяснял ему это тем, что по большому счету, я не библиофил и не коллекционер. Я специалист в области истории северокавказской книги.

Из Германии самих экслибрисов, оттисков уже не слал. Это было и понятно, к тому времени всю свою коллекцию я подарил Краснодарскому художественному музею. Но пытаюсь снять мою тоску-печаль по поводу отъезда из России, по поводу отлучения от коллекции экслибрисов, хранящихся далеко, прислал уже в Атланту бандероль с украинскими экслибрисами и экслибрисами для себя, каталоги нескольких экслибрисных выставок. И что было невероятно трогательно и приятно – в одной из бандеролей прислал свою фотографию.

4

Понятное дело, что переезжая из Воронежа в Краснодар, о коллекции я думал меньше всего. Необходимо было обустроить быт. Однажды получил письмецо от О. Ласунского с просьбой задать какие-то экслибрисные вопросы краснодарскому художнику и коллекционеру Владимиру Александровичу Пташинскому. У Пташинского по тем временам была большая (для Краснодара) коллекция книжных знаков. Позвонил, познакомился, начали не то чтобы регулярно, но пару раз в год встречаться. У меня уже был (привезенный из Воронежа) какой-то обменный фонд. Менялись. В моей коллекции стали появляться первые кубанские экслибрисы (раннего Е. Голяховского, И. Коновалова, А. Глуховцева, самого В. А. Пташинского). Большое влияние на формирование коллекции Пташинского оказал москвич художник Евгений Голяховский. Он корнями был связан с Кубанью, заканчивал Ейское реальное училище, Краснодарский художественный техникум, награвировал едва ли не первые художественные кубанские экслибрисы – для Краснодарского музея имени (тогда) А. Луначарского, адыгейского поэта Цуга Теучежа, для библиотеки В. А. Пташинского. Именно под влиянием Голяховского, как уже писалось, Пташинский начал коллекционировать книжные знаки, как художник, работать в этом жанре малой графики. В последние годы своей жизни Пташинский был председателем местного отделения Союза художников.

Он активно пропагандировал в крае этот вид графического искусства, сумел заинтересовать им краснодарских художников, стал организатором ряда интересных выставок (1964, 1967, 1969, 1978, 1979 гг.), выступал с публикациями в периодической печати, подготовил к изданию несколько каталогов и буклетов кубанского книжного знака. Мне приходилось об этом уже писать [26]. Во вступительной статье к каталогу первой выставки книжного знака в Краснодаре (1964) он подчеркивал: «Цель устроителей выставки – познакомить и привлечь внимание общественности, широкого круга любителей книги и художников к этому интересному виду графического искусства». Надо отметить, что художники «откликнулись». Почти все, кто занимался книжной и станковой графикой, промграфикой попробовали себя в жанре экслибриса. Наибольший интерес проявился в конце 1960–1970-х гг. Если на первой «экслибрисной выставке» в Краснодаре экспонировались работы только трех кубанских художников (А. Глуховцева, И. Коновалова, В. Пташинского), то на выставке 1979 г. были представлены книжные знаки более тридцати художников, которые (одни систематически, другие от случая к случаю) работали в этом жанре. Краснодар, Майкоп, Новороссийск, Сочи, Славянск-на-Кубани, станция Староминская – далеко не полная география кубанского экслибриса. Мне думается, что это был результат просветительской и пропагандистской деятельности Пташинского. Преобладающие техники, в которых работали краснодарские художники – перовой рисунок, линогравюра, ксилография, реже встречались офортные работы, стеклография, конгрев, граптография. Сам Пташинский, работая над экслибрисом, чаще всего использовал технику

линогравюры. Он же сделал большой (и единственный) доклад в Московском обществе экслибрисистов, посвященный современному художественному кубанскому экслибрису [18].

Постепенно формировался мой круг краснодарского общения. Однажды в библиотеке познакомился с Александром Галагановым, кубанским фотокорреспондентом, филателистом. Естественно, разговорились о всевозможном коллекционировании. Галаганов был знаком с Пташинским, у него были связи в типографии, и слово за слово – мы с ним решили издать тиражом в 10 экземпляров (номерную) подборку оттисков экслибрисов В. А. Пташинского [5]. Оттиски готовил (печатал) сам Владимир Александрович. «Книжное обозрение» заметило это издание, опубликовало отзыв [3]. В 1979 г. мы с Владимиром Александровичем организовали в Доме книги большую выставку экслибрисов [33]. Он делал макет буклета, я – текст. Вместе готовили экспозицию.

В конце 70-х гг. В. А. Пташинский свою коллекцию (около 2000 книжных знаков) передал в фонды Краснодарского художественного музея имени Ф. А. Коваленко. Но экслибрисом интересоваться продолжал. В 1982 г. он скоропостижно (неожиданно для всех) скончался. Ему как раз исполнялось 60 лет. В художественном музее была подготовлена юбилейная персональная выставка. Макет для каталога и афишу оформлял Владимир Александрович Глуховцев.

Смерть Пташинского была ударом по «экслибрисному Краснодару». Интерес к экслибрису начал резко затухать, профессиональные художники практически перестали работать в этом жанре. Была еще одна черта, характеризующая время его председатель-

ства в Союзе. Он всячески (другие председатели этого не делали) пытался сплотить кубанскую художественную интеллигенцию. Устраивал в Союзе художников поэтические вечера, музыкальные концерты. После смерти Владимира Александровича мне удалось опубликовать несколько статей его памяти, и благодаря Обществу книголюбов (Ирине Николаевне Путилиной и Алексею Васильевичу Жинкину) выпустить небольшую книжку, посвященную его экслибрисам (см.: [22] [23]). Мне нравились афиша и макет каталога, подготовленные В. Глуховцевым для юбилейной выставки художника. Я попросил его сделать макет «экслибрисной» книжицы. Для обложки каталога он награвировал (на мой взгляд) один из своих лучших экслибрисов – памяти Владимира Александровича Пташинского.

Грустно и даже фатально помнятся две последние встречи с Пташинским. Одна произошла на какой-то станции метро в центре Москве. Он (председатель краевого отделения Союза художников) приезжал в командировку в министерство культуры по всяческим жалобам. Настроение у него было плохое, он сокрушенно рассказывал, что «председательская» работа не оставляет времени на творчество, что художники между собой постоянно грызутся, что вся работа заключается в сплошном улаживании бессмысленных конфликтов. Каждые минуту-две к станции подходили или отходили поезда. За их грохотом голос Пташинского пропадал, фразы разрушались, и весь наш диалог слышался полнейшим абсурдом, соответствовал настроению художника. Остался очень грустный осадок. Вторая встреча случилась уже в Краснодаре. К этому времени он закончил работу над одним из лучших своих циклов литографий «Литературные места России». Как-то Владимир Александрович (зная мою любовь к А. С. Пушкину) предложил подарить мне лист «Михайловское». Я естественно с радостью согласился. Но обстоятельства не складывались: то у меня, то у него случалась какая-то суета, и добраться до его мастерской у меня никак не получалось. Однажды встретились на Красной. И он вдруг сказал: поехали в мастерскую. Я опять отнекивался обстоятельствами, он настоял, практически заставил, сказал, что времени не хва-

тать будет всегда. Взяли такси. В мастерской мы долго пили чай, рассматривали и обсуждали оформленный цикл (он его только привез с какой-то выставки), а на прощанье он вдруг сказал:

– Бог с ним с «Михайловским». Возьми вот эту.

И подарил мне «Музей Ф. И. Тютчева в Овстуге».

Это была последняя встреча. Он словно чувствовал, что она последняя, что времени уже осталось очень мало. Практически не осталось. Гравюру я привез с собой в Атланту.

5

Эти заметки не предполагают подробностей. Конечно, О. Г. Ласунский, Я. И. Бердичевский, В. А. Пташинский не только положили начало моей коллекции, но и поддерживали во мне постоянный интерес к экслибрису, к его изучению. Безусловно, в «экслибрисной биографии» было множество периферийных, разовых, «несистемных» случайностей. После переезда в Краснодар поначалу рост коллекции (как уже писал) надолго прекратился. Переписку с коллекционерами и художниками я в те годы совершенно не вел.

В моих краснодарских экслибрисных перипетиях важную роль сыграли еще несколько человек. Был на улице Красной книжный магазин, специализировавшийся на книгах по искусству (точное название магазина не помню). Работала в нем Лидия Васильевна Кармазина. Вокруг нее всегда было много художников. Я жил недалеко, на Пашковской, и тоже достаточно регулярно заглядывал в магазин. Однажды Лида познакомила меня с молодым графиком Г. И. Трашковым. Геннадий Иванович тогда увлекался ксилографией, награвировал несколько красивых знаков. В одну пору с ним в Краснодаре в жанре экслибриса начинали работать художники, его приятели В. Бегеджанов и Ю. Степанов. Я постепенно оказывался включенным в пространство мастерских художников, в процесс создания кубанского экслибриса. В папке «Г. И. Трашков» у меня уже хранились не только оттиски знаков, но эскизы, наброски, проекты. Если в коллекции Пташинского были исчерпывающе представлены экслибрисы старшего поколения краснодарских художников, то в моей коллекции преи-

мужественно были представлены художники молодые.

В это время было организовано и активно работало Всероссийское общество книголюбов, которое охотно пропагандировало и (по возможности) публиковало материалы по экслибрису. Одной из форм работы было чтение популярных лекций об экслибрисах, поездки с ними в свободное время по краю. В поездках, естественно, искал встреч с художниками: в Майкопе с Ф. Петувашем, А. Резюкиным, в Сочи с Е. Черным, в Новороссийске с В. Филиным и Ф. Молибоженко. В Краснодаре общался почти со всеми, кто уделял внимание жанру экслибриса. Особенно приятным было общение с В. М. Савранским. Всякое общение, встречи позволяли формировать коллекцию.

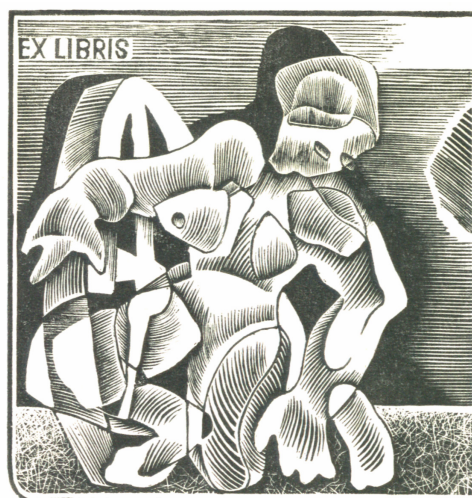

Кроме того, все знакомые, друзья, «неколлекционеры», «нехудожники» тоже знали, что я собираю экслибрисы. И при случае присылали, дарили. Грузинский экслибрис мне присылала преподавательница тбилисского пединститута, филолог, кандидат наук, исследовательница А. С. Грина Ирина Меликовна Сукиасова. Она же меня эпистолярно познакомилась с грузинским художником Владимиром Цилосани, который однажды прислал десятка три своих экслибрисов 1930-х гг. Прекрасный краснодарский каллиграф Леонид Иванович Проненко подарил четыре обаятельных экслибриса-офорта Э. Окаса, посвященных А. С. Пушкину, и еще несколько собственных каллиграфических композиций. Украинскую коллекцию дополняли встречи и переписка с А. Потаповой, А. Мистецким, И. Пантелюком. Были нерегулярные встречи с коллекционерами и художниками – С. Вулем, Ю. Марцевичем,

В. Бакуменко, А. В. Марьиным, северокавказскими (пятигорскими) Е. и Н. Кузнецовыми, Г. Паштовым, белорусом Е. Тихановичем и другими... Со временем активизировалась переписка, связанная с работой по организации выставки. Переписка сопровождалась взаимными дарениями, обменом книгами, покупками. Такая вот биография коллекции. Появились в коллекции и кое-какие тематические предпочтения: А. С. Пушкин и М. Ю. Лермонтов в экслибрисе, экслибрисы семьи Всеволожских, хорошо был представлен портретный экслибрис.

Хотя кубанские художники в 1960–1980-е гг. XX в. активно работали в жанре книжного знака, кубанская тематика в нем была представлена скупо. Чаще всего использовались два исторических сюжета: заселение Кубани черноморским казачеством и пребывание в нашем крае М. Ю. Лермонтова. На экслибрисе И. Я. Коновалова для А. Микоры изображен запорожский казак. Художник В. А. Пташинский для местного краеведа А. Коломойца нарезал экслибрис с памятником запорожскому казаку,

высадившимся в Тамани, историку В. Королуку – с изображением сторожевой вышки казачьего пикета, С. Шастуну – очень лиричный по настроению этнографический экслибрис с деталями быта давнишних кубанских станиц. Очень богаты этнографическими деталями и

виртуозны по исполнению (в технике офорта и графографии) книжные знаки адыгейского художника Феликса Петуваша.

Лермонтовская тема в кубанском экслибрисе чаще всего посвящена изображению таманского домика казака Федора Мысника на берегу моря, в котором на три дня в 1837 г. останавливался поэт. Этот сюжет лег в основу экслибриса М. Панькова (Сочи) для кубанского писателя Н. Ф. Веленгурина, В. Москальченко (Краснодар) для сочинского краеведа Н. Крутиховского. К таманско-лермонтовской тематике в экслибрисах обращались не только кубанские художники. Например, эксли-

брисы на кубанские сюжеты делали киевляне: К. Козловский для Н. А. Крутиховского и А. Мистецкий для А. И. Слуцкого. Не встречались мне портретные экслибрисы кубанской тематики. Но я уже давно не слежу за работами современных художников, может быть, я и ошибаюсь.

6

Приехав в Краснодар, я попытался зарабатывать журналистикой. Сначала ничего не получилось. Края я не знал, людей тоже. Но вот нейтральными «экслибрисными» темами заинтересовались. В те времена газеты охотно публиковали статьи и заметки о занимательных окологрибных сюжетах, материалы по истории редких книг. Журналист Анатолий Зима предложил раз в месяц публиковать короткие «всхлипы» о книжном знаке в «Советской Кубани». Потом я начал сотрудничать с «Комсомольцем Кубани». Помню, печатал заметки об экслибрисах В. Фаворского, Д. Митрохина, краснодарских художников (В. Ф. Москальченко, И. Я. Коновалова, И. Вайкина). Сделал несколько телевизионных сценариев по истории экслибриса. Сначала меня в эфир не пускали, потом начал вести передачи сам. Со временем появились статьи побольше – об экслибрисах отдельных кубанских художников, обзоры выставок, различные публикации на мемориальные темы («Пушкинский экслибрис», «Лермонтовский экслибрис» и т.д.). Сотрудничал больше с Юрием Макаренко, Татьяной Василевской, на телевидении с Кларой Акоповой.

Информация о моей коллекции и о статьях просачивалась в прессу. Московский коллекционер Ю. Марцевич ежемесячно под эгидой какой-то библиотеки издавал в Москве библиографический указатель всего, что в стране печаталось об экслибрисах. Отражались там и мои публикации. Многие коллекционеры собирали не только оттиски знаков, но и публикации на экслибрисные темы. Начали приходить письма с просьбой прислать ту или иную статью, информацию о том или ином художнике, какие-то экслибрисы. Всякая публикация на экслибрисную тему, тем более, отдельное издание расширяла связи с коллекционерами, формировала «обменный фонд», помогала становлению коллекции. Во все-

возможные письма и бандероли обязательно были (в зависимости от того, кто писал) вложены либо авторские оттиски, либо экслибрисы различных библиотек, либо какие-нибудь экслибрисные издания.

Потребовала сотрудничества со средствами массовой информации и организация краевых, городских выставок. Их проведение, безусловно, способствует собиранию коллекции, так же как существование в том или ином регионе коллекционеров. О дореволюционных кубанских коллекциях я не слышал ничего, нет информации и о 1920-х гг. Первые известные мне экслибрисные коллекции начали возникать в 60-е гг. XX в. В Краснодаре – В. Пташинского и врача В. Покровского, чуть позже в Сочи – коллекция М. Панькова, в Краснодаре – А. Слущкого, в Староминской – П. Кононенко. Небольшие выставки (с изданием буклетов) регулярно проходили в Сочи, их организацией занимался М. Паньков (коллекционер и художник). Коллекции Панькова я не видел, несколько раз встречался, от случая к случаю обменивались письмами и знаками. В Староминской собирал коллекцию и организовывал выставки П. Кононенко. В формировании экспозиции староминских выставок и комплектовании коллекции ему помогал Я. Бердичевский.

Попробовал заниматься организацией выставок и я. Первую подготовил в магазине на Красной у Лидии Васильевны [32]. На ней были представлены книжные знаки кубанских художников из фондов художественного музея и моей коллекции. Спустя три года (в 1979) организовали выставку в Доме книги с Владимиром Александровичем Пташинским (я о ней уже упоминал). По инициативе Юрия Григорьевича Макаренко и Виктора Николаевича Салошенко удалось организовать сравнительно большую выставку в зале Краснодарского отделения Союза художников. Вместе с Владимиром Александровичем Захаровым (тогда директором домика-музея М. Ю. Лермонтова в Тамани) организовали выставку лермонтовского экслибриса в таманском музее. Большую выставку пушкинского экслибриса удалось экспонировать в Национальной библиотеке Республики Северная Осетия – Алания [25]. В Государственном архиве Краснодарского края (с помощью Эльвиры

Михайловны Ефимовой-Сякиной) выставили, во-первых, книги с экслибрисами и печатями дореволюционных кубанских библиотек из фондов архива, во-вторых, экслибрисы кубанских художников на кубанские темы. Все это была жизнь коллекции.

7

Где-то в середине 1990-х собирать экслибрисы я уже перестал. В это время «социологический» кабинетик (лаборатория) департамента культуры, в котором я работал, временно расположили в реставрируемом здании музея. Я «переселился» в музей, стал регулярно посещать всевозможные выставки, музейные мероприятия, стал завсегдаем музейной реставрационной мастерской. Это было время влюбленности, увлечения музеем. Особенно я любил фондовую коллекцию (тогда редко экспонируемую) русского авангарда. Регулярно принимал участие в каких-то проектах, обсуждениях, конференциях, был членом какого-то совета, участником всевозможных музейных посиделок. Собирался даже бросить работу в лаборатории и пойти служить в музей. Впрочем, до этого любовь к музею не дошла. Возраст у меня уже был преклонный, менять жизненный путь было поздно. Да и Ирина Ивановна Горлова, тогда ректор Краснодарского государственного университета культуры и искусств, прямо-таки «потребовала», чтобы я перешел работать в университет. И я ее послушался.

Дочери к этому времени выросли и жили уже отдельно. Коллекционирование их не увлекало. Я как-то грустно задумывался о судьбе коллекции. Подарить коллекцию музею было вполне естественно. Музей принял ее с радостью, я дарил, легко, без всяких сомнений и грусти. В какой-то момент музейщики ворчали, упрекали меня: им пришлось заняться оформлением и учетом сразу большого количества (больше двух тысяч) единиц хранения. Но ворчание было недолгим. Я сразу прекратил свою «коллекционерскую» переписку; коллекционеры меня как-то мгновенно забыли, перестали приходить письма и бандероли с новыми экслибрисами. Изредка (скорее, как приятность, подарок, а не как коллекционный материал) присылал оттиски знаков и «экслибрисные» издания Я. И. Бердичевский,

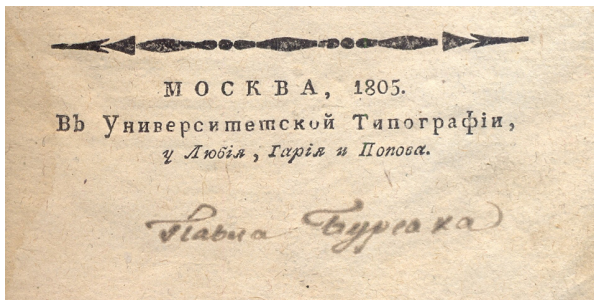
их я тоже передавал в музей. Понятное дело, никакое коллекционирование без собирания тематической библиотеки, без работы со всевозможными справочниками не обходится. Собралась библиотека редких и не очень редких книг у меня. В ее комплектовании приняли участие прекрасные краснодарские букинисты – Марк (Макар) Степанович Чикнаварьян и Михаил Юрьевич Филатов. Но собирание библиотеки – тема требующая отдельного рассказа. Большинство книг на экслибрисные темы (редких и не очень) вместе с коллекцией были подарены музею. Буквально сразу после передачи коллекции в музей на материалах двух собраний (В. А. Пташинского и А. И. Слуцкого) была организована большая выставка (см.: [16] [17]). Насколько я знаю, в краснодарских выставках музей до сих пор используются эти две коллекции. Спустя пятнадцать лет после дарения я должен признаться в приятном и даже немного неожиданном для себя открытии: коллекция до сих пор продолжает активно работать. Сравнительно регулярно организуются выставки (в Сочи, Краснодаре, Ростове-на-Дону). В музее коллекцию опекает Елена Григорьевна Касавченко. Именно она курирует организуемые выставки, именно она (косвенный виновник) написания этой истории моей коллекции. Экслибрисы из коллекции отражены в 3-м томе каталога художественного музея [20], в юбилейном сборнике к 110-летию организации музея была опубликована статья Елены Григорьевны, посвященная коллекции [8]. За это ей большое спасибо.

8

Есть еще один поворот в истории моего коллекционирования, одна особенность коллекции, на которую (с моей точки зрения) нужно бы указать. Без неё рассказ будет не полным. Преподавание в университете культуры и искусств курса «История книжного дела Северного Кавказа (Кубани)», дружба с отделами редких книг республиканских, областных, краевых библиотек, редактирование научных сборников историко-книжной тематики неизбежно должны были меня подтолкнуть к изучению истории местного дореволюционного экслибриса, изучению возможностей его источниковедческого

использования в реконструкции книжной культуры региона.

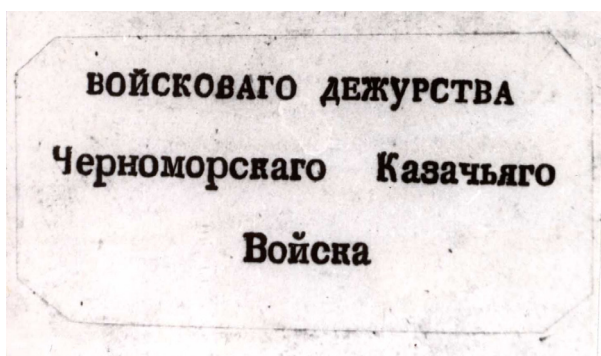
В самом конце 1960-х я работал в краевой библиотеке им. А. С. Пушкина. Однажды заместителю директора Виктору Евгеньевичу Токареву и мне администрация поручила заняться выделением редкого фонда. Работая в хранилище, обратил внимание на малое количество книг (сравнительно, например, с библиотекой Воронежского университета) со старыми экслибрисами. С сожалением сразу приходится признать, что Кубань – край не очень «экслибрисный». Здесь до революции было сравнительно мало «библиофильских» библиотек, типографии занимались преимущественно печатанием ведомственных изданий, оформлялись книги функционально, книжная графика практически отсутствовала. Все это естественно не стимулировало интереса к экслибрису, к его коллекционированию и изучению. Но в основных своих чертах история кубанского книжного знака как бы с запаздыванием повторяла общерусскую историю экслибриса. Впрочем, так же, как и история кубанского книжного дела. Оно начало формироваться сравнительно поздно, в конце XVIII – начале XIX вв. Особенности гражданской истории, миграция книжных коллекций уже в момент заселения создали условия для появления в землях черноморских казаков богатой коллекции старинных книг с очень интересными владельческими записями. Как и в истории русского экслибриса, все начиналось с монастырских библиотек. В конце XVIII – начале XIX вв. в Черноморию из Украины привезли прекрасное книжное собрание: библиотеку Киево-Межигорского монастыря. Время не пощадило библиотеку: многие книги погибли, некоторые (надеюсь) еще найдутся, но отдельные экземпляры и сегодня хранятся в государственных собраниях (см.: [10] [27]). На сохранившихся книгах остались вкладные и владельческие надписи XVII – XVIII вв. – «Сия книга монастыря Межигорского», «Книга библиотеки Киево-Межигорского монастыря» и т.д. В домах черноморского офицерства и духовенства начали появляться первые личные библиотеки, книги которых отмечены традиционными владельческими записями (библиотеки К. В. Россинского, Г. Р. Кухаренко, Ф. и П. Бурсаков, М. И. Коссовича).

В 1850–1860-е гг. XIX в. в Черномории (на Кубани) появились клееный ярлык и суперэкслибрис. Суперэкслибрисами были украшены переплеты книг всех полковых библиотек Кубанского казачьего войска. Книги окружных библиотек кроме суперэкслибриса отмечались лаконичными типографскими наборными ярлыками. На них читаем: «Окружное дежурство Таманского военного округа», «Окружное дежурство Черноморского казачьего войска» [21]. Печатными ярлыками отмечались книги из библиотек Николая Степановича Завадовского и Ивана Диомидовича Попки.

В начале XX в. на Кубани экслибрисного бума (как, например, в столицах), безусловно, не произошло. Библиотек частных, личных, общественных, ведомственных (прежде все-

го, военных и образовательных учреждений) стало намного больше. Среди владельцев библиотек встречались историки, учителя, архитекторы, журналисты, чиновники кубанской администрации. Библиотеки уже были не просто приятным исключением, но необходимым проявлением культурной жизни края. Книги этих библиотек чаще всего отмечались штампами (городской библиотеки им. А.С.Пушкина, археографа и историка Е. Д. Фелицына, метеоролога Л. Я. Апостолова, статистика С.А. Сысоева, купца и депутата Городской Думы А.Г. Ерохина, библиографа Б. М. Городецкого). Реже на книгах встречались наборные ярлыки с акцидентной рамкой (библиотеки Майкопского учительского института, Кубанского областного статистического комитета, Кубанского областного этнографического музея, екатеринодарского книгопродавца П.П.Галаджианца). В начале века появляются ярлыки переплетных мастерских и книжных магазинов (переплетная «Труд» А. Пискунова в Екатеринодаре, типография и переплетная И. Ф.Бойко в Екатеринодаре, книжный магазин Ф. Мареева и т.д.). До 1930-х гг. XX в. совершенно не встречался художественный, сюжетный экслибрис.

Именно в период работы в библиотеке в моем собрании начала складываться «нефункциональная», «неколлекционная» (в эстетическом понимании) его часть. Как уже говорилось, книг, отмеченных печатями и ярлыками дореволюционных местных библиотек, сегодня в кубанских хранилищах сохранилось огромное количество. Естественно, собрать в коллекцию дореволюционный кубанский книжный знак было невозможно, как коллекционный материал он мне никогда не встречался, отклеивать экслибрис от живой книги преступно. Он функционально «не музейный», никакого эстетического интереса не представляет, в экспозиции художественного музея его использовать (за редким исключением) невозможно. Можно отметить и то, что кубанский дореволюционный книжный знак практически не зарегистрирован в общероссийских экслибрисных справочниках и каталогах. В тоже время, с точки зрения, истории региональной книжной культуры это был очень интересный материал. Так в коллекции стали собираться фотокопии и перерисовки знаков кубанских книжных коллекций. Они нужны были для работы по реконструкции истории кубанского книжного дела.

Если вкладная или владельческая запись могли быть случайны и единственны, то экслибрис (даже в варианте просто печати) уже свидетельствовал об определенной культуре книжного собирательства, о существовании книжных коллекций. Поэтому регистрация экслибрисов частных лиц, общественных и ведомственных библиотек края во всех графических разновидностях (экслибрис, ярлык, штемпель), подготовка

и составление их каталога, организация выставок книг с дореволюционными кубанскими книжными знаками, их изучение, безусловно, необходимы. Работа эта трудоемкая, требует коллективных усилий, но она дает очень интересный материал для исследования истории регионального книжного и библиотечного дела, рассказывает о возникновении, комплектовании частных и общественных библиотек в крае, о путях миграции книжных собраний, раскрывает характер читательских интересов, позволяет исследовать то, что краеведы и историки называют «культурным гнездом», помогает понять один из механизмов формирования в крае гражданского сообщества. Особых результатов в подготовке сводного каталога достичь не удалось. Рабочий интерес представляет изданный в 2011 г. совместно с Донской государственной публичной библиотекой тематический восьмой выпуск сборника «Книжное дело на Северном Кавказе: экслибрисы и штемпели в фондах публичных и ведомственных библиотек» [9]. Из опубликованных в сборнике материалов «экслибрисной» тематики я бы назвал работы Н. К. Аистовой, А. В. Ашихминой, А. В. Веховой, М. В. Ворониной, Н. В. Первуниной, И. С. Полеводы, С. В. Самовтора, М. Н. Тарасовой. В том же, 2011 г., интересный альбом выпустила Национальная библиотека Республики Северная Осетия-Алания [29]. Впрочем, все это только подступы к серьезной работе.

Время человеческой жизни торопливо. История норовит нам продемонстрировать, что вполне может обойтись без биографии отдельного человека. Человек привычно за-

нимается своими хлопотами, погружен в свои обстоятельства и всячески подчеркивает, что история – это нечто от него далекое, призрачное. Но если приглядеться к выскомерию истории и якобы равнодушию человека, то окажется, что всё неправда. Истории хочется все время, чтобы ее представляли с «человеческим лицом», а человек вопреки своим утверждениям и демаршам всё время совершает нечто такое, что явно свидетельствует о его желании

породниться с историей. Собирает архивы, пишет дневники и воспоминания. Появление на книгах личных библиотек эксlibрисов и всяческих помет, их коллекционирование и изучение тоже является тому подтверждением. Когда мне рассказывают, что бывшая моя коллекция «работает», что организуются выставки, что на материалах коллекции пишутся статьи, рассказывающие об истории кубанского или северокавказского книжного дела, я радуюсь.

Использованная литература:

1. Бердичевский Я. И. Павел Борисович Горцев – библиофил, коллекционер, знаток // Книжное дело на Северном Кавказе: методы, источники, опыт исследований: сб. ст. Краснодар: Краснодарский гос. ун-т культуры и искусств, 2010. Вып. 6. С. 314–318.
2. Бердичевский Я. И. Народ книги (к истории еврейского библиофильства в России). Киев: Дух і літера, 2009. С. 241–242².
3. Бокова Р. Эксlibрис Кубани // Книжное обозрение. 1970. 30 окт.
4. Временник общества друзей русской книги / вступ. ст. А. П. Толстяков. М.: Собрание, 2007.
5. Десять эксlibрисов В. А. Пташинского / авт. вступ. статьи А. И. Слущкий; сост. А. И. Слущкий, В. Костычев. Краснодар, 1970.
6. Дмитриева В. И. Повести и рассказы. Воронеж: Центрально-Черноземное кн. изд-во, 1983.
7. Збирникъ творивъ Я. Г. Кухаренка (Наказного Отамана Земли Війська Чорноморського). Посмертне видання / скомпоноване Ф. М. Пискуновимъ. Киев, 1880.
8. Касавченко Е. Г. Культурно-историческое значение и художественные особенности коллекции книжных знаков А. И. Слущкого в фондах КХМ // Коваленковские чтения 2014: 100 + 10: сб. сообщен. / под ред. Ю. А. Солодовникова. Краснодар: Краснодарский краевой худож. музей им. Ф. А. Коваленко, 2014. Вып. 8. С. 64–67.
9. Книжное дело на Северном Кавказе: эксlibрисы и штемпели в фондах публичных и ведомственных библиотек / ред.-сост. А. И. Слущкий. Краснодар: Краснодарский гос. ун-т культуры и искусств, 2011. Вып. 8.
10. Короленко П. П. Древние сведения о Межигорском монастыре // Кубанский сборник. Екатеринодар: Тип. Кубанского областного правления, Э. Х. Килиус и А. П. Сташевского, 1897. Т. 4. С. 1–30.
11. Ласунский О. Г. Власть книги: Рассказы о книгах и книжниках. Воронеж: Центрально-Черноземное кн. изд-во, 1966.
12. Ласунский О. Книжный знак: некоторые проблемы изучения и использования. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1967.

² Третье изд.; первое изд.: Берлин, 2005. С. 241–242; второе изд.: Киев, 2005. С. 241–242. О библиофильстве А. Слущкого. Воспроизведен эксlibрис работы Ю. Осипова.

References:

1. Berdichevskiy, Ya. I., Pavel Borisovich Gortsev – bibliophile, kollektioner, znatok (Pavel Borisovich Gortsev: Bibliophile and Collector, Connoisseur), in *Knizhnoe delo na Severnom Kavkaze: metody, istochniki, opyt issledovaniy*, Krasnodar: Krasnodarskiy gosudarstvennyy universitet kul'tury i iskusstv, 2010, vol. 6, pp. 314–318.
2. Berdichevskiy, Ya. I., *Narod knigi (k istorii evreyskogo bibliofil'stva v Rossii)* (People of the Book (to the History of the Jewish Bibliophilia in Russia)), Kiev: Dukh i litera, 2009, pp. 241–242.
3. Bokova, R., Ekslibris Kubani (The Bookplates of Kuban), *Knizhnoe obozrenie*, Oktober 30, 1970
4. *Vremennik obshchestva druzey russkoy knigi* (The Vremennik of the Society of the Friends of Russian Books), Tolstyakov, A. P., Foreword, Moscow: Sbranie, 2007.
5. *Desyat' ekslibrisov V.A. Ptashinskogo* (Ten Bookplates of Vladimir A. Ptashinsky), Slutskiy, A. I., Foreword, Slutskiy, A. I., Kostychev, V., Comps., Krasnodar, 1970.
6. Dmitrieva, V. I., *Povesti i rasskazy* (Novels and Short Stories), Voronezh: Tsentral'no-Chernozemnoe knizhnoe izdatl'stvo, 1983.
7. *Zbirnyk tvoriv Ya. G. Kukharenka (Nakaznogo Otamana Zemli Viys'ka Chornomors'kogo). Posmertne vydannya* (Collected Works of Yakov G. Kukharenko (Appointed Attaman of the Land of the Black Sea Cossack Host). Posthumous Edition), Piskunov, F. M., comp., Kiev, 1880.
8. Kasavchenko, E. G., Kul'turno-istoricheskoe znachenie i khudozhestvennye osobennosti kolleksii knizhnykh znakov A. I. Sluts'kogo v fondakh KKhM (Cultural and Historical Significance and Artistic Features of the Collection of Bookplates of Arkadiy I. Slutsky in the Funds of the Krasnodar Art Museum), in *Kovalenkovskie chteniya 2014: 100 + 10*, Solodovnikov, Yu. A., Ed., Krasnodar: Krasnodarskiy kraevoy khudozhestvennyy muzey imeni F. A. Kovalenko, 2014, vol. 8, pp. 64–67.
9. *Knizhnoe delo na Severnom Kavkaze: ekslibrisy i shtempeli v fondakh publichnykh i vedomstvennykh bibliotek* (Book Publishing in the North Caucasus: Bookplates and Stamps in the Collections of Public and Departmental Libraries), Slutskiy, A. I., Ed., Comp., Krasnodar: Krasnodarskiy gosudarstvennyy universitet kul'tury i iskusstv, 2011, vol. 8.
10. Korolenko, P. P., *Drevnie svedeniya o Mezhygorskom monastyre* (Ancient Testimonies about Mezhyhirya Monastery), in *Kubanskiy sbornik*, Ekaterinodar:

13. Ласунский О. Г. Литературно-общественное движение в русской провинции (Воронежский край в «эпоху Чернышевского»). Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1985.
14. Ласунский О. Г. Расставание с книгами (этюды) // Среди текстов: сб. ст., посвящ. 65-летию историка книги и поэта А. И. Слуцкого. Краснодар: Кубанькино, 2006. С. 54 – 59.
15. Ласунский О. Г. Власть книги. Рассказы о книгах и книжниках. 4-е изд. Воронеж: Центр духовного возрождения черноземного края, 2010.
16. Николаева Н. Счастливые люди (О выставке экслибрисов из коллекций В. А. Пташинского и А. И. Слуцкого в Краснодарском художественном музее им. Ф. А. Коваленко) // Над Кубанью (Краснодар). 1998. 23 янв.
17. Оленко Г. Экслибрис – это звучит гордо (О выставке экслибрисов из коллекций В. А. Пташинского и А. И. Слуцкого в Краснодарском художественном музее им. Ф. А. Коваленко) // Краснодарские известия. 1998. 22 янв.
18. Пташинский В. А. Книжный знак в творчестве художников Кубани: тез. доклада. М., 1974³.
19. Русское общество друзей книги (1920–1929). Библиогр. указатель / под ред. и с предисл. О. Г. Ласунского. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 1968.
20. Русское искусство первой трети XX века: каталог / под ред. И. И. Ващенко, Ю. А. Солодовникова. Самара: СамЛюксПринт, 2011.
21. Самовтор С. В. Заметки о первых кубанских книжных знаках (по фондам Государственного архива Краснодарского края) // Книжное дело на Северном Кавказе: экслибрисы и штемпели в фондах публичных и ведомственных библиотек / ред.-сост. А. И. Слуцкий. Краснодар: Краснодарский гос. ун-т культуры и искусств, 2011. Вып. 8. С. 105–108.
22. Слуцкий А. И. Книжные знаки В. А. Пташинского // Советская Кубань. 1983. 19 янв.
23. Слуцкий А. И. Exlibris В. А. Пташинского. 1922–1982. Краснодар, 1983.
24. Слуцкий А. И. «Автор как фигура интересен...» // Комсомолец Кубани. 1984. 8 мая.
25. Слуцкий А. И. Пушкину посвящается (о выставке пушкинского экслибриса в Северо-Осетинской республиканской научной библиотеке им. С. М. Кирова) // Социалистическая Осетия. 1987. 24 марта.
26. Слуцкий А. И. Заметки о кубанском экслибрисе // Коваленковские чтения '98: Научно-исследовательская работа в художественном музее: сб. сообщен. Краснодар: Краснодарский краевой худож. музей им. Ф. А. Коваленко, 1998. С. 63–75.
27. Слуцкий А. И. Судьба библиотеки Киево-Мужигорского монастыря на Кубани // Книга в России. М.: Наука, 2006. Сб. 1. С. 289–300.
28. Слуцкий А. И. О книговедческой библиотеке О. Г. Ласунского // Книга: исследования и материалы. М.: Наука, 2007. Сб. 86. С. 172–177.
29. Собрание изданий XIX – начала XX века с личными владельческими знаками: каталог / сост. О. О. Бибаева, ред. Л. Б. Абаева; отв. за вып. Е. К. Мадзаева. Владикавказ, 2011.
- Tipografiya Kubanskogo oblastnogo pravleniya, E. Kh. Kilius i A. P. Stashevskogo, 1897, vol. 4, pp. 1–30.
11. Lasunskiy, O. G., *Vlast' knigi: Rasskazy o knigakh i knizhnikakh* (The Power of the Book: Stories of Books and Scribes), Voronezh: Tsentral'no-Chernozemnoe knizhnoe izdatel'stvo, 1966.
12. Lasunskiy, O., *Knizhnyy znak: nekotorye problemy izucheniya i ispol'zovaniya* (The Bookplate: Some Problems of Learning and Use), Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo universiteta, 1967.
13. Lasunskiy, O. G., *Literaturno-obshchestvennoe dvizhenie v russkoy provintsii (Voronezhskiy kray v «epokhu Chernyshevskogo»)* (The Literary and Social Movement in the Russian Province (the Voronezh Region in the «Era of Chernyshevsky»)), Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo universiteta, 1985.
14. Lasunskiy, O. G., *Rasstavanie s knigami (etyud) (Parting with Books (Study))*, in *Sredi tekstov: sbornik statey, posvyashchennykh 65-letiyu istorika knigi i poeta A. I. Slutskogo*, Krasnodar: Kuban'kino, 2006. pp. 54 – 59.
15. Lasunskiy, O. G., *Vlast' knigi. Rasskazy o knigakh i knizhnikakh* (The Power of the Book: Stories of Books and Scribes), Voronezh: Tsentru dukhovnogo vozrozhdeniya chernozemnogo kraya, 2010, 4th ed.
16. Nikolaeva, N., *Schastlivye lyudi (O vystavke ekslibrisov iz kollektsey V. A. Ptashinskogo i A. I. Slutskogo v Krasnodarskom khudozhestvennom muzee im. F. A. Kovalenko)* (The Happy People (about the Exhibition from the Collections of Bookplates of Vladimir A. Ptashinsky and Arkadiy I. Slutsky in the Krasnodar Kovalenko Art Museum)), *Nad Kuban'yu*, January 23, 1998.
17. Olenko, G., *Ekslibris – eto zvuchit gor-do (O vystavke ekslibrisov iz kollektsey V. A. Ptashinskogo i A. I. Slutskogo v Krasnodarskom khudozhestvennom muzee im. F. A. Kovalenko)* (The Bookplate - it Sounds Proudly (about the Exhibition from the Collections of Bookplates of Vladimir A. Ptashinsky and Arkadiy I. Slutsky in the Krasnodar Kovalenko Art Museum)), *Krasnodarskie izvestiya*, January 22, 1998.
18. Ptashinskiy, V. A., *Knizhnyy znak v tvorchestve khudozhnikov Kubani: tezis doklada* (The Bookplate in the Works of the Artists of Kuban: Abstract of the Report), Moscow, 1974.
19. *Russkoe obshchestvo druzey knigi (1920–1929). Bibliogr.aficheskiy ukazatel'* (The Russian Society of Friends of the Book (1920-1929). Bibliographic Index), Lasunskiy, O. G., Ed., Comp., Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta, 1968.
20. *Russkoe iskusstvo pervoy trety XX veka: katalog* (Russian Art of the First Third of the 20th Century: the Catalogue), Vashchenko I. I., Solodovnikov, Yu. A., Eds., Samara: SamLyuksPrint, 2011.
21. Samovtor, S. V., *Zametki o pervykh kubanskikh knizhnykh znakakh (po fondam Gosudarstvennogo arkhiva Krasnodarskogo kraya)* (Notes on the First Kuban Bookplates (according to the Funds the State Archives of the Krasnodar Region)), in *Knizhnoe delo na Severnom Kavkaze: ekslibrisy i shtempeli v fondakh publichnykh i vedomstvennykh bibliotek*, Slutskiy, A. I., Ed., Comp., Krasnodar: Krasnodarskiy gosudarstvennyy universitet kul'tury i iskusstv, 2011, vol. 8, pp. 105–108.
22. Slutskiy, A. I., *Knizhnye znaki V. A. Ptashinskogo (The Bookplates by Vladimir A. Ptashinsky)*, *Sovetskaya Kuban'*, January 19, 1983.

³ Московский клуб экслибрисистов. 180 заседание. 14 марта 1974 г.

30. Собрание О. Г. Ласунского. Книговедение и библиофильство: аннотир. каталог / сост. Т. А. Трубарова; вступ. ст. В. А. Петрицкого. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2006.
31. Указатель книг с книжными знаками из собрания фундаментальной библиотеки Воронежского гос. ун-та / сост. А. И. Слущкий, Л. К. Коськов, под ред. О. Г. Ласунского. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 1968.
32. Эклибрис: каталог выставки книжного знака из фондов Краснодарского художественного музея и собрания А. И. Слущкого. Краснодар, 1976.
33. Эклибрисы художников Кубани: буклет выставки / авт. вступ. статьи А. И. Слущкий. Краснодар, 1979.
23. Slutskiy, A. I., *Exlibris V. A. Ptashinskogo. 1922–1982* (The Bookplate by Vladimir A. Ptashinsky. 1922–1982), Krasnodar, 1983.
24. Slutskiy, A. I., «Avtor kak figura interesen...» («Author Is Interesting as a Figure...»), *Komsomolets Kubani*, May 8, 1984.
25. Slutskiy, A. I., Pushkinu posvyashchaetsya (o vystavke pushkinskogo ekslibrisa v Severo-Osetinskoy respublikanskoy nauchnoy biblioteke im. S. M. Kirova) (Dedicated to Pushkin (Exhibition of Pushkin Bookplates in the North Ossetian Republican Scientific Kirov Library), *Sotsialisticheskaya Osetiya*, Mart 24, 1987.
26. Slutskiy, A. I., Zаметки о кубанском экслибрисе (Notes on the Kuban Bookplate), in *Kovalenkovskie chteniya' 98: Nauchno-issledovatel'skaya rabota v khudozhestvennom muzee: sbornik soobshcheniy*, Krasnodar: Krasnodarskiy kraevoy khudozhestvennyy muzey imeni F. A. Kovalenko, 1998, pp. 63–75.
27. Slutskiy, A. I., Sud'ba biblioteki Kievo-Mezhigorskogo monastyrya na Kubani (Destiny of the Library of the Kiev-Mezhyhirya Monastery in Kuban), in *Kniga v Rossii*, Moscow: Nauka, 2006, vol. 1. pp. 289–300.
28. Slutskiy, A. I., O knigovedcheskoy biblioteke O. G. Lasunskogo (About the Bibliological Library of Oleg G. Lasunsky), in *Kniga: issledovaniya i materialy*, Moscow: Nauka, 2007, vol. 86, pp. 172–177.
29. *Sobranie izdaniy XIX – nachala XX veka s lichnymi vladel'cheskimiznakami: katalog* (Collection of the Publications of the 19th - early 20th Century, with the Owner's Personal Signs: the Catalogue), Bigaeva, O. O., Comp, red. Abaeva, L. B., Ed., Madzaeva, E. K., Manag. Ed., Vladikavkaz, 2011.
30. *Sobranie O. G. Lasunskogo. Knigovedenie i bibliofil'stvo: annotirovannyi katalog* (Collection of Oleg G. Lasunsky. Bibliology and Bibliophilia: Annotated Catalogue), Trubarov, T. A., Comp., Petritskiy, V. A., Foreword, Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta, 2006.
31. *Ukazatel' knig s knizhnymi znakami iz sobraniya fundamental'noy biblioteki Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta* (Index of Books with the Bookplates from the Collection of the Main Library of the Voronezh State University), Slutskiy, A. I., Kos'kov, L. K., Comps., Lasunsky, O. G., Ed., Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta, 1968.
32. *Exlibris: katalog vystavki knizhnogo znaka iz fondov Krasnodarskogo khudozhestvennogo muzeya i sobraniya A. I. Slutskogo* (The Bookplate: Catalogue of an Exhibition of the Bookplates from the Funds of the Krasnodar Art Museum and Collection of Arkady I. Slutsky), Krasnodar, 1976.
33. *Exlibrisy khudozhnikov Kubani: buklet vystavki* (Bookplates of the Kuban Artists: the Booklet of the Exhibition), Slutskiy, A. I., Foreword, Krasnodar, 1979.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Слущкий, А. И. Биография одной коллекции (материалы к истории кубанского экслибриса) [Электронный ресурс] / А. И. Слущкий // Наследие веков. – 2015. – № 2. – С. 127-143. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/10/2015_2_Slutsky.pdf. (дата обращения дд.мм.гг.).

Full bibliographic reference to the article:

Slutsky, A. I., Biografiya odnoy kolleksi (materialy k istorii kubanskogo ekslibrisa) (The Biography of a Collection (the Materials for the History of the Kuban Bookplates)), *Naslediye Vekov*, 2015, no. 2, pp. 127-143. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/10/2015_2_Slutsky.pdf. Accessed Month DD, YYYY.

КНИЖНОЕ РЕВЮ: РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ

КУЧУКОВА Зухра Ахметовна
доктор филологических наук, профессор
кафедры русской и зарубежной литератур Кабардино-Балкарского
государственного университета им. Х. М. Бербекова,
г. Нальчик, Россия

Zukhra A. KUCHUKOVA
Dr. Sci. (Literature of the Peoples of the Russian Federation), Prof.,
Department of Russian and Foreign Literatures,
Kabardino-Balkarian State University,
Nalchik, Russia
kuchuk60@yandex.ru

ТЕТУЕВ Борис Инзрелович
доктор филологических наук, профессор
кафедры русской и зарубежной литератур Кабардино-Балкарского
государственного университета им. Х. М. Бербекова,
г. Нальчик, Россия

Boris I. TETUEV
Dr. Sci. (Literature of the Peoples of the Russian Federation), Prof.,
Department of Russian and Foreign Literatures
Kabardino-Balkarian State University,
Nalchik, Russia.
boris_tetuev@mail.ru

Памяти выдающегося культуролога

Рец. на книгу: Национальные образы мира в художественной культуре [Текст]: материалы Междунар. науч. конфер., посвящ. 85-летию со дня рождения литературоведа, философа, культуролога Георгия Дмитриевича Гачева (1929–2008), 25–26 октября 2014 г. / под ред. З. А. Кучуковой, А. Г. Гачевой. – Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых. – 727 с. ISBN 978-5-93680-840-1.
Тираж 300 экз.

In Memory of Prominent Culturologist

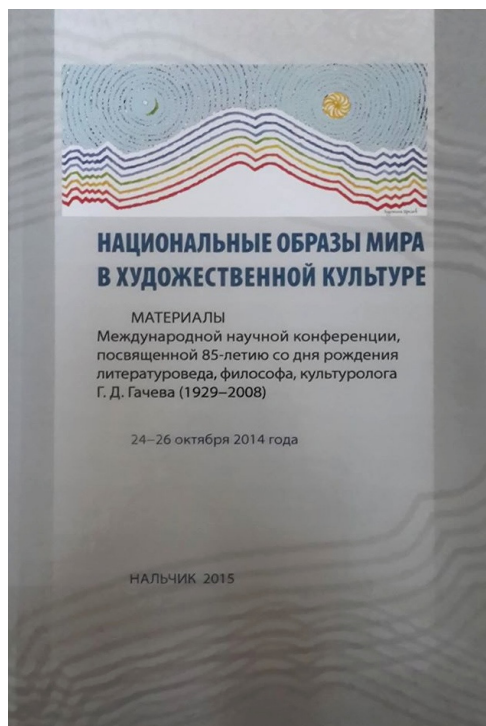
Review of the book: *Natsional'nye obrazy mira v khudozhestvennoy kul'ture* (National Images of the World in the Artistic Culture), Proc. International Sci. Conf. devoted to the 85th anniversary of the birth of literary critic, philosopher, culturologist George D. Gachev (1929–2008), October 25–26, 2014, Zukhra A. Kuchukova, Anastasia G. Gacheva, Editor, Nał'chik: Izdatel'stvo M. & V. Kotlyarovykh, 2015, 727 p. ISBN 978-5-93680-840-1.
Print run 300 copies.

Рецензия на сборник «Национальные образы мира в художественной культуре», в которой вошли материалы международной научной конференции, посвященной 85-летию со дня рождения литературоведа, философа, культуролога Георгия Дмитриевича Гачева (1929-2008).

Ключевые слова: Г. Д. Гачев, национальные образы мира, ментальность, конференция, Нальчик.

Review of the book "National Images of the World in the Artistic Culture", which includes materials of international scientific conference dedicated to the 85th anniversary of the birth of literator, philosopher, culturologist George D. Gachev (1929-2008).

Keywords: George D. Gachev, national images of the world, mentality, conference, Nalchik.

24–26 октября 2014 г. в Кабардино-Балкарском государственном университете состоялась Международная научная конференция «Национальные образы мира в художественной культуре», посвященная 85-летию со дня рождения философа, культуролога, литературоведа Георгия Дмитриевича Гачева (1929–2008). Конференция была проведена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 14-04-14027 г), что подчеркивает ее актуальность и значимость для развития современной отечественной филологии. В очной и заочной форме в работе конференции приняли участие 129 ученых из 10 стран. В числе участников – литературоведы, лингвисты, этнологи, фольклористы, педагоги, психологи, культурологи, искусствоведы, художники, экономисты, математики и др.

Георгий Гачев – российский ученый с мировым именем. Его труды «Ментально-

сти народов мира», «Национальные образы мира», «Миры Европы», «Ускоренное развитие литературы», «Естествознание глазами гуманитария», «Образы Индии», «Вещают вещи», «Америка в сравнении с Россией и славянством» широко известны среди отечественных и иностранных гуманитариев. Тонкий аналитик, в совершенстве владеющий основами как точных, так и гуманитарных наук, он вывел формулу «троемирия» (Космос-Психея-Логос), позволяющую системно и многоаспектно изучать и идентифицировать любой этнокультурный мир «в корнях и ветвях». Предложенный им закон соотносительности между экосистемой, ментальностью и «национальным темпераментом» служит гносеологическим инструментом для постижения и самопостижения особенностей любого этноколлектива.

При этом важен этический посыл его теории, покоящийся на твердой гуманистической и интернациональной основе. Метафорически сравнивая конгломерацию народов мира с «огромным симфоническим оркестром человечества», ученый пишет: «Взгляните на инструменты оркестра. Они все – музыка, все исполняют ее. Но один – флейта, другой – скрипка, труба, фагот, арфа. Каждый обладает своим тембром и добавляет свою краску в симфонию Вселенной» [1, с. 14]. Определяя градус отношения к «соседям по планете», Г. Гачев отвергает прохладное слово «толерантность», предлагая каждому придерживаться установки на «возлюбленную непохожесть», глубокую заинтересованность по отношению к иным культурам. Данная поликультурная концепция мыслителя обретает особую актуальность в эру наступившей глобализации, когда небывалая интенсификация межличностных и международных контактов требует кода «взаимной дополненности» и «любви к инакомыслящему за диво совершенной непохоже-

сти» [1, с. 230]. Знание и учет многослойной толщи бытия и этнокультурной почвы собеседника – путь к мирному сосуществованию, улучшению межэтнических и межконфессиональных отношений, что особенно важно и актуально для многонационального российского общества.

Многих участников интересовало, почему именно на Кавказе проводится гачевская конференция? Между тем, в этом была своя «географическая» логика. Кавказу с его прочными архетипическими основаниями в культуре, как никакому другому региону, близки идеи Г. Д. Гачева о самоценности каждого национального космоса с его «нерастворяющимся во времени ядром». Нельзя сбрасывать со счетов и многовековой мирозидательный опыт кавказских горцев – мастеров «народной дипломатии» в многосложной среде, которую исстари называют «горой языков и культур». По нашим наблюдениям, на Северном Кавказе практически ни одна культурологическая (в широком смысле) диссертация не пишется без методологической опоры на труды Г. Д. Гачева. Следует учесть и то, что в стенах КБГУ на кафедре зарубежной литературы много лет проводится спецкурс «Национальные образы мира в мировой литературе», целиком построенный на методологии Г. Д. Гачева. Все приведенные факты говорят о том, что «Кавказ» и «Гачев» ассоциативно взаимосвязанные понятия и проведение гачевских чтений в северокавказском вузе имело свои достаточно серьезные внутренние предпосылки.

Хочется подчеркнуть и такой позитивный момент: благодаря гачевской конференции в сознании многих участников пошатнулись сложившиеся под влиянием СМИ негативные стереотипы о Кавказе. Некоторые гости признавались в том, что их отговаривали от поездки в опасный регион «Caucasus Incognitus». С этой точки зрения интересно признание одного из молодых московских литературоведов: «Я открыла в интернете карту Налчика, увидела улицы Пушкина, Лермонтова, Чернышевского, Толстого, Гоголя, Чехова и поняла, что это родной для меня город» [3, с. 6].

Оргкомитет гачевской конференции с

самого начала решил сделать акцент на этнокультурной стороне мероприятия, чтобы гости почувствовали во всей полноте кавказский «Космо-Психо-Логос». Для этого пришлось сломать некоторые стереотипы. Учитывая, что «вещь это весть», решено было во время регистрации вместо традиционных пластиковых файлов вручать гостям стилизованные папки, выполненные из местного материала. Эксклюзивные войлочные и вязаные «файлы», выполненные кабардино-балкарскими мастерицами, призваны были чисто по-гачевски подчеркнуть связь духовной и материальной культуры с «природой» этноколлектива.

Цивилизационной историей выработан ряд символических знаков для выражения многообразия этнических культур в мире (цветок, букет, дерево, радуга, сад, ковер, лоскутное одеяло, павлин с его богатым оперением и т. д.). В выборе эмблемы для гачевской конференции оптимальное решение нашел народный художник Кабардино-Балкарии Руслан Цримов: Эльбрус, излучающий научную энергетику в виде многоцветных вытянутых линий. В поликодовом тексте живописца читалось многое: вертикаль гор, кавказский космос, дом и мир, единство Востока и Запада, традиция и инновация.

В ходе подготовки к конференции с «легкой руки» профессора Российского университета дружбы народов Улдана Бахтикиреевой возникла идея провести культурную акцию «Ученые – вузовской библиотеке». Акцию великодушно поддержали почти все иногородние участники конференции, собственноручно передавшие в дар библиотеке КБГУ свои монографии. Рекордсменами этой благородной акции стали ставропольские ученые – К.Э. Штайн и Д. И. Петренко, передавшие библиотеке очень весомые (в прямом и переносном смысле!) фолианты своего научного издательского центра «Textus». Благодаря конференции библиотечные полки наполнились научными книгами В. В. Варавы, А. И. Смирновой, К. Э. Штайн, У. М. Бахтикиреевой, Н. А. Хренова, Б. А. Ланина, Д. И. Петренко, С. А. Тулеубаевой, В. К. Чумаченко, А. И. Темирболатовой и многих других. Среди дарителей особо следует отметить Анастасию Георгиев-

ну Гачеву, которая на протяжении нескольких лет безвозмездно снабжает студентов филологического факультета КБГУ необходимым учебным материалом к спецкурсам «Национальные образы мира в мировой культуре» и «Русская литература в контексте мировой культуры».

По итогам конференции издан одноименный сборник [2], вобравший в себя больше сотни научных докладов и статей, составляющих четыре логически взаимосвязанных раздела. В первый раздел «Голос и Логос Георгия Гачева» вошли статьи У. М. Бахтикиреевой, В. В. Варавы, А. Г. Гачевой, З. А. Кучуковой, Б. А. Ланина, В. А. Масловой, К. К. Султанова, Б. И. Тетуева, Н. А. Хренова, осветившие разные грани жизни и творчества мыслителя.

Дочь ученого Анастасия Георгиевна в статье «Творчество в жизни и культуре» на основе собственных воспоминаний, архивных документов, материалов, хранящихся у болгарских родственников, воссоздала полноценный «земной и духовный квест» отца. Интересное наблюдение сделала У. М. Бахтикиреева, отметившая в своей статье «Феномен Георгия Дмитриевича Гачева», что истинное достижение философа состоит в том, что он сумел императивной технократии (hightech) противопоставить высокую гуманитарную технологию (highhum) [2, с. 13], что особенно важно с учетом нравственной запущенности современного «научно-технического революционера».

Владимир Варавы, которого справедливо называют «восходящей звездой российской философии», в своей статье тщательно исследует философский метод Гачева и присваивает ему типологическое имя «апофатический метод», выделяя среди его составляющих *docta ignorantia*, отрицание детерминизма и этическое кредо. По мнению исследователя, методология Гачева парадоксальным образом, с одной стороны, доказывает «аксиологическую равноценность всех национальных миров», а с другой, отрицает «национализм и глобализм одновременно» [2, с. 18].

Одна из самых глубоких и обстоятельных статей в сборнике принадлежит перу доктора философских наук Н. А. Хренова, ко-

торый дружил с «русским вольнодумцем». Он прямо называет Георгия Гачева основоположником культурологии как науки, развернув ее по лекалам этнокультурной антропологии. Другой интересный вектор в исследовании Н. А. Хренова связан с изучением «архетипической фигуры» самого Гачева, который представляет собой «образцовый тип гуманитария-стойка, предпочитающего свободу успешной карьере, стоический образ жизни материальному успеху и благополучию» [2, с. 68]. Надо сказать, этот вопрос звучит на редкость актуально в контексте современных дискуссий вокруг РАН о свободе научного мышления как человеческой и социальной нормы.

«Георгий Гачев не писал учебников и не создавал образовательных систем или, тем более, образовательных учреждений. Он не писал специальных работ на педагогическую тему. Тем больше опасность растерять его педагогическое наследие. А оно – велико, рассыпанное по книгам и статьям» [2, с. 41]. Автор приведенных строк Б. А. Ланин на основе гачевской книги «Как я преподавал в Америке» по крупицам собрал, систематизировал и представил своего рода гачевский «учебно-методический комплекс», мастерство «преподающего писателя», в котором ключевое место занимают самопознание, самообразование, игровая основа («маскарадность»), компаративистика, междисциплинарность.

Казбек Султанов на протяжении многих лет плодотворно работающий в отделе литератур народов РФ и СНГ в Института мировой литературы РАН с профессиональной объективностью оценивая деятельность Георгия Дмитриевича, подчеркивает, что Гачеву удалось советской «доктрине идеологического единообразия противопоставить принцип многовариантности развития национальных культур» [2, с. 51], а также, «разгерметизировав» само понятие «национальное», наполнить его органикой повседневного бытия. К. К. Султанов из тех, кто засвидетельствовал, как «в конце шестидесятых годов в аспирантском общежитии вокруг Георгия Дмитриевича, собирався разноязыкий семинар-тренинг по национальным мирам и поводом для мозго-

вого штурма становились любая ментальная подробность, любой этнокультурный навык, автостереотип, ритуал, обычай. Национальная кухня, горы, степь, конкретное блюдо, космос камня, искусство тамады – под гачевским пером все обнаруживало философскую глубину» [2, с. 51].

Созданные Г.Д. Гачевым национальные образы России, Англии, США, Франции, Италии, Германии, Греции, Индии, Болгарии, Грузии, Киргизии отличаются глубиной постижения их архетипического ядра. Но что еще важнее, он разработал многоступенчатую, логически обоснованную методологию, позволяющую каждому «этнофору» исследовать собственную «сетку мировоззренческих координат». В этом смысле нальчикский сборник представляет собой целый «географический атлас», «сокращенную вселенную», благодаря ученикам Георгия Дмитриевича, которые творчески усвоили и продлили его идеи на локальном материале. Среди этих «младогачевцев» – чеченка Л.М. Довлеткиреева, украинец В. Е. Науменко, еврей Ю. И. Мурзаханов, карачаевка З. Б. Караева, осетинка Е. Б. Бесолова, казах У. К. Абдыханов, черкес Х. Т. Тимижев, балкарка З. М. Габоева, калмычка Т. Г. Басангова, абхазец В. А. Бигуаа, грузинка Б. А. Шавхелишвили, азербайджанец М. К. Иманов и другие. Интересны и важны кросс-культурные исследования, когда через «другое» просвечивается «свое» – в этой стилистике написаны работы М. Б. Амалбековой, Е. Н. Кремер, А. З. Богатырева, Н. В. Дмитрюк, М. М. Тимон-Рудковской, З. Х. Джанхотовой, М. Соегова, Е. А. Тюгашева. Ценный в научном отношении опыт изучения феномена интерференции национальных образов мира в современном информационном обществе представлен в статье Р. М. Кумышевой.

Инициаторы конференции с удовлетворением отмечают отрадную тенденцию, наметившуюся в экзистенциальной культурологии: искать не только национально особенное, но общее, универсальное, восходящее к протокультуре. В этом ряду находятся работы Л. П. Егоровой «От этноцентризма к планетарному антропоцентризму», К. Э. Штайн и Д. И. Петренко «Язык Лермонтова на пути к универсальности: типизация в портретирова-

нии горцев», А. Т. Махиевой: «Киргизия и Балкария: общность этнокультурных традиций», А. В. Котляровой «Кавказ: культурные стереотипы», А. Р. Кучуковой «Калила и Димна как прототекст транснациональных сказок».

Многим авторам гачевский постулат «возлюбленной непохожести», экстраполированный на область гендера, позволил сделать любопытные научные наблюдения и выводы. Среди тех, кто сумел талантливо привить теорию гендера к «древу этнологии», – М.А. Текуева («Учение Гачева об этнической ментальности и мифологические основания гендерного порядка адыгов»), Л.Ф. Хараева («Ургия и гонимая в мире кавказской женщины»), О.В. Гаврилина («Космо-психо-логос русского мира конца XX в. глазами женщины»), Е.А. Куянцева («Русская женская Психея в современной прозе»), А.С. Князева, А.И. Геляева («К проблеме гендерной маркированности метафоры»), К.У. Бекжанова («Проблемы гендера в условиях индустриально-инновационного развития Казахстана»). Эти работы позволяют утвердиться во мнении, что соотношение мужского и женского начал в каждой культуре имеет свою специфику, и место «женского» в ней определяют характер культуры и тип сознания этноса.

Мы не ошибемся, если скажем, что одну из самых интересных «классных комнат» в этнокультурной школе Гачева занимает профессор Витебского университета В. А. Маслова – автор многочисленных трудов, в том числе, учебников по лингвокультурологии. Вряд ли в современном отечественном языкознании найдется другой специалист, который настолько тщательно и обстоятельно, отталкиваясь от идей Гачева, разработал закон соотнесенности между словом природы и природой слова. Ее статья «Статус и назначение природы в триединстве Г. Гачева «Космо-Психо-Логос» является своего рода «мастер-классом» для лингвистов и литературоведов, желающих «баграми природных концептов» улавливать смысл бытия, читать знаки природы как открытую книгу.

«Художественный текст как источник этноментальных знаний» – под таким углом зрения написаны статьи У. К. Абдыханова, Н. М. Раковской, С. А. Фокиной, О. М.

Мякининой, А. Е. Черновой, Н. В. Дмитриук, Т. Е. Трощинской-Степушиной, А. Б. Цырендоржиной, Л. А. Мулляр и других. Умение работать с объектами, «чьим языком является не слово», продемонстрировали многие авторы, избравшие в качестве культурологического текста национальную кухню (С. А. Тулеубаева, Ф. Н. Гукетлова), фауну (А. И. Смирнова), одежду (А. К. Аппоев), танец (С. А. Озрокова), башню (Ж. М. Аппаева), скульптуру (М. Г. Плиева), звук (Р. Н. Цримов). Бесспорно, такие работы учат «видеть невидимое, слышать неслышимое», прозревать метафизический смысл материальных слагаемых Вселенной.

По тематике представленных статей видно, что у молодых исследователей большой интерес вызывает личность самого Гачева, специфика его «жизнемыслей». Как призналась одна из участниц конференции, после прочтения гачевской монографии «Зимой с Декартом» ей захотелось написать книгу «Осень с Гачевым». Как о серьезном гачеве заявила о себе на конференции молодая московская исследовательница О. Е. Давыдова, в системной форме представившая этнокультурную типологию «миров» Гачева, в сравнительно-сопоставительной форме выстроив их онтологически значимые компоненты. Ценность подобной панорамной картины состоит не только в страноведческом просвещении читателя, но в наглядности лакун, ждущих своего исследователя.

Ряд авторов с высоты XXI столетия ретроспективным взглядом, по-новому, оценивает гачевскую концепцию ускоренного развития младописьменных литератур, поддерживая и развивая мысли ученого, дополняя его откровения примерами из собственных национальных литератур (Ж. Т. Ермекова, В. А. Полагейкина, А. Х. Мусукаева, Д. Ч. Чик). Нестандартный тип научного мышления Г. Д. Гачева, реализующийся в его специфическом «тезаурусе», рассмотрен в статьях М. О. Шаваевой «Жанрово-стилевые инновации Г. Д. Гачева», М. М. Текуева «Особенности использования жаргонной лексики в произведениях Г. Д. Гачева», З. Р. Доховой «Языковая личность Гачева». Интересный кинематографический образ мыслителя представлен в статье

М. В. Битоковой, тонко проанализировавшей документальный телефильм «Семейная комедия» (автор сценария – А. Вигилянская, режиссер – Е. Ласкари). «Глубиной бурения» отличается статья Б. А. Берберова, исследовавшего через «Колымские письма» (София, 2003) трагическую историю жизни болгарского коммуниста Дмитрия Ивановича Гачева, отца философа, который во многом преопределил мировоззрение и творческую оригинальность своего гениального сына.

Книги Г. Д. Гачева по-хорошему провокативны, будят мысль, приглашают к сотворчеству. Об этом можно судить по статье Р. Газаряна, само название которой «Математика. Удивления продолжают» интертекстуально перекликается с междисциплинарной работой Г. Д. Гачева «Математика глазами гуманитария. Дневник удивлений математике» (М., 2009). Отдавая должное диалектическим прозрениям своего наставника, молодой учитель из Нальчика по-гачевски «копает туннель с двух сторон», исследуя гуманитарное содержание математических законов.

Примечательной особенностью нальчикской конференции является участие в ней студентов КБГУ, доклады которых в аннотированной форме нашли отражение в заключительном разделе сборника «Студенческая секция». Вот тематический диапазон студенческих научных работ: «Этнокультурная школа Г. Д. Гачева в КБГУ» (Марьям Каркаева), «Французская ментальность как предмет исследования в трудах Г. Д. Гачева» (Асият Борокова), «Женский образ на страницах кабардино-балкарской прессы» (Карина Гендугова), «Национально-культурный код России в произведениях Достоевского» (Фатима Мамсирова), «Танец как текст этнокультурного значения» (Саняйт Озрокова), «Национальные образы эпических героев» (Дана Паштова), «Этнические преломления рекламного дискурса» (Фатима Таумурзаева), «Отражение Космо-Психо_Логоса Японии в новелле Р. Акутагавы «Паутинка» (Джамиля Теппеева), «Фильм Томаса Бальмеса «Babies»: четыре этнокультурных типа воспитания» (Залина Тхазаплизева). По словам А. Г. Гачевой, присутствовавшей на студенческой секции, «ребята продемонстрировали не только знание трудов Георгия Гаче-

ва, понимание их проблематики, но и умение работать по методу Гачева, и не эпигонски, а творчески и самостоятельно» [3, с. 5].

Историческую перспективу научному форуму задало не только студенчество, но и официально принятое решение Оргкомитета сделать «Гачевские чтения» периодическими и местом проведения очередной конференции избрать «Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева» (Казахстан,

г. Астана). Пользуясь случаем, организаторы нальчикской конференции выражают благодарность министру образования и науки Республики Казахстан Аслану Саринжипову и заведующему кафедрой ЮНЕСКО ЕНУ им. Л. Н. Гумилева Гадильбеку Шалахметову за тепло приветственных слов в адрес кабардино-балкарских коллег, за поддержку научной инициативы, за вклад в укрепление дружбы между народами.

Использованная литература:

1. Гачев Г.Д. Ментальности народов мира. М.: Эксмо, 2003.
2. Национальные образы мира в художественной культуре: материалы Междунар. науч. конфер., посвящ. 85-летию со дня рождения литературоведа, философа, культуролога Г. Д. Гачева (1929–2008), 24–26 октября 2014 г. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2015.
3. Это была духоподъемная конференция! // Университетская жизнь. 2014. № 29. 17 ноября. С. 4–6.

References:

1. Gachev, G. D., *Mental'nosti narodov mira* (Mentalities of Peoples of the World), Moscow: Eksmo, 2003.
2. *Natsional'nye obrazy mira v khudozhestvennoy kul'ture* (National Images of the World in the Artistic Culture), Proc. of the International Sci. Conf. devoted to the 85th anniversary of the birth of literary critic, philosopher, culturologist George D. Gachev (1929–2008), October 25–26, 2014, Zukhra A. Kuchukova, Anastasia G. Gacheva, Editor. Nal'chik: Izdatel'stvo M. & V. Kotlyarovykh, 2015.
3. *Eto byla dukhopod'emnaya konferentsiya!* (It Was the Spirit Raising Conference), *Universitetskaya zhizn'*, 2014, no. 29, November 17, pp. 4–6.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Кучукова, З. А. Памяти выдающегося культуролога [Электронный ресурс] / З. А. Кучукова, Б. И. Тетуев // Наследие веков. – 2015. – № 1. – С. 144–150. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/10/2015_2_Kuchukova_Tetuev.pdf (дата обращения дд.мм.гг). – Рец. на кн.: Национальные образы мира в художественной культуре [Текст]: материалы Междунар. науч. конфер., посвящ. 85-летию со дня рождения литературоведа, философа, культуролога Георгия Дмитриевича Гачева (1929–2008), 25–26 октября 2014 г. / под ред. З. А. Кучуковой, А. Г. Гачевой. – Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых. – 727 с.

Full bibliographic reference to the article:

Kuchukova, Z. A. and Tetuev, B. I., Pamyati vydayushchegosya kul'turologa (In Memory of Prominent Culturologist), Review of the *Natsional'nye obrazy mira v khudozhestvennoy kul'ture*, Proc. International Sci. Conf. devoted to the 85th anniversary of the birth of literary critic, philosopher, culturologist George D. Gachev (1929–2008), October 25–26, 2014, Zukhra A. Kuchukova, Anastasia G. Gacheva, Editor, *Naslediye Vekov*, 2015, no. 2. pp. 144–150. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/10/2015_2_Kuchukova_Tetuev.pdf. Accessed Month DD, YYYY.

БАЛЛА Ольга Анатольевна
заведующая отделом философии и культурологии
журнала «Знание – Сила»,
г. Москва, Россия
Olga A. BALLA
Head, Department of Philosophy and Cultural Studies,
Magazine “Knowledge Is Power”,
Moscow, Russia
gertman@inbox.ru

Энциклопедичность виноделия

Рец. на книгу: Пукиш, В. С. «Новый» Старый Свет. Очерки по истории виноделия Кубани [Текст] / В. С. Пукиш. – Ростов-н/Д: Медиа-Полис, 2015. – 116 с. ISBN 978-5-903454-00-6. Тираж 1000 экз.

Рецензия на книгу, посвящённую развитию на Кубани и российском Черноморском побережье Кавказа виноградарства и виноделия, а также сопутствующих этому практик и культурных форм.

Ключевые слова: виноделие, виноградарство, история виноделия, история виноградарства, история культуры, Кубань, Северо-Западный Кавказ.

Polymathy of Winemaking

Review of the book: Pukish, V. S., «Novyy» Staryy Svet. Ocherki po istorii vinodeliya Kubani («New» Old World. Stories from the History of Winemaking in Kuban), Rostov-on-Don: Media-Polis, 2015, 116 p. ISBN 978-5-903454-00-6. Print run: 1000 copies.

Review on a book about history and current state of viniculture, wine industry in Kuban region and Black Sea coast of the Caucasus (Russian part) and their influence on local societies and their culture.

Keywords: Wine industry, viniculture, history of winemaking, cultural history, Kuban, North-West Caucasus.

Книга Владимира Пукиша [1] – историка, лингвиста, этнографа, переводчика, журналиста, знатока истории и культуры Закарпатья и Кубанского края, собирателя и исследователя кубанского фольклора, а кроме того – сотрудника винодельческой фирмы «Фанагория», – посвящена истории виноделия, виноградарства, а также традиций и представлений, связанных с употреблением вина, у народов, населявших и населяющих Кубань в разные времена.

Кубань – точнее, «северо-восточное Черноморское побережье Северо-Западного Кавказа» – не просто основной винодельческий регион нашей страны, но и один из древнейших, коренных винодельческих регионов мира. Она, по словам автора, – «часть макрорегиона Кавказ», который, в свою очередь, вообще считает-

ся «колыбелью мирового виноделия». Строго говоря, сердцевина этой родины вина – расположенная южнее Малая Азия, где впервые одомашнили дикую лозу. Здесь – родина вида *Vitis vinifera*, от которого и происходили все сорта винограда вплоть до открытия Америки, – к нему и теперь относится «свыше 90 % всего винограда в мире». Но «верхняя» кромка региона, «захватывая Грузию и Армению, простирается вдоль Северо-Восточного Причерноморья до Таманского полуострова». Во всяком случае, рассказанная здесь история – никоим образом не локальна: она, в некотором смысле, имеет отношение ко всему человечеству.

К несомненным достоинствам книги относится уже сама мультидисциплинарность её автора, позволяющая ему видеть рассматриваемый предмет с разных сторон и учитывать, рассказывая о его истории, – одновременно географический, геологический, ботанический, почвоведческий, этнографический, экономический и даже филологический и мифологический его аспекты (список наверняка не исчерпывающий). В результате картина получается объёмной, хотя специального внимания ни одному из названных аспектов автор и не уделяет, ставя себе целью не столько исследование, сколько восполнение лагун в общекультурном представлении об истории и современном состоянии кубанского виноделия и сведение довольно фрагментарных, как правило, знаний неспециалистов об этом в связный его образ.

С формальной точки зрения книга представляет собой сборник статей, очерков, заметок, писавшихся по разным поводам, в разных стилистических ключах – от академического до эссеистического, и, по всей вероятности, адресуемых читательской аудитории разной степени подготовленности (на этих страницах мы не раз встретим специальную терминологию, остающуюся без пояснений. Было бы, думается, правильным при переиздании этой книги – то, что она его заслуживает, притом расширенного, – понятно уже сейчас, – снабдить неясные для непосвящённых места подстрочными примечаниями). Тем не менее, чрезвычайно важно было собрать все эти тексты вместе: не будучи монографическим исследованием (скорее – собранием материалов

для этого), книга даёт читателю возможность составить себе качественное и подробное представление и о самом её предмете – виноделии, и, что ещё более интересно, – о том, что эта история не может быть по-настоящему понята вне своего большого общественно-исторического, культурного и цивилизационного контекста.

Как он в этот контекст вписана – автор нам постоянно показывает.

Книга насыщена такими деталями из истории кубанских виноградарских, винодельческих и питейных практик, какие вряд ли известны многим за пределами узкого круга знатоков. В этом отношении Пукиш обладает изрядной фактографической вездельностью; в теоретических же обобщениях, по преимуществу, сдержан. Среди всех профессиональных обликов автора на этих страницах явно преобладает внимательный, скрупулёзный историограф-систематизатор.

Очень интересна первая глава книги, посвящённая античному периоду истории виноградарства и виноделия в Северо-Восточном Причерноморье. Мы узнаем, например, о том, как были устроены в древности винодельческие хозяйства; как они исподволь формировали под собственные нужды структуру поселений; как вписывалось виноделие в тогдашний календарь, в понятную людям тех времён разметку времени. Показано также, что виноградарство не оставалось без влияния и структуру социума; описаны разные виды торговли вином в античном Боспоре – «пассивная» и «активная».

К сожалению, между «античной» главой книги и следующей, повествующей уже о событиях после окончания Кавказской войны (1864), – разрыв, несмотря на то, что, как пишет в предисловии к книге Дмитрий Ковалёв (Федосов), «винодельческие практики не прерывались в этой части Кавказа ни на один год». Действительно, после войны земли Черкесии опустели, и автохтонных черкесских (адыгских) сортов винограда здесь практически не осталось. Сады и виноградники черкесов были брошены и одичали. О том, что происходило до 60-х гг. XIX в., мы узнаем лишь из кратких упоминаний об этом в главах, посвящённых другим темам. Автор вполне убедительно объ-

ясняет это тем, что в его распоряжении к моменту написания книги не было достаточного количества материала. Поскольку сведения о винодельческих практиках местных народов до начала русской колонизации в принципе существуют, – есть надежда на то, что исследования на эту тему мы ещё увидим.

Кстати, и о «пропущенных» временах Пукиш успеваешь сказать кое-что интересное. Так, он обращает внимание на то, что ислам, господствовавший в этих краях несколько веков и по сей день исповедуемый частью населения Абхазии, при всей своей нетерпимости к винопитию так и не сумел одолеть любви местных жителей к вину. После военного разорения черкесских земель исследователи ещё долго находили в лесах, выросших на месте брошенных садов, одичавшую лозу. «Это могло означать только одно: адыги, даже приняв ислам, запрещающий алкоголь, продолжали выращивать виноград» – и, разумеется, делать из него вино – ещё в середине XIX в. «Считается, – комментирует автор, – что обычное право для черкесов, как и некоторых других народов Кавказа, было важнее законов шариата». Пукиш цитирует также русского исследователя В. А. Разевига, который, побывав «в дебрях Абхазии» в начале XX в., удивлялся тому, что, несмотря на мусульманскую веру, у абхазов всегда было дома вино, которым они не только потчевали заезжего христианина, но и сами «пили исправно». «Очевидно, – сделал вывод Разевиг, – учение Магомета не пустило здесь глубоких корней».

Интересующиеся экономической историей найдут в книге любопытные описания

хозяйственной и финансовой стороны дела: какова была «стоимость закладки десятины» под виноградник у сочинского землевладельца Хлудова в 1870-е гг.; сколько платили наёмным работникам (на мужской, женский и детский труд были разные расценки); сколько стоило ведро «кислого вина» у молдаван, поселившихся в ту пору «в нескольких селениях к югу от Сочи»/

Вообще же, в результате всего получается если уж не сама цельная картина окружавших вино в каждую из упомянутых эпох культурных, цивилизационных и природных процессов (это задача на целую монографию, которая, вполне возможно, – у автора – и у нас, его читателей – ещё впереди), но, несомненно, – живая возможность такой цельности.

Кроме всего прочего, автор делает и ещё одну важную работу – даже не только в историографическом, но и попросту в человеческом смысле. Он рассказывает об энтузиастах российского виноделия второй половины XIX – начала XX в., во многих отношениях – первопроходцах: о тех же баронах Штейнгелях, о Михаиле Пенчуле, о Фёдоре (Бедржихе) Гейдуке, о Дмитрие Пиленко. По существу, он вызывает их из незаслуженного забвения: «если мы и говорим, – пишет он, – о виноделии в Российской империи, то вспоминаем разве что князя Голицына, ну и, может быть, графа Воронцова». Повествуя об этих людях – и обращающие внимание на роль личности в винодельческой истории – главы могут быть названы антропологией виноделия. Таким у нас, кажется, ещё никто не занимался.

Использованная литература:

1. Пукиш В. С. «Новый» Старый Свет. Очерки по истории виноделия Кубани. Ростов-на-Дону: Медиа-Полис, 2015.

References:

1. Pukish, V. S., «Novyy» Staryy Svet. Ocherki po istorii vinodeliya Kubani («New» Old World. Stories from the History of Winemaking in Kuban), Rostov-on-Don: Media-Polis, 2015.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Балла, О. А. Энциклопедичность виноделия [Электронный ресурс] / О. А. Балла // Наследие веков. – 2015. – № 1. – С. 151-153. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/10/2015_2_Balla.pdf (дата обращения дд.мм.гг). – Рец. на кн.: Пукиш, В. С. «Новый» Старый Свет. Очерки по истории виноделия Кубани [Текст] / В. С. Пукиш. – Ростов-н/Д: Медиа-Полис, 2015. – 116 с.

Full bibliographic reference to the article:

Balla, O. A., Entsiklopedichnost' vinodeliya (Polymathy of Winemaking), review of the Pukish, V. S., «Novyy» Staryy Svet. Ocherki po istorii vinodeliya Kubani, *Naslediye Vekov*, 2015, no. 2. pp. 151-153. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/10/2015_2_Balla.pdf. Accessed Month DD, YYYY.

НАСЛЕДИЕ ВЕКОВ № 2 2015

НАУЧНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ ЖУРНАЛ
ЮЖНОГО ФИЛИАЛА ИНСТИТУТА НАСЛЕДИЯ

ISSN 2412-9798

16+

Сетевое издание

Выходит четыре раза в год

Учредитель: АНО Центр духовного развития и патриотического воспитания
«Родные традиции»

Издатель: Южный филиал ФГБНИУ «Российский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева»

Главный редактор: Горлова И. И., e-mail: ii.gorlova@gmail.com

Адрес редакции: 350063, г. Краснодар, ул. Красная, д. 28, оф. 28

Телефон: +7 (861) 268-22-98

E-mail: heritage.krasnodar@gmail.com

Издание зарегистрировано в Роскомнадзоре.

Регистрационное удостоверение: ЭЛ № ФС 77 - 62997 от 04. 09. 2015

Присланные в редакцию материалы публикаций рецензируются в соответствии с Порядком рецензирования рукописей и не возвращаются авторам.

Все права на любые материалы, опубликованные в настоящем издании, защищены в соответствии с российским и международным законодательством об авторском праве и смежных правах.

Использование материалов, размещенных в настоящем издании, допускается при условии обязательного указания точной гиперссылки на журнал «Наследие веков». Гиперссылка делается на оригинальный адрес публикации (URL). При воспроизведении материалов не допускается искажение смысла используемого текста.

Название журнала на русском языке: Наследие веков

Транслитерация названия журнала: Nasledie vekov

Название журнала на английском языке: Heritage of Centuries

Дизайн сайта <http://heritage-magazine.com>:

Т. В. Коваленко

Верстка html-версии журнала:

Т. В. Коваленко

Дизайн pdf-версии журнала:

Т. В. Коваленко, А. В. Крюков

Компьютерная верстка pdf-версии журнала:

А. В. Крюков

Редактура пристатейных списков литературы на русском языке:

Т. В. Коваленко, А. В. Крюков, Н. А. Костина

Редактура пристатейных списков литературы на английском языке: А. В. Крюков.

Редактура аннотаций на английском языке:

Т. В. Коваленко, А. В. Крюков.

Дизайн обложки: А. В. Крюков,

Т. В. Коваленко

При оформлении обложки использованы:

Картина П. Геллера «Гоголь и Жуковский у Пушкина в Царском Селе» (1910);

Фрагмент факсимильного издания рукописи романа «Тихий Дон» М. А. Шолохова (первая страница первой части)

Номер сверстан: 10. 09. 2015

Размещен в сети Интернет: 10. 09. 2015

Гарнитура: Cambria

Формат: 210x297

Усл. печ. л.: 17,787.

Уч.-изд. л.: 13,3

Размер файла: 17,241 Мб

© Наследие Веков

© АНО ЦДРПВ «Родные традиции»

© Южный филиал ФГБНИУ «Российский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева»